

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ
ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

М А Й

XVII

1939

СО Д Е Р Ж А Н І Е

Б. Зайцев. — Гофмейстер (Разказ)	3
Г. Евангулов. — Стихотвореніе	9
Вл. Піотровскій. — Стихотвореніе	10
Вад. Андреев. — Художник Ершов (Разказ)	12
П. Ставров. — Стихотворенія	32
В. Яновскій. — Портативное безсмертіе (Окончаніе)	33
Софія Прегель. — Стихотворенія	75
А. Бенуа. — Воспоминанія о балетѣ. — 2. «Павильон Армиды»	77
П. Милоков. — Роковые годы. — 14. — Положеніе в началѣ 1906 года. — Настроенія партій перед выборами. — Партія К. Д. на втором с'ѣздѣ К. Д. — «Холодный расчет» и горячія настроенія. — Для раз'ѣзда — «Основные законы»	106
М. Ростовцев. — Эллинскій мір и вѣра в загробную жизнь	121
Л. Торопецкій. — От диктатуры к единодержавію	142
Полк. Н. Иванов. — Что и как должно быть подготовлено в каждом домѣ на случай внезапнаго ночного нападенія?	155
Л. Неманов. — Сербо - хорватская проблема	166
П. М. — Драма русскаго генія	181
Х р о н и к а. — Разстановка фигур. — Важнѣйшія событія за апрѣль. — П. Бицилли: — По поводу писем Нат. А. Герцен	187
Б и б л и о г р а ф і я. — С. Осокин: Н. Туровѣров «Стихи»; Л. Хаиндрова «Ступени»; А. Ачаир «Тропы»; А. Жемчужный «Сѣверные отблески». — В. В.: Hilaire Belloc «Pour mieux comprendre l'Angleterre contemporaine». — М. В.: Albert Grzesinski «Inside Germany». — А. Швыров: «The Coming Struggle for Latin America». By Carleton Beals. — Н. П. В.: Alexandre Barmin «Vingt ans au service de l'URSS». — М. Вишняк: «Еврейскій мір», Ежегодник на 1939 год. — Е. Юрьевскій: «Финансы и Кредит СССР»	199
Книги, поступившія для отзыва	208

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

МАЙ

XVII

П А Р И Ж

1939

« Русскія Записки », 51, rue de Turbigo, Paris.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

Б. Зайцев. — Гофмейстер (Разказ)	3
Г. Евангулов. — Стихотвореніе	9
Вл. Піотровскій. — Стихотвореніе	10
Вад. Андреев. — Художник Ершов (Разказ)	12
П. Ставров. — Стихотворенія	32
В. Яновскій. — Портативное безсмертіе (Окончаніе)	33
Софія Прегель. — Стихотворенія	75
А. Бенуа. — Воспоминанія о балетѣ. — 2. «Павильон Армиды»	77
П. Милуков. — Роковые годы. — 14. — Положеніе в началѣ 1906 года. — Настроенія партій перед выборами. — Партія К. Д. на втором с'ѣздѣ К. Д. — «Холодный расчет» и горячія настроенія. — Для раз'ѣзда — «Основные законы»	106
М. Ростовцев. — Эллинскій мір и вѣра в загробную жизнь	121
Л. Торопецкій. — От диктатуры к единодержавію	142
Полк. Н. Иванов. — Что и как должно быть подготовлено в каждом домѣ на случай внезапнаго ночнаго нападенія?	155
Л. Неманов. — Сербо - хорватская проблема	166
П. М. — Драма русскаго гения	181
Х р о н и к а. — Разстановка фигур. — Важѣйшія событія за апрѣль. — П. Бицилли: — По поводу писем Нат. А. Герцен	187
Б и б л и о г р а ф і я. — С. Осокин: Н. Туровѣров «Стихи»; Л. Хаиндрова «Ступени»; А. Ачаир «Тропы»; А. Жемчужный «Сѣверные отблески». — В. В.: Hilaire Belloc «Pour mieux comprendre l'Angleterre contemporaine». — М. В.: Albert Grzesinski «Inside Germany». — А. Швыров: «The Coming Struggle for Latin America». By Carleton Beals. — Н. П. В.: Alexandre Barmin «Vingt ans au service de l'URSS». — М. Вишняк: «Еврейскій мір», Ежегодник на 1939 год. — Е. Юрьевскій: «Финансы и Кредит СССР»	199
Книги, поступившія для отзыва	208

ГОФМЕЙСТЕР

Можно представить себѣ глухой, лѣсной угол Россіи, деревенскій теплый дом, зиму, метели, давнюю барскую жизнь. Среди всего этого вдруг появляются два молодых генерала. Один в гвардейской, бѣлой с красным фуражкѣ, другой штатскій, невысокій и худенькій. Вѣроятно, они в то время генералами не были, но дѣти принимали их за генералов. Они из Петербурга, знатнаго, иного міра, пріѣзжают охотиться. Мать нѣсколько их смущается. К обѣду пирог, утка, мороженое, даже шампанское. Вечером за зеленым столом винт, а потом ночь, и они сгинут в темнотѣ ея, в снѣ — утром уже с отцом на медвѣжьей облавѣ и больше не возвращаются. Розовое, хохочущее и весело - самоувѣренное лицо военнаго с громкой фамиліей, как и остроугольное, изящно - простое его брата, штатскаго в бѣлых валенках — так и уплыли, разошлись в дальнем потокѣ времени. Александр Сергѣевич, Михаил Сергѣевич... — звуки все-таки сохранились.

А движеніе продолжалось. Маленькіе становились взрослыми, взрослые перемѣщались в вѣчность, оставшіеся сотрясались по Европам — сѣял их вѣтер, гдѣ хотѣл. Одних развел навсегда с другими, других неожиданно столкнул во встрѣчах. И привыкнув к тайным ходам рока, не пришлось удивляться, услышав, что штатскій генерал живет в Ментонѣ и хотѣл - бы повидаться.

“Он отлично помнит тѣ края, вашего отца, охоты... Вы ему доставите большое удовольствіе”. — “Сколько - же ему лѣтъ?” — “Восемьдесят восемь. Но он бодр и такой-же джентльмэн, каким всегда был”.

Восемьдесят восемь лѣтъ... — разумѣется, надо увидѣться, и теперь-же, не откладывая.

Автомобиль мчит прибрежной дорогой из Монте - Карло. Круженіе встрѣчных вилл, извивы пути, то упирающагося в скалы, то вылетающаго к морю, то слѣва Рокебрюн средневѣковый, то справа сосново - зеленый ковер Кап - Мартэна, сбѣгающій к морю — пока Бог уберег от летящих навстрѣчу машин, земляничнаго цвѣта автобусов, успѣешь узнать и еще кое что о джентльмэнѣ ментонском. — “Что-же, он так одиночкою и прожил?” — “Одиночкой. Ни жены, ни, кажется, даже вообще близкой женщины никогда не было. Всегда один. Богатство ушло уже здѣсь, за границей. Виллу в Баваріи ухитрился продать в марках, наканунѣ паденія их, и все потерял. Да вѣдь знаете, он по части денег и житейской ловкости, никогда не отличался. Теперь живет на гроши. Нѣмец все-таки постѣснялся со всѣм ничего не дать, ежемѣсячно пенсію высылает”.

Может - ли выплыть этот Михаил Сергѣич, в такой солнечный день ментонскій, из той бездны, гдѣ и он другой, и ты другой? Свяжется с ним хоть-бы что-нибудь или так все, фантазія?

Странно было-б сказать, что узнал человѣка, пятьдесят лѣтъ назад два - три раза видѣннаго. Но когда к остановившемуся автомобилю подошел небольшой старичок в темном костюмѣ, бѣлой подкрахмаленной рубашкѣ с небольшим черным галстуком, чисто, элегантно поданный, вдруг пріотворилось нѣчто.

Россія прежних времен, русскій барин, наш охотник, гость глуши жиздринской, джентльмэн, гофмейстер Высочайшаго Двора... — “Разумѣется”, сказал привѣтливо и очень просто: “вас бы я не узнал, не узнал. Но отца вашего помню отлично”. Он стал присматриваться, улыбнулся. — “Вот теперь даже в глазах нахожу что-то отцовское. Очень рад, очень рад”.

Мы отправились в небольшой tea room у моря. Старая, полная дама почтительно встрѣтила Михаила Сергѣи-

ча. Мы усѣлись в лѣтнія легкія кресла за столиком, нам подали чай. В окнѣ стрѣльчатый лист пальмы, море нестерпимо синѣет, гофмейстер любезно предлагает печенье, и слова наши тотчас прорывают Время, все передвигают, перемѣщают с обычной волшебностью человѣческих слов. — “Этот юг мнѣ давно извѣстен”, говорил Михаил Сергѣич: “в шестьдесят втором году мой отец не поладил с Государем и уѣхал со всей семьей за-границу — в видѣ протеста. Мы жили тогда в Іерѣ”. Он слегка улыбнулся. “Мой отец был нелегкій человѣкъ. У меня с ним тоже выходили затрудненія. Я поступил в Петербургскій университет, а отец больше уважал военных. Университету не сочувствовал. Он в крѣпостное время вырос, николаевскій дух... Считал студентов, да и профессоров, крамольниками”.

Шестьдесят второй год! Университет, студенты в шляпах, с пестрыми плѣдами на руках, освобожденіе крестьян, “Преступленіе и наказаніе”, Писарев, “Отцы и дѣти” — худенькій человѣкъ все это видѣл, может быть, сам ходил с плѣдом на рукѣ.

Гофмейстер быстро перешел к другому прежнему — глушь, тишина, первобытность лѣсов жиздринских. “Вы меня извините, я позабыл нѣкоторыя имена... все-таки, давно было...” Он слегка смутился — но чего-же, собственно, смущаться? Что удивительнаго, если позабыл, как звали какого -нибудь служащаго, кучера или охотника пятьдесят лѣт назад? — “Да, мы с батюшкой вашим много вмѣстѣ охотились. Хорошо помню один его рассказ”...

Он отпил чаю, отер лоб, напрягавшуюся на вискѣ колѣнчатую жилку.

“Мы однажды с ним попали в лѣсную сторожку, к об’ѣздчику. И меня, знаете-ли, удивило, что об’ѣздчик, со всѣм еще молодой — совершенно сѣдой. Когда он вышел, ваш отец говорит: “Это вѣдь цѣлая исторія. Вот она какая: нѣсколько лѣт назад в этой-же мѣстности заночевали в сарайчикѣ дровосѣки — среди них и этот паренек. Дверь не притворили, и представьте себѣ, на зарѣ к ним влетѣл

бѣшенный волк — направо, налѣво так и жарит. Понимаете, ужас! Покусанные в отчаяніи выскакивают. Только этот вот не растерялся, кинулся на волка сверху, зажал его, стал рукой горло душить... Так и не выпустил. Одной рукой душит, а другой за спиной топор на шаривает. Да. Волка он зарубил, наконец. Но в послѣднюю минуту тот укусил его за палец. Пастеровских прививок тогда не было... Всѣ остальные укушенные погибли. А этот ждал, когда его черед. Посѣдѣл весь, смерти ожидаючи. Но она именно и не пришла. Он единственный из всѣх не заразился. Вот как. И напрасно, значит, посѣдѣл мальчишка". Он замолк. "Я, знаете... такой возраст... иной раз и немножко трудно говорить. Того и гляди, слово самое простое позабудешь". Опять он отер лоб платком. "А насчет смерти он напрасно так волновался — разумѣется, очень был молод, жить хочется". "Ну, а мы бы с вами не мучились на его мѣстѣ?" "Разумѣется, но я не о том хотѣл сказать. Вещь извѣстная, но иной раз по новому ее чувствуешь: уж очень никто смертнаго своего часа не знает. Господь мудро устроил. Не знаем, и не надо знать. Незачѣм, значит".

Я не поддерживал разговора о смерти. Наоборот, стал расспрашивать о живом, молодом того времени. Хотя то живое и молодое теперь уже старое или ушедшее, все-же гофмейстер оживился, вновь начал рассказывать. Он о своей забывчивости преувеличивал. Может быть, просто боялся ея, потому и нервничал. Воскрешал-то он живо и точно... Все-же — вот эта жилка на вискѣ бьется еще ровно, правильно, но ей восемьдесят восемь лѣт, и мозгу восемьдесят восемь, сердцу... "Человѣкъ яко трава, дни его яко цвѣтъ сельный".

Михаил Сергѣич расплатился, хозяйка кланялась ему почтительно, он ей любезно и привычно, с легкостью старинной, прочной выдѣлки. И костюм его, и нехитрая шляпа, и манера держаться, все имѣло неистребимо - барскій оттѣнок. Умѣренный либерал шестидесятых годов, читатель Тургенева...

Спутник мой автомобильный с'ѣздил уже по своим дѣлам, ждал в улочкѣ неподалеку. Когда мы проходили садом, по дорожкѣ гравія мимо стволов пальм, внизу щербатых, наверху в шерсти, еще выше — томныя их опахала, вдруг вспомнился мнѣ брат его, гвардеец с румяными щеками, цвѣтом похожими на этот вот куст розоваго олеандра.

“А как Александр Сергѣич? Жив он?”

Гофмейстер, опираясь на палочку, маленькій, худенькій, поднял на меня глаза, снизу вверх. Он был сейчас совсѣм покоен. — “Нѣтъ, брата нѣтъ в живых. Его убили”. — “Убили?” — “Да в Крыму, в Симеизѣ. Ему было семьдесят четыре года. Явились революціонеры, вывели из дома, застрѣлили на дорогѣ. И его, и жену, сына... Да, брат Александр убит”.

Подойдя к машинѣ, он снял шляпу. — “Очень рад, что повидались. Будете на югѣ, милости прошу, не забывайте”. — “Подвезти вас?” спросил его спутник мой. — “Нѣтъ, я пѣшком. Тут близко. Мнѣ даже полезно”.

Мы простились. Автомобиль тронулся, понес в сторону Монте - Карло, гофмейстер небольшими шагами, легко, покойно шел к пансіону своему. — “Ну как, вам было интересно с ним?” — “Да, очень”. Я кое что рассказал спутнику, но вряд - ли это было интересно, ибо самое важное и интересное было за словами и не подлежало выраженію. — “Разумѣтся”, сказал спутник: “ему недолго жить... У него слабое сердце. Что-же подѣлаешь. Жизнь была одинокая, от всѣх в сторонкѣ, но вот прошла. Мнѣ кажется, он просто уснет”.

Через нѣсколько минут и мы распрощались. Он уѣхал на своей машинѣ в Ниццу — его вѣтер унес его туда. Мой — через нѣсколько дней вынес меня из Монте - Карло, и Время продолжало безконечное свое теченіе.

Я жил своею жизнью, спутник своею, Михаил Сергѣич свою у себя в Ментонѣ. И прошло еще два года, ему исполнилось девяносто. Вновь поѣзд высадил меня на вок-

залъ Монте - Карло, пара лошадей в пролеткѣ с тентом — как у нас ѣздили в Ялтѣ — рысцей повезла в гору.

В этом новом отрѣзкѣ бытія своего я узнал, что Михаил Сергѣевич в Ментонѣ жив, хотя и несовсѣм здоров, ослабѣл. “Непремѣнно к нему с’ѣзжу”. Так думал, а ѣздил и в Ниццу, в Жуан ле Пэн, Канн и Ментону, но все не к нему.

Так продолжалось до дня, когда сообщили, что он внезапно скончался и завтра похороны.

Теперь уж я поѣхал. И в солнечный день Ментоны увидѣл небольшой деревянный гроб, весь в цвѣтах, посреди русской церкви. В нем лежал гофмейстер Высочайшаго Двора с отпускным вѣнчиком на лбу, такой маленькій, точно ребенок, в черном своем сюртучкѣ. Старыя титулованныя дамы, княгини, графы и князья провожали его. Литургія, отпѣваніе шли долго, истово, все совершилось как и надо, всѣ попрощались с ним как надо, и как подобает чернѣй катафалк автомобильный унес его на кладбище Ментоны.

Когда-же мы возвращались домой, то мой прежній спутник, нѣсколько болѣе посѣдѣвшій за два года, вновь рассказывал об ушедшем, продолжая управлять рулем. — “Знаете, он вѣдь был большой любитель музыки. Сам играл отлично на роялѣ. Очень любил музыку. Но еще болѣе — астрономію”. — “Астрономію?” — Оказалось, что так. Оказалось, что в том университетѣ, куда не хотѣл отпустить его отец, он увлекался математикой, а впоследствии астрономіей. В Симеизѣ, в имѣніи своем, устроил астрофизическую обсерваторію и работал там. А потом подарил все Академіи Наук. “Его знали и за границей. Да, Михаил Сергѣевич был особенный. Занимался и сельским хозяйством, и винодѣліем. Но болѣе всего астрономіей. И, представьте, пять лѣтъ назад его извѣстило американское Астрономическое Общество, что, в память работ его в Россіи, его именем окрестили новооткрытый астероид”.

Около казино, в Монте - Карло, мы разстались. Был полдень, тихій, солнечный. Завтракать дома еще рано. Я

прошел в любимый свой экзотическій сад. На прудкѣ бѣ-
лая лилія, вокруг пальмы, повыше кактусы. В этот час пу-
стовато, голубой зной, я сажусь на скамейкѣ в тѣни гигант-
скаго жирнолистнаго 'фикуса — у меня здѣсь почти темно,
а вдали, выше пальм и кактусов, горы, чистая синь неба с
нѣжным облачком. Тишина, свѣтъ, и Господь присутствует
в своем Твореніи, и все хорошо, все как надо. Жизнь,
смерть, все правильно. Пожелтѣл лист, вот падает он к мо-
им ногам с дерева. Уходит человек, днями насыщенный, мы
направляем к нему благодарную память, память привѣта.
Маленькій астероид с именем его русским, альфа Михаила
Сергѣича, летит по чудесной волѣ в пространствах.

Бор. Зайцев

*
**

Уж пала на небо вечерняя роса.
Какая тишина — ни дуновенья!
Окаменѣли, замерли лѣса,
И стало вѣчностью мгновенье...

И мнится: умер я, ночь — и не будет дня,
Ни сумерек, что вѣчно голубѣли...
Летит земля, баюкая меня
В могилѣ теплой, будто в колыбели.

Георгій Евангулов

Непрочное апрѣльское тепло
Срывается на стужу поминутно,
Встает волна медлительно и мутно
И падает на камень тяжело.

Невѣрный день, невѣрное свиданье.
Приглохшій город кажется пустым —
Лазурь уходит в облака и дым,
Моя душа уходит в ожиданье.

О, если бы ты снова не пришла!
Стоять бы так, томить воображенье —
Есть в мѣрѣ зло, ты — излученье зла,
Есть в мѣрѣ смерть, ты — смерти отраженье.

Всю ночь парижская весна
Исходит сыростью и мглою,
Внизу неслышная волна
Как бы подернута золою.

Легко качаются дома,
Рѣка туманом затянулась —
Ты наклонилась и сама
Моей руки почти коснулась.

Что скажешь, мой невѣрный друг?
Ночная мгла к устам прильнула,
Ночная тьма порочный круг
До безнадежности сомкнула —

И что отвѣчу? На мосту
Меж двух разлук, меж двух прощаній —
Погасит вѣтер налету
Слова напрасных обѣщаній.

Еще творим судьбу одну,
Одним дыханьем жадно дышим,
Но порознь видим, порознь слышим
В туманѣ вставшую волну.

Еще не глядя, точно знаю,
Чѣм тронуты твои черты,
Как будто сердцем вспоминаю
Тот мір, которым дышишь ты.

Как будто не было меж нами
Ни столкновеній, ни преград,
Как будто вещи говорят
Со мной пророческими снами.

Да, я люблю, и ты за мной
Готова слѣдовать послушно,
Но нетревожно, равнодушно,
Но отдаленно, стороной.

И часто в слабости любовной
Клонясь на грудь твою, в тиши
Я слышу сердца стук неровный
И дрожь холодную души.

И сквозь опущенныя вѣки
Я вижу в темном забытьи
Невоплощенный образ нѣкій,
Черты грядущія твои.

ХУДОЖНИК ЕРШОВ

Слава пришла к нему поздно, когда он уже перестал ждать ее. С первых же дней она стала нелюбимой — она разочаровала его, она казалась ему мелкой и ничтожной. Он думал, что она сидит на нем, как плохо сшитый костюм, выставляя на показ его худобу, что прохожие оборачиваются, заинтересованные не им, Николаем Ершовым, а только его криво сидящим пиджаком, его неуверенной, смѣшной походкою нищаго, боящагося, что полицейскій обратит на него излишне пристальное вниманіе. Слава пришла к нему слишком поздно, ворвалась в его жизнь суетою и шумом, отдалила его от самого себя, от привычнаго состоянія неизвѣстности, от права жить и думать так, как он привык. На нѣкоторое время он как бы потерял самого себя, растерялся, забыл о раз навсегда выработанной манерѣ относиться к людям, как к существам, стоящим неизмѣримо ниже его: признаніе его, Николая Ершова, большим художником сблизило их, — людей и художника, — дало право толпѣ, черни справедливо судить о нем. Больше всего поразило Ершова, что он, незамѣтно для себя, перестал презирать окружающій его мір, что презрѣніе обратилось на самого себя. Его самолюбіе привыкло к самоутвержденію. Об этом самоутвержденіи он мечтал долго и страстно, как мечтают о женщинѣ; понемногу оно стало для него осязаемым, плотским, и вдруг оно оказалось ненужным: другіе, тѣ, чье мнѣніе он привык презирать, начали согласно, как по командѣ, утверждать его, восхищаться его картинами, ежеминутно повторять его имя, иные, правда, еще с нѣкоторой усмѣшкой недовѣрія, но всѣ с чувством равенства, даже превосходства — “мы

не только видим твои достоинства и восхищаемся ими, но даже прощаем твои недостатки, — помни об этом”.

Презрѣніе к себѣ росло в нем неудержимо — слишком прочно было складывавшееся безконечными годами неизвѣстности убѣжденіе в том, что его не могут понять, что творчество его слишком высоко для низменной толпы профанов, что его картины полны неиз'яснимой и глубокой тайны, которую не в силах постичь обыкновенные любители, восхищающіеся картинами Сорина. Но чѣм больше он оскорблялся статьями, восхвалявшими его, тѣм чаще он думал, что именно без этого признанія столько лѣтъ ему было тѣсно и душно. Временами он думал о том, что, быть может, еще не все в его картинах было понято ими, что осталось еще нѣчто, скрытое от чужих глаз, заповѣдное, доступное только ему одному, но с каждым днем все небѣдительнѣй звучали самоутѣшенія, все обнаженнѣе казались его картины. И, наконец, он осознал ясно и неопровержимо — он разгадан до конца, до дна, почти с перваго же дня, и для будущаго его картины никогда не покажутся таинственными. Как умный человек, Ершов знал, что голыя, лишенныя очарованія неизвѣстности картины не только смертны, но онѣ даже лишены честнаго права на существованіе. Тогда презрѣніе к признавшим его стало в нем еще болѣзненнѣе, еще ненасытнѣе. День, когда он впервые замѣтил слово *Hass*, был для него праздником, как будто это нѣмецкое слово дало ему ключ к высокому чувству ненависти. Ненависть — ему казалось, что этим чувством он может оправдать себя перед самим же собою.

Рано утром, когда Ершов еще лежал в постели, в щелку двери ему просунули письмо. Не вылѣзая из кровати, с трудом он дотянулся до продолговатаго, сиреневаго конверта. Письмо было написано на листках, вырванных из тетради. Красная полоса, отгораживавшая поля, разрѣза-

ла слова, дѣлая письмо похожим на черновик ученическаго сочиненія. На послѣдней страницѣ, сквозь косою, шатающійся почерк, сквозь фразы, загнанныя в тѣсный четырехугольник страницы, Ершов разглядѣл карандашныя, полустершіяся слова:

Ночн. руб. — 1

Рубашки — 8

Комб. — 1

Наволочки — 2.

Нѣкоторыя фразы казались Ершову написанными другими чернилами: когда он перечитывал письмо, глаза останавливались только на этих фразах, другія фразы исчезали, стирались, становились невидимыми.

“Николай, ты только подумай, я не живу, я только мучаюсь, — сам знаешь чѣм. Ты понимаешь?”

“Мнѣ надо отрѣзать себя от тебя на нѣкоторое время, чтобы разобраться в себѣ. Подожди 1 или 2 мѣсяца”.

“Я завтра уѣзжаю. Если увижу, что люблю, то напишу, и все прекрасно. Если же нѣтъ, то тогда увидим”.

“Если можешь, то лучше разорви это письмо или дай мнѣ обратно. Я тебя люблю! Я хочу тебя сдѣлать счастливым. Но боюсь. Зачѣм ты подорвал вѣру в тебя? И это анонимное письмо — какая гадость! Вѣдь ты меня сможешь попрекнуть безчестностью. Если это будет, то лучше умереть. Я помѣшалась. Мнѣ страшно за себя. Любишь ли ты меня или это все ложь? Я хочу, чтобы ты меня обнял и сказал мнѣ, что все ерунда, что ты меня любишь, что ты меня не презираешь. Прости! У меня нѣтъ другой бумаги. Все уложено. Цѣлую тебя без конца, единственный мой”.

“Не подлисываюсь. Боюсь, будешь читать мое письмо кому-нибудь. Лучше без подписи — вѣдь ты разсердишься и покажешь”.

Ершов с трудом откинул одѣяло и опустил затекшія в неудобной позѣ ноги на маленькій пестрый коврик перед кроватью. Поверх крыши шестиэтажнаго дома солнце па-

дало косыми лучами на скучный, натертый до послѣдняго блеска, паркетный пол. Должно быть, было уже часов 9 утра — снизу в открытое окно доносился ровный, на большой высотѣ становившійся однообразным, уличный шум.

Ершов одѣвался медленно, с тщательностью, выработанной годами. Он долго правил бритву, радуясь однообразному блеску лезвія. Намылив лицо, он вдруг остановился.

— Рая, — произнес Ершов, не думая о том, что он говорит вслух. Он удивился, услышав свой голос, показавшійся ему плоским и скучным, как паркетный пол, на котором не отпечаталось ни одного слѣда.

— Рая, — повторил он, стараясь придать голосу густоту. Но ничего не вышло. Это имя для Ершова уже давно перестало звучать, как не звучат слишком часто произносимыя слова: “здравствуйте”, “какая сегодня погода”.

В дверь постучали. Ершов, не успѣв смыть с лица бѣлые лишай бритвеннаго мыла, поспѣшно открыл дверь.

Послѣднее время Ершов жил нелюдимо. Если раньше его даже тянуло на люди, то теперь он их чуждался. Он чувствовал их власть над собою, знал, что теперь он их должник, что он обязан расплачиваться за славу по ежеминутно представляемым ему векселям. Однако и одиночество, к которому он стремился, было чрезвычайно тягостно, как и всякое одиночество, пришедшее не изнутри, а извнѣ, навязанное против воли.

Он перебрался в ателье, расположенное на восточном склонѣ Монмартрскаго холма, в огромную, шестиугольную комнату, с темным закоулком, гдѣ за коричневою бархатной занавѣской стояла кровать и помѣщалась маленькая газовая плита. Ателье он обставил случайной, купленной на блошином рынкѣ мебелью: денег теперь у него было много, но многолѣтняя привычка к нищетѣ выработала в нем скупость, которой он стыдился, но которую никак

не мог побороть. Единственным украшеніем комнаты был большой, рѣзного дуба, старинный сундук, прибрѣтенный в Salle Drouot в минуту, когда ему во что бы то ни стало захотѣлось быть широким, и который он потом долго не мог перевезти к себѣ, боясь, что перевозка будет стоить слишком дорого. Его адрес почти никому не был извѣстен, — иногда по цѣлым дням он ни с кѣм, кромѣ уборщицы, приходившей по утрам, не разговаривал. Он подолгу ходил из угла в угол, сторонясь большого окна, раздѣленного на длинные, до самага потолка, запыленные четырехугольники. Он ненавидѣл это окно, как живое существо: оттуда, из глубины, сквозь проклятую прозрачность стекол, врвалась к нему чужая жизнь, и нахальство ея вторженія подчас бывало совершенно невыносимым. Он почти перестал работать — краска, выдавленная на палитру, вдруг становилась ненужной. Ему казалось, что всѣ краски стали слишком покорно - льстивыми и каждая добивается чести немедленно попасть на полотно. Часто Ершов уходил из дому и, миновав сахарныя головы *Sacré-Coeur*, спускался по широкой лѣстницѣ вниз, на бульвары и там нырял в широко раскрытый зѣвъ дневного кинематографа. Он выбирал американскіе полицейскіе фильмы с незатѣйливыми сыщиками, ловкими журналистами и стандартными красавицами, которыми, как ему порою начинало казаться, заселены сверху донизу всѣ нью-іоркскіе небоскребы. Механическій звук плохого проэціоннаго аппарата бил в уши, в зеркальных стѣнах отражался похожій на подводное царство зрительный зал, тускло горѣли красныя электрическія лампочки над запасными выходами, и на экранѣ, покорные режиссерской волѣ, умирали, плакали и смѣялись плоскіе, двухмѣрные артисты. Здѣсь, в этих дневных кинематографах, Ершов проводил самые невыносимые часы своего одиночества. Выходил он, обыкновенно, уже под вечер, с головой совершенно прозрачной и пустой, как будто промытой водою.

Послѣ письма Раи мысль о дневном кинематографѣ

оказалась совершенно нестерпимой. В открытое окно врѣзался зной перваго лѣтняго дня. В длинную щель между клеенчатыми рыжими занавѣсками просачивалось расплавленными каплями густое солнце. Стѣснительный воздух наполнял полутемную комнату. Ершов открыл тетрадь дневника, который он начал вести недавно, но дневник показался ему безтолковым и ненужным. Он пошел в угол комнаты, гдѣ, повернутыя лицом к стѣнѣ, стояли его картины, уже покрывшіяся пылью, — со дня переѣзда он ни разу не прикасался к своим полотнам. Ершов с нѣкоторой враждебностью начал передвигать легкіе и, как ему казалось, мертвые холсты. Почти всѣ картины были неоконченны — он часто говаривал: “я одну картину пишу десять лѣт”. Неожиданно ему попалось полотно, о котором он почти забыл — угол дома, вечер, дождь, и на переднем планѣ освѣщенный тусклым газовым фонарем, похожій на гигантскую бочку, круглый писсуар. Взяв картину, он подошел с нею к свѣту, стараясь припомнить, что заставило его нѣсколько лѣт тому назад начать, а потом бросить работу. Около фонаря он замѣтил длинное темное пятно. “Да, здѣсь должна стоять женщина, но она не вышла. Но если ей надѣть красную шляпку...” Он быстро поставил картину на мольберт и начал рыться в ящикѣ с красками. “Кармина, надо побольше кармина”, повторял он себѣ, “и газовый свѣт — как же я мог забыть! — вѣдь он зеленоватый”. Крышка от тюбика с кармином присохла, и в спѣшкѣ он отервал ее вмѣстѣ с горлышком. На палитру пополз красный, извивающійся червяк. Почти сейчас же, как только Ершов начал накладывать краску на полотно, ему стало ясно, что это не то, и что случайная мысль, пришедшая в голову, внутренне ничѣм не оправдана. Он оставил шляпку, замазав ее коричневой краской, и начал работать над газовым фонарем. Работа не клеилась — знакомое волненіе не поднималось в нем: он казался себѣ пустым до прозрачности, до полного отсутствія самого себя. Все было ничтожно и лживо. “Какой же это зеленый от-

блеск”, с досадой повторял он. “Это салат, а не газовый свѣтъ”. Почти сквозь сон он слышал бой часов на сосѣдней церкви и, не сосчитав удары, ужасно заторопился. “Все все, что угодно, только не картины. К чорту эту мазню”.

Послѣднюю фразу он повторил громким шопотом и сам испугался звука своего голоса.

Слава пришла слишком поздно. Долгіе годы Ершов был одним из многочисленных монпарнасских художников, которые обѣдают два раза в недѣлю у знакомых, живущих на краю города. Как сотни других монпарнасцев, он заходил в кафэ и затѣм, усѣвшись за столик, часами ждал, когда появится добрая душа и заплатит за давно выпитый стакан пива. Самым неприятным воспоминаніем, связанным с этим періодом его жизни, было воспоминаніе о дырявых башмаках, в которых даже послѣ небольшого дождя начинали отвратительно хлюпать коченѣющія ноги. Ощущеніе рваных носков, прилипавших к пальцам, пронизывающій, мокрый холод, медленно поднимавшійся по тѣлу вверх, к самому горлу, холод, от котораго невозможно было избавиться даже в постели, под двумя одѣялами, все это было настолько неприятно, что об этом даже теперь, когда у него были двѣ пары новых башмаков, Ершов старался не думать.

Послѣднія деньги, появлявшіяся неизвѣстно откуда, он тратил на посѣщеніе маленьких академій — единственнаго мѣста, гдѣ можно было писать живую натуру, — и на покупку красок и холста. Красок постоянно не хватало, на одном и том же холстѣ писались двѣ или три картины. Самую большую муку он переживал в тѣ дни, когда ему приходилось закрашивать очередную картину. Ему всегда казалось, что именно та картина, которую он сам, своими же руками уничтожает, лучшее его произведеніе. “Вѣдь это же дѣтоубійство”, — говорил он себѣ, с яростью на-

кладывая фон широкой кистью. “Дѣтоубійство”, повторял он и, послѣ окончанія подготовительной работы, нѣсколько дней не смѣлъ начать уже задуманную, ясно встававшую перед глазами, новую картину. Долгое время он пользовался признаніем всего нѣскольких знакомых художников — близких друзей у него никогда не было — и одного очень извѣстнаго критика, который все никак не успѣвал написать о нем.

Лицо Ершова рѣзко выдѣлялось в толпѣ, как бы затемняло другія лица, приковывало к себѣ вниманіе. Оно было блѣдно, блѣдно до неправдоподобія, и на фонѣ этой блѣдности нѣсколько острых и рѣзких черт пріобрѣтали странную полноту и выразительность: над небольшим, ко-со срѣзанным лбом, прямо подо лбом, так как линіи бровей почти не было замѣтно, блестѣли черные, без зрачков, близко посаженные друг к другу глаза. Минутами казалось, что ничего, кромѣ глаз и лба, у Ершова нѣтъ — исчезали тонкія непріятныя губы и маленькій, женственный подбородок, лишенный растительности.

Ершов имѣлъ обыкновеніе медленно, лѣвой рукою поглаживать безволосую шею с острым, выступавшим адамовым яблоком, как будто избавляясь от духоты узкаго воротничка. Это движеніе, казалось бы совершенно невинное само по себѣ, производило отвратительное впечатлѣніе. Его длинныя, очень худыя пальцы с узкими, полированными ногтями собирали кожу на шеѣ с почти плотоядной жадностью. Минутами его лицо напоминало собачью морду, минутами, покоряя звѣриную свою сущность, оно пріобрѣтало дикую, аскетическую выразительность. Он одѣвался всегда в черное, очень просто, но в манерѣ носить костюм, в том, как всегда был повязан галстук и блестѣлъ, даже в самыя нищія времена, бѣлый воротничек, чувствовалось тщательно скрываемое щегольство. Худоба, угадывавшаяся под платьем, придавала почти мальчишескую легкость его фигурѣ, и сорока лѣтъ, а ему уже было за сорок, никто не мог бы дать.

Послѣ одной из выставок, которыя Ершову иногда, с перерывами в нѣсколько лѣтъ, послѣ преодоленія безчисленных трудностей, удавалось устраивать, совершенно неожиданно извѣстный французскій критик, эстет и нестарѣющій законодатель мод, написал о нем очень хвалебную статью. Англійскій шерстяной король с очень длинной и совершенно непроизносимой фамиліей, большой коллекціонер современной живописи, в тот же день купил нѣсколько картин, заплатив вдвое больше той суммы, которую попросил Ершов. Другой критик, извѣстный своими лѣвыми политическими убѣждениями, разобрал картины Ершова с точки зрѣнія діалектическаго матеріализма, нашел в них отраженіе коммунистических идей и высмѣял англійскаго милліонера. Осип Соломонович, тот самый критик, который в теченіе десяти лѣтъ не успѣвал написать об Ершовѣ короткую замѣтку, в двѣ недѣли написал цѣлую книгу, вышедшую роскошным изданіем с цѣлым рядом прекрасно исполненных репродукцій. Сразу же столик в кафэ, за которым Ершов имѣл обыкновеніе сидѣть, сдѣлался центром общаго вниманія — к Ершову почтительно подходили молодые художники, слово “мѣтр” влѣзало во всѣ фразы, даже в тѣх случаях, когда без него легко можно было обойтись. Но и на самом дѣлѣ мастерство, дѣйствительно, очень подходило для опредѣленія характера творчества Ершова: в его картинах не было человѣка, а был труд и почти безошибочный вкус. Онѣ были похожи на узор, вытканый Зингеровской машинкой — ни одной ошибки и ни одной рѣзкой индивидуальной черты, ни одного мазка, пришедшаго ирраціонально, помимо живописных, вѣками установленных правил. То, что мѣшало в теченіе многих лѣтъ признать Ершова крупным художником, теперь наоборот, по совершенно необ’яснимым причинам, ставилось ему в заслугу: ремесло, восторжествовавшее над живым человѣком, ремесло, ставшее Богом, вселенной.

Осип Соломонович, несмотря на твердо установившуюся репутацію прозорливца и открывателя, за всю свою

жизнь не открыл ни одного новаго художника. Секрет его извѣстности заключался в том, что он, прислушиваясь с чрезвычайной внимательностью к чужим мнѣніям и к чужим словам, ухитрялся выступить в самый подходящій момент и, суммировавъ различныя оцѣнки, с необычайной легкостью и изяществом преподносил их как свои, давно выношенные и провѣренныя заключенія. Так как чувствительность Осипа Соломоновича к чужим мнѣніям была необычайна, он почти никогда не ошибался, и его оцѣнки оказывались на другой день оцѣнками огромнаго большинства. В случаѣ с Ершовым он нѣсколько опоздал и теперь старался загладить допущенную ошибку: помимо монографіи он прочел цѣлый ряд докладов, посвященных Ершову, и в тот вечер, когда Ершов получил письмо от Раи, должен был прочесть лекцію по-русски — честь, которой до сих пор не удостоивался ни один соотечественник Осипа Соломоновича.

Когда Ершов вышел на улицу, он поразился знойному безмолвію города. Под тѣнью полотнянных навѣсов спали вывѣски, прохожіе вращались в тѣны домов, скрываясь от солнца, из-за угла зеленым драконом выполз автобус и, взвизгнувъ на поворотѣ, долго не мог скрыться в тѣни. Первый сухой лист сорвался с каштановой вѣтки и камнем упал на сѣрый асфальтъ. Бѣлосое небо стлалось над Парижем, похожее на плохо выстиранную простыню. Шум шагов замирал при самом рожденіи, и Ершову казалось, что он плывет над тротуаром. Он шел быстро, мучаясь зноем, не думая о том, что от солнца можно было бы укрыться в холодноватой глубинѣ безчисленных кафе.

Он продолжал думать о том, что теперь он никогда не сможет писать картин. “Ну, так уж и никогда”, не улыбувшись произнес он мысленно, — “никогда, как будто я создавал мои картины для того, чтобы меня не поняли. Я писал только для себя самого, — что же измѣнилось с тѣх

пор, как меня признали? Мои картины нужны, прежде всего, мнѣ. Если онѣ попутно захватывают и других, так я тут ни при чем. Но неужели все, все уже раз'яснено? Развѣ возможно вообще раз'яснить картины? Развѣ только нераз'яснимое прекрасно?" — Он вспомнил цвѣты Ван - Гога, — красно - желтые лепестки на темно - голубом, чуть отливающим зеленью, неровном фонѣ. Вспомнил, как цѣлый час он стоял в почти пустом, будничном залѣ Лувра, стараясь понять, что привлекает, что притягивает его к этим странным, извивающимся стеблям, к этой мучительной, несмотря на небесную ясность, непонятной для него живописи. "Вѣдь я же его люблю, этого одноухого безумца, — но он меня должен ненавидѣть".

Задумавшись, он столкнулся с прохожим, вышедшим из за угла, и, досадливо извинившись, снова постарался представить себѣ картину Ван-Гога. Но острота его внутреннего зрѣнія внезапно притупилась, красно-желтые цвѣты поблекли, подернулись сѣрым и скучным туманом. Он начал мысленно вспоминать свои собственные картины. Почти с отвращеніем он увидѣл тѣ вещи, которыя были написаны им в молодости, когда он еще не успѣл избавиться от вліянія художников, которых он считал своими учителями — Кранаха и Босха. "Что я взял от них?" — спрашивал он себя. "Мастерство? Да, я мэтр, но это все не то. Главное, что мои картины мертвы. А лучшія вещи, — если бы не было картин Ринга и Жана Мастиса, — я бы их не написал. Еще хорошо, что о них никто из критиков не вспомнил".

Не обращая вниманія на зной, оставшійся за краем сознанія, он вышел на набережную Сены около Лувра. Но вмѣсто того, чтобы зайти в музей, — всю дорогу он думал, что идет именно в музей — Ершов пошел вдоль гранитных парапетов, на которых примостились косые ящики букинистов. Капельки пота, медленно стекавшія по его блѣдному лицу и щекотавшія шею, напомнили ему, что он изнывает от зноя. Машинально по узкой каменной лѣстни-

дѣ он спустился к самой водѣ и увидѣл перед собою уродливую, четырехугольную коробку пловучей купальни. Короткая черная тѣнь падала на узкій проливчик, отдѣлявшій купальню от набережной. Посерединѣ коробка была выдолблена, и в пролетѣ, на колеблющейся поверхности воды, сіяли нестерпимые солнечные блики. Оттуда доносились, приглушенный шумом оставшагося за спиною города, звонкій визг купающихся и плоскій плеск круглых волночек. Стоя перед овальным окошечком кассы, Ершов долго рылся в кошелькѣ, набирая мелочь. Наконец, отдав бумажник на храненіе, он в сопровожденіи загорѣлаго сторожа, легко шагавшаго по раскаленным от зноя доскам, пошел отыскивать свободную кабину. Внутри купальня сіяла особенной лѣтней жизнью — солнечные зайчики прыгали по зеленому потолку, отражались в большом зеркалѣ, привинченном позади вышки для прыжков, темно - зеленая вода медленно обтекала просмоленные доски, уходившія в непрозрачную глубину. Ему показалось, что он попал в совершенно новый, струящійся мір и что душный, податливый асфальт, по которому он шагал нѣсколько минут тому назад, остался далеко позади, на другой планетѣ.

Ершов не любил и стыдился своего тѣла. Он поспѣшно переодѣлся в глухой купальный костюм, взятый напрокат. Этот костюм сразу уничтожил его социальное обличье — здѣсь всѣ были равны, интеллигентность лиц испарялась, наружу проступала первоначальная простота и грубость.

Обжигаясь, Ершов растянулся на раскаленных досках, пахнувших смолою и масляной краской. На минуту перед ним мелькнула его старая комната, в которой постоянно пахло красками и скипидаром. “Опять краски”, подумал он, “куда же мнѣ от них уйти?” Закинув руки за голову, он закрыл глаза. Чья-то босая ступня наступила ему на ногу — в другое время его всего перекосило бы от отвращенія, но теперь он даже не замѣтил причиненной ему боли. Впервые за весь день он рѣшился подумать о Раѣ. Он знал,

что письмо, полученное им сегодня, означало разрыв. Один или два мѣсяца, которые Рая просила дать на размышленіе, перевѣшивали всѣ увѣрѣнія в любви. Ершов знал, что в разрывѣ виноват он. Он добивался этого, стараясь найти хоть какой-нибудь способ причинить себѣ боль. Но когда эта боль, пришла, наконец, он вдруг почувствовал страшную ея невыносимость. — “Может быть все еще поправимо, — должно быть я увижу ее сегодня вечером. Сегодня вечером”, — вдруг мысли его смѣшались, и откуда-то из непостижимой глубины вырвался острый, как игла, пронзительный луч. Он ударил изнутри, в закрытыя вѣки, расплылся розово - зеленым озером и как вода начал подступать к горлу. Ершов почувствовал, что задыхается. Он попытался открыть глаза, но вѣки слиплись, и густая, мягкая тьма начала падать широкими хлопьями сверху, с высоты, на розово - зеленую поверхность озера. Не помня себя от ужаса, он послѣдним, отчаянным усиліем приподнялся на локтѣ, и в ту же секунду сами собою разцѣпились рѣсницы, и в глаза хлынул синезелтый свѣтъ солнца, закружилась верхняя галлерей купальни, как будто собираясь обрушиться на него. Головокруженіе долго не стихало. Во рту появилась вязкая горечь. Внезапно и очень остро заболѣла голова.

— Э, да вам дурно, — крикнул над самым ухом Ершова сторож. — Будьте осторожны — развѣ можно лежать с непокрытой головой на таком солнцѣ?

Этот неожиданно ворвавшійся голос помог Ершову преодолѣть головокруженіе. Он поднялся, цѣпляясь за бѣлыя полотняныя брюки сторожа, и побрел в тѣнь, на другую сторону купальни, оказавшуюся вдруг страшно далекой.

Осип Соломонович развел перед собою руками воздух, глубоко вздохнул и начал лекцію. Сквозь дым папирос, отражая повисшую пауком, у самага потолка боль-

шую люстру, поблескивал его голый череп. Золотое пененэ то скрывалось в тѣни, то бросало магическіе, острые лучи.

— Всего лишь полгода тому назад имя Е'лшова пользовалось извѣстностью только в небольшом к'лугу художников и к'литиков. Но сила его тво'лчества оказалась такою, что в теченіе шести мѣсяцев — в этот недолгій, можно сказать ничтожный с'лок, он побѣдил 'лавнодушіе избалованной па'лижской публики и тепе'ль является по сп'лаведливости одним из наиболѣе п'лимѣтных наших художников.

Округлыя движенія рук, сопровождавшія окончаніе каждой фразы, как бы преподносили слушателям слова, нѣсколько искаженныя отсутствіем буквы "эр", которую он проглатывал, замѣняя текучим, мягким "л". Впрочем, надо отдать справедливость поклонникам Осипа Соломоновича, этот недостаток рѣчи нисколько их не смущал, даже, наоборот, приводил в восторг, тѣм болѣе, что знаменитый критик любил и умѣл говорить.

Ершов с трудом протискался в тот угол, гдѣ сидѣла Рая. Еще издалека, как только взвизгнула входная дверь, он увидѣл ее. На ней было синее, не по модѣ очень открытое платье, котораго он еще ни разу не видѣл. Темно-рыжіе волосы огненным ореолом сіяли вокруг маленькой, закинутой назад головы. Не мигая черными, нарисованными глазами, она смотрѣла, как Ершов, ежась под ея враждебным взглядом, пробирался между стульев. Когда он подошел, она отвернулась и, не глядя, протянула ему руку, украшенную голубым эмалевым браслетом. Он остановился за спинкою ея стула. Осип Соломонович, округляя фразы, говорил:

— В той г'луппѣ де'левьев, кото'лая была выставлена в галел'лѣ 'Лозенма'лка — весь м'л, вся сущность Е'лшовской живописи. Они одиноки, эти жалкія и могучія де'левья, их т'леплет вѣте'л...

Ершов поморщился, вспомнив, что эту группу деревь-

ев он украл у Иоахима Патинира, мало извѣстнаго фламандца начала 16 вѣка. Наклонившись к Раѣ, обжигаясь огнем ея волос, он смотрѣл сверху на ея открытое платье. “Когда у женщины красивая грудь, то у нея безобразныя ноги”, — сказал он себѣ и продолжал на ухо, приглушенным шопотом, все попрежнему обжигаясь огнем Раиних волос:

— Ты притворяешься, ты лжешь, ты никогда не любила меня.

Рая быстро встала, толкнув плечом Ершова. Сзади отчаянно закрипѣла входная дверь, и во внезапно наступившей тишинѣ прозвучала спокойная, как будто произнесенная совсѣм равнодушным голосом, раина фраза:

— Ты подлец, Николай. Подлец и трус.

Ершов быстро обернулся и увидѣл за спиною испуганное лицо знакомаго по монпарнасским кафѣ художника. С настойчивой, льстивой любезностью, стараясь заглушить Раин голос, он сказал:

— Молодой, очень талантливый пейзажист. Прошу любить и жаловать.

Но Рая, не глядя, прошла мимо, слегка задѣв Ершова своим шуршащим, пахнущим духами синим платьем. Перед нею всѣ разступались, она как будто ножом разрѣзала столпившуюся в проходѣ массу людей. Вслѣд за нею с лицом, искаженным бѣшенством, бросился Ершов. Но он не рассчитал движенія и, зацѣпившись ногою за стул, упал, никѣм не поддержанный, на пол. Вокруг произошло смятеніе. Нѣсколько человѣкъ бросилось к Ершову. Отдѣльныя восклицанія заглушили голос Осипа Соломоновича:

— В твоѣмъ чествѣ Ершова нас по'лажает необыкновенная, в наше смутное в'лемя кажущаяся чудодѣйственной, душевная ясность.

Ершову помогли встать. Он растерянно оглядѣлся кругом, как будто не сознавая, гдѣ находится. Потом, замѣтив монпарнаскаго художника, сказал глуховатым, неестественным голосом:

— Прошу простить мою неудачную попытку познакомиться с вами. В слѣдующій раз, я надѣюсь, мнѣ больше повезет.

В первом часу ночи Ершов остановился перед домом, в котором жила Рая. Всю дорогу он думал о происшествіи, случившемся на лекціи Осипа Соломоновича, потирая худыми пальцами подбородок, как будто слова Раи прилипли к его лицу. О письмѣ, которое он получил утром, он не вспоминал, подсознательно ощущая его в своем бумажникѣ. Ему казалось, что он чувствует его вѣс. Высоко, на четвертом этажѣ, свѣтилось открытое окно. Глухая стѣна дома сливалась с чернотой неба, и окно было похоже на повисшую в воздухѣ елочную, тусклую звѣзду.

“Я больше никогда не буду писать картин. Развѣ я имѣю право писать?” Он вспомнил автопортрет Ван-Гога — “Человѣка с трубкой”. Оранжевая и зеленая краски сливались перед глазами. “Развѣ это живопись?” — с досадой подумал он, чувствуя, что лжет самому себѣ. “Развѣ в этом диком сочетаніи красок есть капелька правды?” И вновь перед его глазами возникли его собственные, мертвые, вылощенные холсты. Он медленно поднял блѣдное лицо вверх, к освѣщенному окну. Приглушая отблеск лампы в свѣтлом четырехугольникѣ, промелькнула тѣнь Раи. На углу улицы потухли огни закрывшагося на ночь кафэ, нѣсколько запоздалых посѣтителей, громко споря, прошли мимо Ершова. Тусклый, сѣро - черный асфальт поглощал огни электрических фонарей, душный ночной воздух приник к землѣ.

Когда послѣдніе прохожіе скрылись за кругом послѣдняго фонаря, Ершов перелѣз через чугунную рѣшетку, отдѣлявшую Раин дом от улицы. Он попал в маленькій, посыпанный скрипучим гравіем сад. Миновав черное жерло парадной двери, Ершов уцѣпился за виноградные прутья и, обдирая руки, прилипая всѣм тѣлом к стѣнѣ, взобрался

на подоконник окна во втором этажѣ. Окно было наглухо закрыто желѣзными ставнями. Он посмотрѣлъ вниз и невольно удивился тому, как невысоко, послѣ стольких усилий, ему удалось взобраться. Отдохнув, он полѣз выше. Вначалѣ ему показалось, что послѣ второго этажа лѣзть легче: бетонная стѣна дома на равных разстояніяхъ была пересѣчена глубокими, горизонтальными складками. Но уже черезъ нѣсколько минутъ пальцы рукъ были в крови, и нестерпимо болѣли мускулы ногъ. На третьемъ этажѣ он не осмѣлился отдохнуть, — окно было открыто настежь, из глубины комнаты доносилось громкое сопѣніе задыхающагося от жары человѣка. Головокруженія и страха Ершовъ не испытывалъ, — он не смотрѣлъ вниз, вся воля была устремлена вверх, туда, гдѣ ему казалось, он начал различать звукъ голосовъ.

Когда он приблизился почти вплотную къ подоконнику четвертаго этажа, свѣтъ внезапно потух. Сперва он подумалъ, что потушили электричество, но когда ему удалось преодолѣть послѣднюю расщелину въ стѣнѣ, он увидѣлъ, что плотная занавѣска прикрыла окно, оставляя только узкую золотую полосу. Сдерживая рвавшееся наружу дыханье, умиряя сердце, Ершовъ подтянулся на рукахъ и сѣлъ на подоконникъ. Внизу, по улицѣ, кто-то прошел, и четкій стук шаговъ впервые указал Ершову высоту, которой он достиг.

— Я не люблю Николая, — сказал Раинъ голосомъ, показавшійся Ершову плоскимъ, лишеннымъ выраженія. Я никогда не любила его.

Наступило молчаніе. Ершовъ не рѣшался пошевелиться, щель въ занавѣскѣ показалась ему недостижимой. Он подумалъ о томъ, что одно невѣрное движеніе, и он может упасть туда, вниз, на острые прутья чугунной рѣшетки, освѣщенные оранжевымъ свѣтомъ дугового фонаря.

— Я не люблю его, — повторила Рая. Ты знаешь, вѣдь это он написалъ мнѣ анонимное письмо. Вѣдь это он самъ рассказалъ о себѣ всю эту гадость.

— Не может быть, — отвѣтил женскій, незнакомый Ершову голос.

— Я знаю, что он. Я увидѣла это сегодня, по его глазам увидѣла.

Ужас паденія охватывал Ершова все с большей и большей силой. Ощущеніе твердаго тротуара под ногами казалось ему невысказанным и прекрасным счастьем. Раин голос соскальзывал вниз, в глубину, вызывал головокруженіе. Сѣрыя стѣны домов, освѣщенные снизу, исчезали на уровнѣ глаз в густой, осязаемой темнотѣ. Желтые круги тротуара, озаренные фонарями, перемежались с уродливыми разводами мрака. Издалека донесся короткій автомобильный гудок. Ощущеніе провала подступало к горлу, и сердце билось огромными тупыми ударами.

— Как я могла любить Николая! Сегодня он испугался отвѣтственности, он был жалок и зол. Если бы ты видѣла его глаза! В них не было ненависти — был только отвратительный страх. Страх и подлость. Как будто на минуту он увидѣл самого себя.

Ершов не помнил, как по узкому карнизу, цѣпляясь за выступы стѣны, он добрался до открытаго окна на четвертом этажѣ, как соскользнул на площадку лѣстницы, как вцѣпился в желѣзные прутья перил. Ужас высоты преслѣдовал его. Он долго пролежал, не двигаясь, прижатый огромной тяжестью своего тѣла, на узком лѣстничном коврикѣ, подвернув правую руку и зная, с чрезвычайной отчетливостью, что вот здѣсь, рядом с ним, за тонкими прутьями перил — пролет лѣстницы, что спасительныя ступени вниз к твердой землѣ, живут и движутся совсѣм вблизи, уже доступныя, уже покорныя ему.

В ту ночь, на разсвѣтѣ, когда уже поблѣднѣло небо, когда погасли фонари и темнота двигалась не сверху вниз, а от земли к небу, когда остыл асфальтъ тротуаров и камни мостовых, Ершов оказался на дальней окраинѣ Парижа,

около *Porte de la Villette*. Вдалекѣ, над сѣрой рябью канала, как желтая луна, свѣтилъ повисшій в воздухѣ циферблат часов. Огромный подѣмный кран опускалъ сверху, с самаго неба, желѣзный крючок, как будто поджидая, когда клонут, очнувшись послѣ ночного сна, большія черныя баржи. Почернѣвшая от слюны папираса прилипла к губам, Ершову хотѣлось курить. Он судорожно нащупывал в карманѣ спички, но, забыв зажечь папиросу, шел дальше, спотыкаясь о круглыя причальныя тумбы.

“Я не имѣю права быть художником. Картины поглощают челоувѣка, онѣ дѣлают его своим рабом. Онѣ начинают жить самостоятельной жизнью, онѣ оставляют челоувѣка за бортом, лишают его возможности честно и просто существовать. В этой темной игрѣ всегда остается побѣжденным художник. Соблазн вдохновенія непреодолим. Но вдохновеніе лукаво, оно приходит все рѣже и рѣже, оно перестает удовлетворять, оно только дразнит, обнажая челоувѣческую беспомощность”.

Все яснѣе и яснѣе выступали на востокѣ уродливыя силуэты труб. Пронесся сухой порыв вѣтра, поднявшій невидимую в сумерках, колючую пыль.

“Труд, — но развѣ труд может спасти художника? Труд сладостен и отвратителен. С того момента, когда через силу, помимо вдохновенія, написана первая картина, — художник умирает. Музу нельзя оскорблять. Муза? Но муза реальнѣйшее из всѣх земных существ. Музу нельзя оскорблять. Она обидчивѣй женщины, она никогда не простит желанія существовать помимо нея”.

На углу зажглась витрина булочной. Ершов остановился около желтаго, туманнаго окна. Его бѣлое лицо расплывалось в окружающем сумракѣ, безпокойно и тяжело горѣли черныя глаза, безбровый лоб покрылся каплями пота. Испачканный костюм висѣлъ ключьями. Ершов был без воротничка, на длинной шеѣ виднѣлись слѣды пальцев, кровоподтеки, как будто он пытался задушить себя.

“Не надо писать картин, не надо писать картин, не на-

до”, — Ершов шопотом повторял одну и ту же фразу, отбивая такт ногой. “Не надо, не надо”, — “Ершов чувствовал, что больше никогда не осмѣлится прикоснуться к палитрѣ.

— Я не могу обмануть самого себя, — вдруг воскликнул он громко — я не могу, я мертв, я бывший художник Ершов.

Он пошел по направленію к дому, путаясь в безконечных, узких улицах рабочих кварталов. Ему все было безразлично, страшная физическая усталость пригибала его к землѣ. “А, может быть, все еще пройдет”, — подумал он, спотыкаясь о большой мусорный ящик, стоявшій посерединѣ тротуара. “Может быть — —”.

На востокѣ сквозь коричневый туман поднималось желтое, извивающееся солнце. На длинной фабричной трубѣ легкое облачко дыма металось из стороны в сторону, как бѣлый флаг. Вверху, над самой головой, в расщелинѣ между черно - сѣрыми, высокими домами зеленѣло утреннее, непостижимое небо.

Вадим Андреев

За стѣной мы как в крѣпости оба,
Синій призрак едва различим.
— Если вѣрность есть вѣрность до гроба...
— Ничего, помолчим, помолчим,

Если счастье есть счастье такое,
Не увижу, не вспомню лица,
Пусть цвѣты расцвѣтут на обоях.
До конца, до конца.

Все равно — не судите нас строго
В подозрительный, трудный наш час,
Много бѣдных, печальных, убогих
В этот дом приходило до нас.

“Крутится, вертится шар голубой”...
Над золотистою тѣнью земной
Солнечной пылью взнесен и пронзен,
То, как потерянный, мечется он,

Бѣднаго смысла игры не раскрыв.
Струнной шарманкой украден мотив,
Музыки дѣтской пронзительный звон
Дергает шуткой смертельный наклон,

Некуда шарик, негдѣ упасть.
“Кавалер барышню хочет украсть”...

П. Ставров

ПОРТАТИВНОЕ БЕЗСМЕРТІЕ

РОМАН

Он имѣл одно видѣніе.

А. Пушкин

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОМЕГА.

Не суждено описать Братства
(Упанишады)

Молодые капитаны
Поведут наш караван.
(Пѣсня)

1.

В этот памятный день я возвращался, слегка ошалѣвшій от непривычнаго бдѣнія, совсѣм рано домой. Смеркалось; по Avenue Gambetta мнѣ навстрѣчу громыхал катафалк. Кучер в перчатках едва сдерживал на широких возжах неистовых бѣлых красавцев - коней с выгнутыми, лебедиными шеями; рядом, — на козлах, — сидѣл джентльмэн в черном цилиндрѣ (а сзади овальный гроб — без родственников и провожающих). “Странно, вечером, на лошадях”, — мелькало у обезпкоенных прохожих, они заглядывали друг другу в лица: провѣряя впечатлѣніе. Внезапно, должно быть почувствовав мгновенную слабость держащей руки, могучіе кони яростным зигзагом дернулись на спускѣ; экипаж подпрыгнул, гроб взлетѣл и скатился на мостовую; ударился о камень, словно орѣх раскололся на двое: отскочила крышка, — из гроба ловко воспрянуло существо в бѣлом саванѣ. Не мѣшкающая, оно вихляющей, какой-то противно - босо - кошаче - цѣпкой ино-

ходью, согнувшись, понеслось к рѣшеткѣ, вскарабкалось и (бѣло оскалаясь, огрызаясь на свидѣтелей) перемахнуло через ограду — скрылось в скверѣ, прилегающем к чинному кладбищу *Père Lachaise*. Экипаж остановился нѣсколько ниже (лошади гнѣвно фыркали, картинно скребли мостовую), оттуда свалился джентльмэн в цилиндрѣ; озадаченно поглядѣв в сторону исчезнувшаго призрака, он обмѣнялся замѣчаніем с кучером, опасно подбѣжал к гробу, собрал его половинки, рысью поволок за собою к экипажу, погрузил и сам вскочил уже на ходу. Лошади с распущенными хвостами тронули с мѣста мудреным галопом, похожим на кадрили, и мгновенно пропали в туманѣ. Мы смотрѣли им вслѣд, за рѣшетку сквера, друг на друга, смятые, растерянные, готовые сразу уступить, застенать, побѣжать из жизни или пожать плечами, расхохотаться, — ожидая знака извнѣ, слова. Беззащитные жались в группы, перебѣгали, судили шопотом; нѣкоторые, словно подхлестнутые, бросались вниз, — догонять; умножились несчастные, что видѣли только хвост, кончик происшествія или совѣм опоздавшіе: спрашивали, рядили. Одни твердили: “настоящій, мертвец, женщина”... Другіе увѣряли: “большая кошка или пантера в чехлѣ”... Третьим казалось, что это свѣтовой луч, “зайчик”, скользнувшій по гробу и мостовой, — к стѣнѣ. “Да полно, что вы, — все чаще раздавались трезвые голоса: — пьяные отвозили пустой гроб к заказчику или в этом родѣ”. А улицу заливали другія волны: то же, да не то (подобно картам — при слѣдующей сдачѣ). Мостовую вновь покрыли клокочущія машины, — в иных комбинаціях и зигзагах; звѣрски вопили газетчики: послѣднее изданіе. Появилась цѣпь, — люди - сэндвичи, гуськом, — зазывая в цирк: там выступает извѣстный сорви - голова, развлекающійся со смертью (*qui s’amuse avec la mort*), на разбрасываемых летучках и афишах красовался юноша, одѣтый как жених, — с большим бѣлым цвѣтком в петлицѣ фрака, — он дружески шагал об руку со смертью, разрисованной как зебра: та показывала ему на кипя-

щій котел, на висѣлицу и электрической стул, а он все любезно соглашался. “Да не реклама ли это цирка, трюк?” предположили в разных концах. Наибольте солидные, матерые господа и дамы вдруг сконфузились, неодобрительно покачав головою, отстали. Только смрадная нищенка, горбатая и хромя (для сохраненія равновѣсія она приняла такую позу, что все мнилось: вот, вот упадет), продолжала визгливо, гнѣвно - поюще стенать; скользя и припадая, — быть может на четверенках, — она оступилась в мрак. Неожиданно и я повернул назад, туда же, вниз. Гнилостные туманы пали в этот вечер на город (это случается раза два-три за год); казалось, они поднялись, выползли из трущоб, снизу, гдѣ щели и скважины, — фиолетово - желтые, причудливые гады, — протягивая ко всѣм лапы, когти, морды, клешни, присасываясь банками, подобно осьминогам, обволакивая, обвивая, цѣлуя, душа. Огни напрасно горѣли: они только прилегали к темнотѣ, не смѣшиваясь, не побѣждая. Вот ядрышко фонаря, а тьма вокруг него — сама по себѣ; только на самой плоскости сферы обозначилась сѣрая, теплая кора, — ореол, — словно из тѣл невѣдомых пограничников, павших смертью храбрых. Я слышал урывками не то пѣніе, не то ругань нищенки, на четверенках оступающей гдѣ-то близко в мрак, но догнать ее не мог: в том состояніи потерянности, близость горбатой, пьяной, — еще болѣе обиженной, чѣм я, — меня успокаивала, ободряла; я чувствовал в ней нужду. Казалось умѣстным подойти, благодарно заговорить; но это вѣдь бесполезно, да и слова нужны — отсутствовали. На площади République, у ярко озаренной витрины спортивных принадлежностей, сгрудились любопытные; там, в глубинѣ магазина, покоился челнок, у весел сидѣлъ обнаженный негр и равнолѣрно, могучими взмахами, греб. Манекен... но такой художественный вряд ли (да и дорого). Черномазый изрѣдка поворачивал свое лицо к тротуару, к женщинам, к школьникам, к людям за стеклом, — (в клѣткѣ обезьяна), — он скалит зубы, кривится (смѣется или шепчет проклятія); сги-

баются эбеновые ноги (дрожат квадрицепсы), пухнут бицепсы рук: гребет по воздуху, — но всерьез. Я проталкиваюсь вперед, незамѣтно мигаю, дѣлаю дружественные знаки. А он все угрюмо выпростовывает весла, злобно обжигая любопытных своим оскалом. Брат мой! Брат мой гонтот, брат мой оранг-утанг, брат в трудѣ, в злобѣ и в спасеніи, ты не понял меня, когда, один из толпы, я кивал тебѣ курчавой головою. В первом часу ночи я вышел из Palais Berlitz, гдѣ упрямо опускал монеты в чрева разных, и впрямь безмысленных, автоматов. Большіе бульвары спали; они были просторны и чисты. Haussmann чинно лег меж универсальными магазинами. Осторожно, обман: узенькія, слѣпныя улочки притаились близко, сбоку. Онѣ — что змѣи, когда прокладывают шоссе, — уползли прочь, в укромныя мѣста, задремали в трещинах и норах, дожидаясь своего времени, чтобы ужалить. Смертныя тѣни сгустились в подглазницах влюбленных; вѣрные друзья, одинокія сироты, подзывают гарсонов и расплачиваются: от Ворот Парижа вагоновожатые повели уже послѣдніе составы. Медленно спускаюсь по лѣстницѣ в метро: с закрытыми глазами, не держась за поручни. Не знаю отчего, все чаще и чаще я стараюсь обходиться без помощи органов чувств, — ищу иных возможностей ориентации. Мертвые в потустороннем мірѣ первое время должны ужасно маяться, парализованные, лишившись старых “дырок” (а новыя еще не прорѣзались). Вѣроятно, отсюда мое безотчетное желаніе натренироваться, привыкнуть к слѣпотѣ. В этот час рѣдкаго движенія вагоны мчатся с предѣльной рьяностью: стук, мотаніе, свист вѣтра временами чудесно передают душу бѣга настоящаго поѣзда, — а мысли дорожныя, дальних слѣдованій, начинают подступать. Сколько прелести: свистки, вокзалы, завываніе, скорость, не мѣшающая, однако, впитывать безконечность равнины. Жаль, слѣдующія поколѣнія не будут знать этого, в сущности уже обреченнаго, способа передвиженія. Как, впрочем, нас могли бы высмѣять предки, путешествовавшіе на переклад-

ных, слушавшіе осмысленное ржаніе коней, щелканіе бича, “э-э-эх” ямщика (а на остановках уют камина, запах жаркого и благодатныя встрѣчи). По сравненію с электро - машиною паровоз живое существо: кипит, взвизгивает, капает, пачкает, грѣет (несовершенство — потеря энергіи). Человѣчность умирает в самой машинѣ. Газовая плита варит и одновременно еще свѣтит (зря), керосиновая лампа навивно старается грѣть (хотя этого от нея совсѣм не требуют); электричество, современное, болѣе “непроницаемо”, но и оно покажется трепетно, легкомысленно живым, — в грядущем: вокруг еще распыляется тепло, нужно все же взять рукою, нажать кнопку (фоточувствительная клѣтка уже освобождает от этого). Как - то ночью у Halle, — сомнамбулически шагая, — я был разбужен человѣчески - внятнѣм, близким, доброжелательным, дружественным голосом: то рядом, в оглоблях, заржала лошадь, повернув ко мнѣ добрую, мирную голову; и в этой ея фразѣ (ночью, меж дѣвками, мясниками и нищими) пролился весь остаток земной теплоты, душевнаго величія (гдѣ память о раѣ, пріятіе судьбы и прощеніе богам). На остановкѣ вдруг подходит бывший товарищ, студент, я его лѣтъ 10 уже не встрѣчал; у него теперь гнусная, испитая рожа, и взгляд благор-р-роднаго человѣка, живущаго на чужой счет. Не удивляясь встрѣчѣ, здороваюсь. Он садится рядом и начинает кричат, — звенит, стучит, мотаает, — под самое ухо, а то и в нос. Людей можно подѣлать на два типа: у одних пахнет, у вторых не пахнет изо рта (не поможешь мытьем, полосканіем, — желудочный клапан пріоткрыт). Он хвалит нѣмцев, потому что ненавидит французов. Ему отвратителен цѣлый ряд народов (по странной случайности, именно тѣ, с кѣм приходилось общаться: свои русскіе, поляки, евреи, чехи). Его лицо (злобная маска) совсѣм близко, — не отвернешься. Мелькает дикая мысль, — ударить. Наконец, — мнѣ пересаживаться (Републик). По коридору, с закрытыми глазами, — дѣлаю 20 шагов. Потом замираю, — хотя тишь да гладь, никакой логической опасности: не

страх, не ужас, вообще ничего опредѣленнаго! Я замедляю шаги, начинаю топтаться на одном мѣстѣ, зная: не могу больше (окружен стѣною). Протягиваю руки, ощупываю: путь свободен . . . еще нѣсколько шлепков ногами, — нѣт, сдаюсь. (А в сущности вѣдь только именно с этого мгновенія, — трудится душа). В туннель слышен гулкій бѣг, позади тяжелое дыханіе: это пассажиры спѣшат к послѣднему поѣзду. Увлеченный, я бросаюсь вперед, сконфуженно выбѣгаю на пустую площадку, гдѣ уныло дожидается нѣсколько сумрачных персон. Сажусь на скамью, сутулюсь. На темном рельсѣ, — с равными промежутками, — стоят лужицы отраженнаго свѣта. Прогуливаясь, бредет мимо, должно быть, женщина, в чем-то мѣшковато - коричневом (пальто либо шаль); опять возвращается. Я отворачиваюсь, какое мнѣ дѣло? Вот раздается оглушительный, — торопитесь! — полицейскій свисток: то контролер дает знать бредущим в коридорѣ, — приближается послѣдній состав. Я поднимаюсь, иду к хвосту, чтобы попасть в крайній вагон (так ближе к выходу — на моей станціи); со стороны я, вѣроятно, произвожу впечатлѣніе вполне осмысленнаго, дрессированнаго существа. С опозданіем отмѣчаю странность: голова поѣзда остановилась по середкѣ... Шипѣніе, скрежет... и вот, по той сторонѣ, пухлый, коротконогій, в свѣтлой фуражкѣ, неумѣло бѣжит к стеклянной будкѣ, дергает рычаг у распределительной доски, — искра. Театрально, без пауз, кричит в телефон; беспомощно дребезжит звонок. А кругом: напряженное затишье, кляксы возгласов, незамѣтное движеніе, без контуров, дуновеніе, — что составляет душу катастрофы (ошибиться нельзя, хоть раз вкусив). Понимаю: бросились под колеса — женщина. Растерянные, весело - возбужденные, пьяные бѣдою голоса. Доносится: — Вот тут, вот так, без шляпы, в платкѣ, она цѣлый вечер здѣсь.. под самый вагон... Тормозил, скорѣе... “Цѣлый вечер здѣсь”... Еще удар, догадка, новый зигзаг — и болѣе или менѣе ясно! Женщина в коричнево - песочном платкѣ — это она ми-

мо меня шлепала. Вышла из дому. Весь день слонялась по туннелю. Говорила: второй, нѣт, слѣдующій поѣзд “мой” — трудно трезвой! Вдруг догадалась: к чему спѣшить — лучше под послѣдній, в час ночи, о нем извѣстят “казенным” свистком. “Все провѣрено и учтено, да спасенія нѣт, так надо... а, может, чудо”. Гуляет под землю, садится в разные вагоны, мѣняет направленіе, сходит на, должно быть, знакомых, но по новому звучащих станціях. Устала. Вечер. République (здѣсь вѣроятно она часто бывала). То посидит немного на скамьѣ, без мыслей, без впечатлѣній, то заспѣшит (рывками), все видит, слышит, обоняет — половинчато вдвойнѣ: пароксизмы вниманія. Вопьется в случайнаго прохожаго: забудет свой взгляд на нем... или в ребенка: рукою к матери тянется, уцѣпился за подол, ха-ха-ха. Вскочит, пройдетя, безцѣльно остановится у зеркала, об’явленія, расписанія послѣдних и первых поѣздов (трудно женщинѣ в таком разобратся). Опять сядет, смиренно ждет: пассажир послѣдняго состава — всякому свое. Иногда, с неопредѣленным чувством взглянет на сосѣда (о, чудо). “Глупо, вѣдь если разсудить, никто уже не в состоянїи помочь”. Когда я сошел на площадку, она поглядѣла пристально, проковыляла близко, кажется, дважды (туда и назад). Но у меня свое: учусь ориентироваться в потустороннем мірѣ, обходиться без чувств (тоже в извѣстном смыслѣ дожидаюсь свистка). Рядом ракета, бомба, адская машина (чѣм начиненная), человек (что задумал), кружит, пересѣкает путь слѣпых, — звѣзда! А я только лишь замѣтил ее — когда уже не стало! Все смотрит, приближается, — (чудо!), — возвращается. Долго ждала этого свистка, но как апокалиптически он прозвучал: протяжный, властно - казарменный, тюремный. Вот здѣсь я теряю тропу, только сердце дергается (о если - бы уже на самом дѣлѣ). Рѣзкій, желѣзнодорожно - полицейскій свист (о нем вспоминать потом, как, — Раскольникову, — о звончкѣ на квартирѣ старухи-ростовщицы). Какой-то геологически бездушный, свирѣпый, бетонный. Трез-

вой, страшно; слушает, расширив душу, пьет, захлебываясь, кислотный звук. Между первым клетком свистка и шипящим тормозом, — секунд 15, 20. Вот в эту разницу (дальше опять все понятно) я снова и снова заглядываю, как в темную прорву; ничего очами не видно, а корчусь на днѣ, словно узрѣв все. Опять, опять: подвожу цѣпь к одному краю, ставлю ногу на другой, опускаю голову, ныряю на миг в “разницу”, барахтаюсь там, задыхаясь и постигая. Чтобы достать тѣло, нужны разные чины и специалисты, — даже если легко, только руку протянуть, — так установлено. Мы взлетали на ципочки, гнулись, скользили: хоть бы что-нибудь увидѣть, — реальное; клочок плоти, ткани. Нѣкоторые клялись: вот край платья, пятно. По чувству, лишь через полчаса явились пожарные; вмѣстѣ с ними хлынули откормленные, матерые, ночные полицейскіе, — особая порода. Тѣло забросило под самую середку: два вагона прошло... низкія оси, буфера, рессоры, брусья, сѣть проводов, шпалы, — не проползешь. Прежде всего, естественно, занялись нами, свидѣтелями. Я отрекомендовался врачом. (“О, я не думаю, чтобы выгодились. Впрочем, я освѣдомлюсь”). « *Ayez pitié de moi!* » — раздался вдруг такой близкій, беспомощный, исподній, загробный, потустороненный, слабый, женскій, материнскій, предсущее - знакомый голос. Всѣ замерли от неожиданности, потом всполошились, нелѣпо побѣжали, спотыкаясь, мечась, подступая. Это бывает иногда с безнадежно - ранеными: очнется и с минуту, словно вполнѣ, — здѣсь (в противоположность средним увѣчьям). « *Ayez pitié de moi!* » — снова, так же освящая эти грязные, кафельные своды, донеслось, кажется, из-за спиц, колес, рельс (невѣдомо откуда, неопредѣляемо, ибо невѣдомо, прозрачно - беззащитно рождались звуки). Пожарный в бутафорском шлемѣ полѣз было, пополз на корточках, на карачках, застучал, погромѣл, примѣриваясь; старшій нагнулся, поколдовал. Нѣтъ, рѣшительно не спорилось: забыли (или случай особый) — нужен еще один прибор. Контролеры, машинисты, уборщики, кассир-

ши, — служащие метро, — слонялись (разбуженные ночью мухи) блѣдные, запуганные. Только пожарные и полицейские больше зря не суетились, солидно ждали инструмента, перекидываясь рѣдкими замѣчаниями профессионалов — мастеров. Раз, воскресной, лѣтней ночью, в госпиталь привезли контуженного в дракѣ; случай банальный, требовал, однако, немедленного вмѣшательства; я попросил сопровождавшего пьяную жертву полицейскаго мнѣ помочь. Едва, послѣ разных манипуляцій, я вонзил иглу шприца в обнаженный мускул, как страж, огромный дядя, с'ѣдающій быка, пробормотав воркующим голосом нѣсколько слов, кулем грохнулся на пол. "Я очень впечатлителен", — сумно признался он потом, весь покрытый испариною. Теперь вот он ходит большими сапожищами, служит, распоряжается, а меня, если толкнуть, — упаду (колѣни, колѣни). Мы привыкли к разным постановкам смерти: я знаю ее в бѣлых ширмах, с эфиром и неслышной сестрою; а ему доступнѣе эта, особая, желѣзнодорожно — пожарно — судебная, гдѣ пятна в щелях, лужи, прилипшіе к тѣлу лоскутья, пряди волос неизвѣстнаго происхожденія. Безплотный голос давно уже смолк. Вот издалека: сапоги, — по лѣстницѣ бѣгом. Несут, пятясь задом, аппарат. Кругом облегченно дрогнули, перемѣстились. Сжатым воздухом поднимали вагон: шипѣлъ нагнетаемый газ, медленно всплывала тяжелая рама (чудилось, сейчас сорвется: воздух вѣдь). На путь подали узенькія носилки, устланныя землистою парусиной; двое поползли с ними под оси; мучительно, мнимо неловко (о, как медленно). Они уже хлопочут над чѣм-то (податливое и неповоротливое, что трясется, будто студень). Вот, впервые для меня, за ободьями, брусками шевельнулся край чего-то: подол, платок... И вдруг: рука, человѣческая рука, неповторимая. Блѣдная (у рожениц такія), мелкая, дѣтски послушная, со взлизом жирной грязи. Она высунулась было, странно двинулась, сползла вниз и снова, описав дугу вверх, скрылась. Путь назад, позвякиваніе металлических частей: пряжек, колец, касок. Подняли

носилки: один конец, другой, — на площадку. Завернутая, подоткнутая парусиною, легкая, тоненькая. Только на мгновение — молнія, слѣд лица. Крохотное, землисто-мѣловое. Уже не молодая: дѣтская, нѣжная кожа в пятнах. Спит, трудные роды (главное свершено); слабая, но, ох, как много осилившая, желѣзо протиравшая; тѣни ржавых, землистых лишаев, взлизы грязи, а лоб—знакомый. Ловко подняли, умѣло понесли, вильнули в дверях: коридор, лѣстницы и главный выход на Place de la République, гдѣ нас ждала довольно многочисленная для этого часа, сумрачная толпа. Ловко бросили носилки в машину, тронули в сторону St-Louis, молодежато вскакивая на ходу с привычной, горделивою четкостью движеній, свойственной профессионалам (так опытная проститутка побѣдоносно вихляет задом, ведя уже сговореннаго кліента; хирург торжественно кладет послѣдніе, изящные швы; взломщик лихо распакивает дверцы несгораемой кассы). Пустынен и задумчив проспект ночью (что-то гложет его сердце). Случайный прохожій, шлепая с той же быстротою, долго плетется рядом, медленно отставая (или обгоняя); они бормочут, напѣвают, странные неудачники, фантомы. В уличных уборных окултно шумит свѣтильный газ; там классовые лозунги и порнографическіе рисунки, гильотина и совокупленіе. На скамьях, в нишах под'ѣздов смиренно почесываются спросонок бездомные, — замерзли, оступились в камень, в тѣнь. Рука, все т а рука предо мной! Чѣм, чѣм, — знакома ли, напомнила важное? — чѣм она меня стегнула по глазам?.. (согрѣть бы дыханіем). И вдруг взрыв: “она вѣдь мертвая, эта рука”! Противорѣчіе: т а к а я рука должна оставаться неподвижною, а она перемѣщалась (по чужой волѣ). Несоотвѣтствіе поражало, коробило. Да, да. Блѣдная, грязная, нѣжная, слабая, что осиливала, что творила, держала, как грѣшила и каялась. Мать моя, дочь. А лицо роженицы, истекающей кровью. В мѣшкѣ, подоткнутая. И лоб (гдѣ я видѣл близко такой)! “Господь, прими эту душу. Прими и прости!” — повторил я уже грозно,

с чувством безсилія, будто собираясь пальцем сверлить гранит: только лишь предполагая сопротивленіе (так в семейной жизни одна половина, подозревая, что вторая начинает сердиться, мгновенно тоже раздражается). — Нѣт, нѣт, нѣт, что мнѣ наконец дѣлать! — шарахался я, не желая попасть в старый, знакомый тупик. — Вот. Сначала. Помогите. Вот эту душу, которую я не вѣдая пріял (будучи средним и ничѣм), ее утѣшь. Прости ей: за страх и горечь, за муку р а з н и ц ы (свиисссток) и мужество (вѣдь трезвая), согласилась безгласная. И за эту молитву. Отец, если дух мой что -нибудь пред Тобою, вот кидаю его на вѣсы. Сдѣлаю все положенное, все, что помню, что подскажешь, любое приму (только не бор-машину)! Иисусе, укрѣпи мою молитву. Вот человек и несслыханный его земной путь (Тебѣ вѣдомо), он в жизни по разному слонялся, едва, едва связал концы с концами. Господь, прими новую душу! Согрѣй, исцѣли. Прости, что бы ни было позади. Дай мнѣ искупить долю ея грѣхов. Если надо, стану святыыым». Рука (дѣтская; но рожавшей) опять зашевелилась, — близко, покрытая крапом смерти, слабая, кроткая, со ржавыми взлизами (дыханіем согрѣть). “Далась тебѣ рука!” — и вдруг я, униженный, остановился, обмер, пораженный в самое сердце, опозоренный догадкою: — А будь это мужик, мужская”? — и, ошельмованный, прислонился к автоматическим, беззвучно, малиново мигающим вѣсам, косно стремясь внѣшним движеніем исчерпать внутреннюю сумятицу: пристыженный, потный, возмущенный (так бѣглаго каторжника часто опознают в минуту его наивысшаго торжества, — по дорогѣ в церковь, с богатою, знатной невѣстою). “Что-же это, Господь, даже помолиться нельзя без сексуальности!” — отчаянно, кичливо, с претензіей возопил я, обманутый в лучшем порывѣ, осрамленный, спущенный вниз (колѣном надали). А когда уже не было ни сил, ни охоты продолжать этот діалог, наступила тишина, симметрия, — не мира, а усталости; туда, как в пустоту, устремились заштатные геніи, разные шопоты и запахи,

производя отвѣтственные измѣненія! Быть может, важно, не откуда исходит чувство, — пусть из навоза, — а к чему ведет, толкает. И здѣсь я воистину оправдан, освящен: неожиданно торжествующій, побѣдителем, я продолжал путь, славя Творца, таинственным образом приобщаясь к Его могуществу. Иногда, кусая мысленно губы, подпрыгивал (или наоборот, присѣдал), вспоминая, как возлѣ меня кружил человѣкъ, цѣлый день ждавшій чуда (я легко мог бы его совершить). О нѣкоторых других, предыдущих знакомцах: безработный, он неловко попытался ограбить ювелира (убил), потом двое суток бродил по городу без пристанища и, посидѣвъ на лавочкѣ против освѣщеннаго кафэ, вечером стрѣльнул себѣ в рот... Как-то женщина шла в осеннія сумерки спереди меня с двумя дѣтьми (один на руках, второй рядом ставил кукольные ножки); на ней были холщевыя туфли, чулки до верху мокрые, а вокруг — вселенная. Веселье, огненный (яростный) свѣтъ били в мою грудь. Больше не страшно, словно я знал уже, что дѣлать, или чувствовал: скоро узнаю. “Промедленіе смерти подобно”. Казалось, рѣшительное произошло или — близко. Так противный морской вѣтер становится попутным, когда мѣняешь галс. “Воспрянул, воспрянул, зря не истрепался, — шептал: осанна, осанна”. И просил, чтобы очередная, поганая случайность (проклятіе этой жизни) не подкралась вдруг и не спутала (не впервые) всѣ карты, отбросив за ту межу, когда снова, годами, мнѣ придется отлеживаться (заткнув уши и ноздри), — пока не приспособлюсь, залижу раны, обрѣту необходимое для дѣйствія равновѣсіе. Меня несло по темной сѣти мелких переулков. С точки зрѣнія энергетики я должен был смертельно устать (во всяком случаѣ больше, чѣм давеча), но уже давно я не испытывал такой легкости, силы и отваги (спѣшил, неразумно бѣжал в гору, кичась и забавно восторгаясь). Наверху пахло могилою, а с колокольной упало: “Напрасно люди спят... Я знаю в чем истина”... Втянув голову, я пронесся мимо, свернул на улицу с мертвыми лавками, гдѣ в

концѣ — красный крест Бира. Быстро (так перелистывают устарѣлый учебник) скользнул по лѣстницѣ (на поворотѣ — старуха с синими глазами; сейчас, до локтя голыя руки! Лоренса). Дверь в прихожую пріотворена; толкаю ее, преодолевая отвращеніе, касаюсь (однажды крыса, испугавшись фонарика, бѣжала впереди меня, — зарылась туда, смятенно - свирѣпо пища, прячась в углы от лезвія свѣта). И навстрѣчу слышу переполошенный голос: — Не пугайтесь, пожалуйста, это я!..—Отпираю, впопыхах нащупываю кнопку (провалилась), щелкаю выключателем, а пальцы дрожат, как перед бѣдою. Спиноза застѣнчиво мнется, потом, переступив порог, объясняет, заикаясь: — Я вас ждал. Дважды заходил. Порученіе... Мнѣ начинает сдаваться, что я именно к нему так спѣшил сейчас, чуть ли не давно условились о встрѣчѣ! “Жан”? — спрашиваю. “Жан Дут вернулся”, — кивает Спиноза и старательно улыбается, подчеркивая это будто бы архи-радостное для меня событіе. — Он уже два дня здѣсь. Устраивается. Сдѣлал важное открытіе. Просит вас пожаловать обязательно завтра к 10 часам. Я побывал даже в нѣскольких... кафэ», — Спиноза смутился. “Кто еще с ним пріѣхал?” Спиноза с готовностью объяснил: “Там много разнаго люда, и цвѣтныя есть”. — “А мальчика нѣтъ, Педро?..” — “Кажется: худой, узкогрудый”. (О. о, о!). — “Послушайте, Спиноза, хотите выпить чаю? С ромом? Славный вы человек, Спиноза!” Позабывтая, буйная радость овладѣвает мною; ощущеніе совсѣм иное чѣм раньше: безпокойно, лихорадит, нѣтъ мира, хочется двигаться, хлопотать, тягаться. — “Чудесно, как я рад вас видѣть! Вы меня подозреваете, — знаю, знаю, — а между тѣм я вас очень люблю”. Я озорно улыбаюсь молчаливому Спинозѣ, хлопаю его по плечу, заговорчески подмигиваю, тормошу, пытаюсь накормить, напоить, удѣлить хоть долю своего возбужденія. Наливаю остатки рома, показываю рѣдкую книгу Ангела Силезскаго (упрашиваю, — взять на память). Спиноза отказывается: от рома, от дара... изрѣдка трет себѣ рукою виски, словно отгоняя боль

или норovia вспомнить нѣчто. Я знаю: ему трепанировали череп в Мексикѣ: разстрѣляли за участіе в коммунистическом бунтѣ, — чудом спасся, раненый в голову, уполз. Из евреев, — он 2 года провел во французском монастырѣ, был Римом рукоположен в священники. Я чувствую такой прилив любви, что не церемонясь спрашиваю: “Скажите, вы родственник того Спинозы, философа? Давно уже собираюсь”... Он застѣнчиво улыбается (трогательно видѣть эту дѣтскую черту на таком серьезном, тысячелѣтнем лицѣ), отвѣчает: — “Ничего общаго; если угодно, могу об’яснить”... (Опускает, прячет глаза: вѣроятно, ему часто, при различных обстоятельствах, с противоположными побужденіями приходилось об этом рассказывать; поднимает их, успѣв потушить какую-то искру, большіе, слегка выпуклые, темные, не отражающіе свѣта благодаря густым, длинным, — туберкулезным, — рѣсницам). “Мои предки всѣ — раввины. Пращур был отцом двойни: братья — близнецы, против ожиданія ни в чем не схожіе. Когда они приступили к изученію особой книги, начинавшейся приблизительно так: “А теперь займемся грядущим послѣ конца времен”, — один из мальчиков обомлѣл от страха. Пращур хотѣл тут же прекратить урок, но второй рѣшительно заявил, что желал бы не мѣшая продолжать (это очень не понравилось старику)); вот послѣдній, мой прадѣд, благодаря странному обстоятельству, и был переименован в Спинозу. Он занял мѣсто раввина в сосѣднем городкѣ. Несмотря на огромную эрудицію и примѣрную жизнь, в округѣ его боялись и сторонились; а брат - близнец, царствовавшій в родѣ, прозвал даже Черным и ненавидѣл. Однажды, когда в годовщину смерти, Черный, по преданію, посѣтил гробницу отца, гдѣ молился усердно, а затѣм навѣдался к старшему, послѣдній его встрѣтил такими словами: — Ты был у отца, а отец был здѣсь, он тебя не простил и я тебя не прощаю.. Шла ли меж ними распря или были тайныя причины, Бог вѣдает. Скоро поползли слухи, что Черный бесѣдует с христіанскими священниками, его встрѣтили

ночью в городѣ, у ворот дома епископа, нашлись свидѣтели, утверждавшіе: крестился. Чернь ворвалась в комнаты, перерыла все; обнаружили сундук с книгами, на языкѣ неизвѣстном, но самая внѣшность коих выдавала церковно - христіанское происхожденіе. Прадѣда повели за черту и начали побивать камнями; знатный барин, случайно проѣзжая в коляскѣ, услышал клики; он задержался на минуту, послал форейтора и спас еретика. Будучи человѣком просвѣщенным и не без фантазіи, он рѣшил назвать осужденнаго Спинозою. Оттуда и пошло. Прадѣда с семьею увезли, кажется в Вѣну. Однако, вскорѣ жена с пятилѣтним сыном вернулась: послѣдній дал жизнь моему отцу”, — улыбаясь об’яснил Спиноза. “А про перваго Спинозу вы ничего больше не знаете?” — попросил я. Он ждал этот вопрос; по оливковому лицу метнулась тѣнь, тотчас же скрылась, подавленная в зародышѣ (словно зѣвок). “Официально его больше никто не видѣл. Только есть легенда, — он глянул искоса, нерѣшительно, провѣряя мое отношеніе к легендам. — Много лѣтъ спустя, когда большая часть тѣх мужей отошла уже к патріархам, старшинѣ - близнецу, в канун большого праздника, доложили про нищаго, который просит о ѣдѣ и ночлегѣ. Этого странника брат принял с величайшим рвеніем, уступил ему свое мѣсто (что у нас не в обычаѣ), усердно потчевал, на завтра ввел его в синагогу со всѣм почетом, установленным для людей богатых золотом или знаніем; а на утро, что еще поразительнѣе, он во главѣ семьи пошел провожать бродягу и до городской черты нес его заплечный мѣшок. Старцы будто бы узнали в странникѣ т о г о, Чернаго, и шептались по углам. Нѣкоторое время спустя, когда брат умер и мѣсто царствующаго в родѣ занял его великовозрастный, сѣдой сын, послѣдній однажды с утра отдал приказаніе: — Готовьте праздничный обѣд, вытопите баню, кто бы меня сегодня ни спросил, ведите тотчас же сюда и не мѣшайте нашей бесѣдѣ... А в полдень — странник бодро подошел к крыльцу, хмурая ласковые глаза. Его встрѣтили точно родно-

го, угощали (бесѣдовали запершись); проводили до рогатки и долго стояли, глазѣли: вот уменьшается, непоколебимо тает в невѣдомой дали, куда ленточкою вьется сѣрое шоссе. Это Черный, шептали будто бы снова старцы, узнав его. Все"! — Спиноза смущенно поглядѣл, неожиданно улыбнулся и перевел дыханіе. "Доночуйте, милый, здѣсь! — предложил я. — Это легко устроить. Уже поздно. Я так рад", — убѣждал я, увѣренный, что откажется, и осчастливленный его мгновенным согласіем. Мы улеглись рядом на полу (подушка одна, кровать узкая). Из темноты в закрытые глаза скользил знакомый, невѣдомый странник. Вот он, подпоясанный веревкою. Ах, как хорошо. На поворотѣ останавливается, оборачивается, улыбаясь (как мнѣ, тот, на скамѣ), а старцы у рогатки глотают свѣтлыя слезы. Эта исторія мнѣ что-то напомнила, тронула тѣ-же, уже задѣтая мѣста. Боясь шелохнуться, долго тягался с памятью, пока набрел: св. Сергій и Стефан Пермскій... поклонились друг другу на разстояніи 9 верст (с тѣх пор в Лаврѣ укоренился обычай—послѣ 3-ей перемѣны ѣды вставать и отвѣшивать низкій поклон). Рядом, трогательно довѣрившись, Спиноза: на одной подушкѣ наши головы, и не брезгаю, не гнушаюсь... как в дѣтствѣ (когда всѣ — одна семья).

2.

Проснулись мы почти одновременно—рано. Вмѣстѣ вышли. Я знал, что мое нетерпѣніе будет только расти, в одиночествѣ достигнет гиблых размѣров, и потому цѣплялся за Спинозу, которому порядком надоѣл: он вспомнил про неотложное дѣло и скрылся (а может правда — свиданіе). Собственно, я не вѣрил, что сейчас (да хоть когда -нибудь) увижу Лоренсу. А Жан двоился. То мнѣ казалось: иду на свиданіе с другом, братом, учителем, которому обязан всѣм (даже теперешним — вчерашним — своим внезапным пробужденіем, воскресеніем для реальной жизни); то вдруг — по лѣтнему небу туча — я темнѣл, хмурил-

ся, коченѣл, стараясь подыскать слова вражды и средства мести. “Потребую объясненія, скажу все что думаю и не удовлетворюсь туманными намеками”. Я, дуя щеки, выпячивал грудь; но скоро забывал продолженіе, мѣнял направленіе мыслей, точно ложась на другой галс. “Вокзал, меня ранившій еще в дѣтствѣ. Кто виноват... Цвѣтные, подвижные фонари, голос рока, разлуки, мертвецкая и профиль Лоренсы (стянуты волосы), Жан свѣряет часы в окнѣ уплывающаго экспресса, его плечи слишком широки (новое пальто), заслоняют многое. Я не люблю широкоплечих. С ними у меня особый разговор. Скажу ему... Лик Лоренсы, лоб матери, профиль сестры на обоях (войны, революціи). Брось, чудак, кто виноват... Жан, Жан, не женщина станет меж нами, еще раз (быть может послѣдній) я иду за тобою”. С этим я приближался, солнечным утром к знакомому, сумрачному под’взду; а там “лучистый”, квадратный дворик (открыл широко рот — подобіе поклона — на уровнѣ окна консьержа; он износился за это время: обрюзг, полинял, словно вывалился в мукѣ). На площадкѣ: “Да хватит ли у меня сил взглянуть на Лоренсу, вѣдь сейчас”... Я повернул, рѣшив спуститься побродить, набраться духом, сообразить, но внезапно дверь щелкнула, стремительно распахнулась, и на порогѣ: выбритый, загорѣлый (вождь послѣ колониальной кампаніи), с тяжелым бычьим затылком, много измѣнившійся, — Жан Дут! “Войди, — сказал он хрипловатым голосом. — Сюда! — сперва затворил дверь, потом взял мою руку. — Ты собирався бѣжать?” (Я думал, Лоренса, не знаю! — начал я оправдываться). “Лоренсы нѣт”, — пояснил он тихо и обнял меня. В обширном, пресловутом кабинетѣ собралась уже вся компанія, рѣзко выдѣлялось нѣсколько экзотических чужих лиц. “Подойди, я тебя представлю женѣ”, — приказал Жан. Навстрѣчу поднялась желтая, крохотная женщина с приплюснутым носиком и раскосыми глазками, граціозно протянув игрушечную, безкостную ручку, она произнесла фарфоровым голосом: — Мадлон! — Жан чего - то ждал, дѣйствуя

как гидравлическій пресс; я склонился и поцѣловал смѣшанные, резиновые пальцы. Снова меня подтолкнули, и вот черно - багровое, косматое существо, — негр, папуас, австралиец, кариб, нѣчто обезьянообразное, — вдруг шагнуло вперед, качаясь, плывя на сильных, но каких-то несурзных, согнутых колѣнках, волоча по полу штанины; одной рукою вынимая изо рта дымящуюся трубку, улыбаясь, — должно быть свѣтски, — он протянул мнѣ другую, очень горячую и волосатую, со сползающей льдиною бѣло - крахмальной манжеты. “Бам - Бук”, — отрекомендовал его Жан. Медленно отступая, пятясь, он терпѣливо продѣлал в обратном порядкѣ тѣ-же движенія, и, наконец, опустился в кресло. Но мимо, я смотрѣл уже мимо, одурманенный знакомым овалом возмужалаго лица, с мальчишеским ежиком волос. “Педро”, — плачуще возвал я, раскрывая об’ятія. Он встал, красивый юноша, явно хворый (а в краях губ и глаз отраженіе Лоренсы: вопрос, ожиданіе и одновременно столько довѣрія). — Педро!... Он виновато помялся, но молчал. “Не узнает, — объяснил Жан. — У тебя на носу сажа, что ли”, — и повернул мое лицо, в упор к себѣ. Через минуту, вздохнув, отвел глаза, разсѣянно бросил: “Не сердись, вѣдь он был тогда ребенком, да и то в припадкѣ”. Меня обступили друзья, тѣ-же. Иных я уже не встрѣчал годы (Липен, Савич), с этими недавно бесѣдовал (Спиноза, Свифтсон). Но как всѣ измѣнились (сдали)! Самое ужасное происходило с Чаем и Дингвалем. Их время отмѣчало особым клеймом: странное дѣло, не видать морщин или сѣдых волос, а хочется стенать от жалости. Один Савич чудом избѣг общую участь (развѣ что нос еще набух, отвис). Я устроился на диванѣ, рядом с Липеном (Германія моего дѣтства; он посѣрѣл, раздался в плечах, лицо широкое, — старшій брат того). Перед нами по серединѣ тяжелаго стола возвышалась стеклянная банка, наполненная, вѣроятно, спиртом: в ней, слегка на боку, покоилось человѣческое сердце. Я видал разныя препарированныя части, дюжинами, в музеѣ анатомо - патологической меди-

цины, но с первого взгляда на это хрупкое,—дѣтское или женское, — сердце, во мнѣ что-то оборвалось, мучительно зануло в крови. “Друзья, — раздался зычный, торжественный клич Жана. Он стоял в центрѣ комнаты, разставив ноги, как на палубѣ судна, крайне взволнованный (не подозревая того). — Десятилѣтія я жду этого дня. Он был продуман до всѣх мелочей. Однако главнаго я предвидѣть не мог! — Жан указал на сердце в банкѣ: — Вот между нами сердце отнынѣ, точно радуга между Іеговою и патриархом. В эту минуту завершения систематическаго, каторжнаго и вдохновеннаго труда, хочется засвидѣтельствовать любовь и вѣрность Богу Отцу, нашему Творцу, Сыну Христу, чьим именем дано спастись, и Духу Святому, питающему все благодатью; будем просить и о дальнѣйшем соприсутствіи Всей Троицы, ибо, как вы догадываетесь, вѣроятно, конец моего личнаго дѣла является только серединою нашего, большаго. Отче наш иже еси”... в другой тональности продолжал он. Мы поднялись и всѣ подхватили, хором скандируя слова молитвы (Мадлон и Бам - Бук судорожно перекрестились слѣва на право). Изрѣдка чей-нибудь голос, словно споткнувшись, звякал и выпирал из хора на какой-нибудь фразѣ (Да славится имя Твое: Савич; да придет Царствіе Твое: Жан; хлѣб наш насущный: Спиноза; и остави нам долги наша: Свифтсон). В наступившее затѣм райское благоуханіе міра (гдѣ осязаемо рѣяли силы небесныя) вдруг вкравлись звуки, похожіе на заглушаемый рев: то Бам - Бук, держа сверкающій платок у лица, осклабясь, не то рыдал, не то смѣялся от блаженства. “Братья дорогие, — опять торжественно обратился к нам Жан. — Как вы знаете, два с половиною года тому назад я уѣхал отсюда в бруссу, чтобы продолжать экспериментальную работу. Мы жили в тропическом лѣсу среди обезьяноподобных людей и человѣкообразных обезьян. Жена моя заболѣла и вскорѣ умерла. Я рѣшил: пусть сердце Лоренсы останется, оно мнѣ поможет в поисках... и вырѣзал его. При помощи малокалиберной каучуковой трубки я подавал через отвер-

стіе аорты питательный раствор Рингера - Локкэ: сердце продолжало пульсировать. Оно имѣет автономные центры, вам это извѣстно, тут нѣтъ даже подобія чуда. Оно билось долгіе мѣсяцы у самага изголовья: спал ли я, работал, — всегда рядом, вмѣстѣ. Даже уѣзжая, никогда не переставал я мысленно слѣдить за его жизнью, участвовать в ней. Оно мягко, обнадеживая, сжималось за стеклом: 20, 30 ударов в минуту, иногда ускоряя, то совсѣм замедляя: похоже было на то, что многое, кромѣ усовершенствованнаго состава Рингера - Локкэ, вліяло на его систоли. Как ни странно, сердце утѣшало меня. Оно учило, вразумляло, толкая вперед, — опять сначала, не сдаваться! Подсказывало неуловимую тайну, любовно, всепрощающе мигая в дикой ночи. А работа не спорилась: планы, казалось безошибочные, не оправдали себя. Я чувствовал: разбит на этом пути, но отказаться от первых предпосылок не мог. Выдохся. Увлекся охотою, прогулками по неизслѣдованным тущобам и руслам исчезнувших рѣк. Пропадал надолго из дому: пришлось выписать из Аннама хозяйку. Она оказалась с нѣкоторыми способностями; тропики; лѣс, болота. Скоро Мадлон стала моей женою или вродѣ того. А между тѣм я давно уже замѣчал: слабѣе, тише бьет сердце Лоренсы. Мадлон дѣлала все, что надо, все как я, даже аккуратнѣе, правда, Мадлон... Я помыл орган, измѣнил систему питанія: опустил, окунул цѣликом в раствор, мѣняя его регулярно... но не помогло. Однажды, вернувшись из лѣса, я нашел его уже вторично мертвым. А вѣдь с нѣкотораго времени опека стала лучше, тщательнѣе: мнѣ лично за думами и мечтами случалось забывать, пропускать сроки, — я мог недѣлю просидѣть не шевелясь, глядя на мигающее сердце. Тогда я сообразил: да вѣдь это научно поставленный опыт. Если только Рингер - Локкэ поддерживал сердце, то почему оно сдало именно к тому времени, когда уход стал регулярным?... Что измѣнилось в обстановкѣ?... Больше не было: ночного бдѣнія перед вѣчным другом, дней, в теченіе которых я без слез, неотрывно слѣдил за

его ликом, сурово и нѣжно улыбаясь; а если я отлучался, то и это не мѣшало мысленно продолжать участвовать в его жизни (каждая моя систоля твердила о Лоренсѣ, принадлежала ей, потому что я воистину любил). Значит, сердце билось не от раствора солей англичан (или капли внутренней секреціи желез, что я добавил), а благодаря любви; трепетаніе одного сердца подталкивало другое, дѣлало его существованіе необходимым, душа бдила за двоих, мой ритм передавался туда: пульсаціи крѣпли вмѣстѣ с моей нѣжностью, слабѣли, когда я удалялся. Я не смог бы ее сохранить для полной жизни, — моя любовь недостаточно велика (согласился же я ее потерять). Даже щепоть любви, на которую я был способен, и та начала испаряться: тогда сердце совсѣм остановилось (несмотря на Рингер - Локкэ и чиновничью аккуратность Мадлон). Итак, вывод: если-бы вся земля, два миллиарда существ, любили Лоренсу, она бы не умерла! Если бы моя тощая привязанность длилась, сердце пульсировало бы донынѣ. Друзья и братья, мой опыт важен тѣм, что впервые демонстрирует объективным, научно - экспериментальным путем біологическую цѣнность любви. Борьба за безсмертіе превратилась отнынѣ в борьбу за "миллиардную" любовь. Когда мір полюбил Жана с такою силою, что сумѣет непрерывно пребывать в нем, когда мы всѣ одновременно так же обратимся к Мадлон, то никто из нас уже больше не окоченѣет. Сія тайна открывалась издавна в других символах многим; Свифтсон говорил о подобном, заблуждаясь, однако, в средствах: испокон вѣков одиночки копались, достигая личного удовлетворенія, но мало в чем мѣняя цѣлое. Как же выполнить задачу... В теченіе даннаго отрѣзка времени зазечь всѣх! Я испробовал метод о б р а т и м о с т и, который мнѣ оказывал услуги при других, менѣе важных обстоятельствах. Если у человѣка под вліяніем любви повышается жизненный тонус, учащается пульс, ускоряются ритмы (порыв), выдѣляются обильнѣе секреціи (дыханіе, вазомоторы и пр.), то вызвав искусственным путем подоб-

ные же: пульс, дыханіе, секретіи... не начнет ли об'ект испытывать восторга любви! Всѣ перечисленные выше симптомы в значительной мѣрѣ являются слѣдствіем пропорціонально - острого раздраженія симпатической системы. И, дѣйствительно, раздражая ее особыми возбудителями, я добрался к намѣченной цѣли: всѣ мои об'екты начали попадать в самый центр религіознаго циклона, евангельской, всепобѣждающей любви (когда море дѣйствительно по колѣно). Оставалось только усовершенствовать мое изобрѣтеніе, найти удобный и вѣрный способ такого - же безошибочнаго воздѣйствія на разстояніе и в крупном масштабѣ (милліоны должны подвергнуться цѣльной обработкѣ, преображаясь). Я не стану упоминать о разных фазах моего откровенія, тяжбы с матеріей, как всегда это плотная амальгама страстнаго напора и жульничества, расчета и случайности. Вот он, вот перед вами! — Жан Дут обернулся, отступил в угол, гдѣ стояло нѣчто накрытое черной тканью (подобно старинным фотографическим аппаратам), и ловким движеніем, как престижиджитатор, он сбросил траурное сукно, открыв нашему взору систему колб (подобіе рентгеновских ампул) с экраном: провода вились кругом. Педро, Бам - Бук и Мадлон помогали ему, хлопотливо разбирая шнуры (звякали и серебристо блестяли крохотныя, таинственныя пластинки); онѣ выкатили легкій аппарат на середину комнаты; Жан шопотом отдал на незнакомом языкѣ распоряженіе: прибор подтолкнули ближе к окну. — Друзья и ученики! — снова начал Жан. — Я включу эту лампу. Она горит невидимым свѣтом, а лучи ея могущественны. Их имя — Омега, если хотите, лучи любви или жизни. Все, что попадет в зону их дѣйствія, хоть на 30 секунд, подвергается чудесному вліянію, претерпѣвает райское измѣненіе. Я могу уже строить жерла с радиусом досягаемости в 10 килом. Но и это не предѣл. На плоскогорьѣ Индо - Китая, в области диких Мойев, я однажды добился результатов, о коих лучше пока умолчать, ибо разум этого еще не пріемлет. Мужи и братья! У нас

будет много таких ламп. Поглядите же как онъ дѣйствуют! — и он нагнулся к рычагам. — Ступайте сюда”! — вдруг жестко приказал он, указывая мѣсто за щитом. “Послушайте,—крикнул Свифтсон:—А эти лучи не могут нас задѣть”? Жан подтвердил догадку: “Разумѣется! Слѣдовательно вы должны стать за экран. Вот панцири и шлемы! — он швырнул нам груду изумительно легкой одежды. — Это шелковистая, древесная, пробочная ткань, обведенная особой смолой; замѣтьте себѣ: достаточно любого контакта с так называемыми хорошими проводниками (металлы), чтобы свести защитную роль этого вещества к нулю”. Мы всѣ облачились в легкіе саваны и стали под прикрытіе. “Готово? — нѣсколько гортанных слов к Мадлон. — Глядите! — возобновил Жан. — Вы его знаете. Вот там внизу. Это консьерж. Годами мы исходили кровью, но напрасно. По мнѣнію Свифтсона, должно терпѣть. В крайнем случаѣ вѣчность обойдется без него. Но сегодня наш праздник. Нынѣ силы небесныя невидимо служат с нами”. Во дворѣ у крана шевелилась знакомая туша консьержа (я видѣл только его багровый затылок). В это время с улицы проскользнула внутрь шершавая, согбенная фигура нищаго; без проволочек он достал из-за пазухи фагот, приставил ко рту вверх, как шкалик, и дунул в него. Консьерж обернулся: яростное лицо (не доносит слова)... Музыкант боком, точно краб, пополз к выходу, а консьерж продолжал выбрасывать во всѣ концы свои, подобныя клешням, руки. “А! — гакнул, словно заноса топор, Жан, трогая пальцами, перебирая кнопки: послышалось легкое (отдаленное), пощелкиваніе, будто треск цикады или кузнечика. — Есть, есть, есть”, — жестоко оскалив зубы, он водил чѣм-то похожим на дуло или рупор, цѣлясь вниз. Было по настоящему страшно (хотѣлось зажмуриться, отступить). Вдруг, — нельзя опредѣлить что, — но мы поняли: свершилось. И лишь затѣм консьерж дрогнул, выпрямился, подскочил (как в балетѣ). Лицо его, издавна скотское, плотоядно - равнодушное (ножки и кошельки), ожи-

ло, — блѣдная, радостная усмѣшка преобразила губы. Стройный, помолодѣвшій, с каким-то лучистым нимбом вокруг тѣла, сияя, весь похожій на столб, сноп свѣта, он, кланяясь, приближается к нищему, простирает свои об'ятія. Тот сначала испуганно слушает, потом, сам очарованный, подается вперед, отвѣтно принимает. Вот — откуда подвижность! — консьерж вихрем кружится по двору, уносится в дом, выбѣгает с табуретами, кульками. Он приглашает гостя сѣсть, ставит вино, хлѣб, сыр, подает воду для мытья и, опустившись на колѣна, тряпочкою счищает грязь его худых кораблей-башмаков, но, замѣтив прорѣхи, срывает теплыя, мягкія туфли с собственных ног и начинает переобувать бездомнаго, улыбаясь, блаженно всхлипывая. В окнѣ появляется сонное, опухшее лицо жены: вот багровѣет, еще больше разбухает, собираясь взорваться... но Жан опять завел трубку. Треск кузнечика, — миг. Консьержка птицей, взмахнув руками, выпорхнула. Низко кланяется мужу, о чем-то просит, зовет внутрь, спѣшит достать с подоконника вязанные носки и шарф, одѣвает нищаго; потом убѣгает, возвращается с мисками, кастрюлями, чайником, наливает, радостно потчует гостя, заливаясь слезами, изнемогая от непривычнаго блаженства. Нѣчто райски - библейское в этих дарах, истовых поклонах и больших блюдах с варевом. Нищій подкрѣпляется, затѣм берет свой инструмент, и знакомая пѣсенка—с дѣтства или еще раньше (до утробы) — простая, как солнечный свѣт, вдруг озаряет стѣны. “Жан, — кричу я. — Дорогу. Я иду к ним. Жан, друг мой. Да понимаешь ли ты”. — Выключите линію! стой! стой! — гаркнул Жан и, поймав меня за фалду хламиды, потащил назад. Кругом царило дикое ликование. Сквозь туман (в глазах слезы) вижу, как всѣ мечутся по комнатѣ, восторженно тормозят друг друга, пляшут и верещат; Спиноза обнимает негра с Ямайки, Чай, взяв на руки Липена и Педро, скачет с ними через стол, Савич рыдает, ткнувшись в грудь Свифтсону, а послѣдній рвет на себѣ ворот, дѣлая горлом глотательныя движенія. “Хочу

немедленно, пустите меня, я счастлив"! — звонко воплю. Но меня отбрасывают в угол, я падаю навзничь и гдѣ-то сверху, на покачнувшемся книжном шкафу, замѣчаю сцѣпившихся Бам - Бука с Мадлон. "Что они могут дѣлать в такой позѣ"? — загадываю; чьи-то руки, должно быть Жана, протягиваются к ним, хватают за плечи и встряхивают: головы лѣниво поворачиваются, и лица у обоих как при совокупленіи. Теряю на миг сознание. "Еще. Дайте рylocarpine — слышу возглас Жана и открываю глаза. — Очнулся! — радуется, а я улыбаюсь: мнѣ нравится его безпокойство. — Ты что, как", — заботливо пристаёт. "Жан, Жан, — могу я только выдохнуть: — Не надо шприца. Я только счастлив", — и бодро поднимаюсь; споткнувшись о Педро, цѣлую его (безпутно, в самыя губы), за ним Спиноза, Савич, остальные всхлипывают, мудро кивают мнѣ. "А я рѣшил, что ты хлебнул лучей! — признался, наконец, Жан. — И погиб для нас. Друзья и соратники! — снова возвал Жан, заняв свое мѣсто в центрѣ (я замѣтил: Бам - Бука и Мадлон уже не было в комнатѣ). — Бойцы! знайте, от нас требуют величайшей жертвы. Мы, — какая логическая нелѣпость, — должны выключить себя пока из этого блаженства. Сперва окружим, втянем, вовлечем мір цѣликом, приведем его к святости любви. И лишь в концѣ сами примкнем. Впрочем, неизвѣстно, быть может двое или трое из нас лишатся навѣки счастья, дежуря поочередно, трезвые, у рычагов: заряжая души по мѣрѣ надобности, возобновляя запасы. Устойчивость вліянія лучей еще не проверена. Стисните зубы, прочь соблазн! Знаю, обидно: мы, посвятившіе себя безсмертному дѣлу, должны оказаться внѣ его. Но в этом своя діалектика. Ибо всякій, поддавшійся лучам Омега, уже не способен продолжать скучную, методичную работу управления. Зоркіе, мы должны сохранить холод и даже бездушіе среди горѣнія и нѣжности прочих. Преодолѣть искушеніе, быть жертвою, отдать собственную суть. Это трудно, герои! Особенно для вас, с дѣтства пьных и влюбленных. Опасности подстерегают каждого. Но

когда это Бог любил слабых духом, и развѣ, не претерпѣвши до конца, спасаешься! Мы построим батареи ламп; кромѣ того, я научился закупоривать эманации моих лучей в портативныя ампулки, микроскопическіе шарики, которые я затѣм навинчиваю под пуговицу, пряжки, брелоки. С такою пуговицею на борту пиджака достаточно вам дважды пройти мимо любого, чтобы его преобразить. Пища, подвергнутая воздѣйствию моей воли, сама становится источником той же энергіи, аккумулируя ея живительныя свойства на подобіе витаминов. Мы окружим земной шар, с вышек и аэропланов озарим всю его атмосферу, желаете вы этого?" — так заключил Жан. "Я этого жажду! — торжественно выступил вперед Спиноза; нѣчто гимназическое появилось в его обликѣ (и даже голосом — школьник). — Мы поспѣшим в Испанію. Скоро. Завтра же". Я перебил: "В Россію, в Россію. Прежде всего. Освѣтим Кремль. Села. Расположим лампы на границѣ, так что всякій, подступившій к ней, захлебнется в любви". Сквозь зубы, видимо терзаясь, Чай молил: "Азію надо. Китай, Индія, пол-человѣчества, мы обольем ее, умоем лучами Омега, сразу превратим в огромный резервуар вселенской любви. Так легко. Она только этого и жаждет". А Дингваль хлопотал за черных братьев: "Вы не знаете, как они страдают в этом чужом мірѣ", — стонал он. "И не стыдно! — покрыл все капитанскій голос Жана. — Для этого я вас избрал и посвятил"... Мы смущенно опустили головы, невнятное бормоча и оправдываясь; только один Савич вдруг выпрямился и, как всегда косноязычно, брякнул: "Пусть послѣдняя — Россія!" — лицо его сіяло от нечеловѣческаго напряженія. "На улицу Будущаго! — опомнился я. — Клянусь. И в госпитали"... — "Тише, — крикнул Жан. — Вы, Свифтсон, что скажете, дру же"? Лишь тогда мы вспомнили про Свифтсона и обернулись: он стоял у окна, слегка на отлетѣ, и молчал. "Приму ли я участіе... — тихо, волнуясь, взвѣсивая каждое слово, начал он. — Не знаю еще, хотя понимаю ваши чувства вполне. Во всяком случаѣ, осторожность и честность реко-

мендуют производить испытаніе не сразу в планетарных масштабах. Должно провѣрить себя раньше на многих мелочах, прежде чѣм приступить к коренным преобразованіям. Вот моя настоящая просьба". Жан улыбнулся: "Другими словами, вы бы не хотѣли рисковать судьбою британской имперіи"... "Я не совѣм это имѣл в виду", — вѣжливо, но твердо возразил тот.

3.

Было рѣшено, что двое из нас поѣдут в страну, превращенную, благодаря насилію и безумію, в сплошную крѣпость или тюрьму. Жан и я отправились за визами (мы лишь потом сообразили, что можно обойтись без них). Вооружились. Одна из жилетных пуговиц каждаго содержала по крохотной трубчкѣ с эманациями лучей Омега. Эта ладонка могла насвѣчивать (через свой игольчатый, свободный от изоляціи проход) только под особым углом; радиус ея дѣйствія был, разумѣется, значительно меньше, чѣм у лампы. К тому же ампулки эти скоро выдыхались (приходилось наново заряжать). Посольство... Мгновеніе, — и вот уже нас ликующе ведут в кабинет к нужному чиновнику. Пока Жан об'яснял сущность дѣла, я занял позицію, тщательно нащупывая шею в крахмальном воротничкѣ: казенная улыбка на сволочном лицѣ чиновника проваливается; нѣчто ангельское, молодое, беззавѣтное озаряет его: свѣтлѣет и смѣется, слезы блаженства сіяют в глазах. "Охотно, если это нужно",—рѣшает. Просит нас сѣсть, отдохнуть, предлагает вино и бисквиты, отдает распоряженіе; его оживленіе передается другим, через минуту приносят все необходимое... и он тут же выписывает бумаги, клеит фотографіи, ставит шемпель. В кабинет, без стука, заглянул (как мы позже узнали) секретарь. Чиновник кликнул его, торжественно представил нас, — словно давно жданных, именитых, — сказал о просьбѣ и что рад ее удовлетворить. "Вы"... Секретарь больше не успѣл ничего произ-

нести: взятый с двух концов, только восторженно икнул, стрѣльнул, волнообразно как змѣя, к окну и стремглав вылетѣл, дѣлая руками движенія на манер крыльев, подобный василиску; он исчез за карнизом, и только вскорѣ до неся рев и топот многих. “Переборщили, переборщили”, — раздраженно повторял Жан. Захватив паспорта, мы вышли. На перекресткѣ по срединѣ мостовой, окруженный стекающимъ людом, покоился секретарь посольства (о таинственной гибели его писали потом разный вздор). Он был мертв и прекрасен: тѣло преобразилось, став легким, емким, широко - плоским — словно раздулись полья кости. Ажан благоговѣнно ощупывал его лопатки, утверждая, что видѣл издали: летит человекъ. “Это ничего, это вздор! — убѣжденно успокаивал всѣх подбѣжавшій вслѣд за нами чиновник.—Развѣ вы еще не знаете?”... И стуча себѣ кулаками по груди, ликуя и томясь, он увѣрял присутствующих, — что всю жизнь смутно поджидал этого дня, сейчас все новое, а смерти нѣтъ!

Потом мы завернули в большой ювелирный магазин, — попросили денег. Улыбаясь, хозяин нам отдал всѣ наличныя, предлагая также камешки, жемчуг. Мы взяли по изумруду. “Возьмите еще, — уговаривал он: — вы молоды, пред вами жизнь и полезная дѣятельность во славу земли”... он выбѣжал на порог и начал раздавать случайным прохожим кольца, браслеты, бусы. А мы застыли в окнѣ с судорожными лицами, как наводчики у орудій (когда уже заряжают картечью); тѣ, что попадали в зону нашего огня, неизмѣнно отказывались брать драгоценности, всплеснув руками, они тотчас-же срывались, поворачивали, спѣшили куда-то, распѣвая и зовя.

В условленное время Жан и я подѣхали к Биржѣ, — гдѣ нас ждали всѣ остальные; гуськом поднялись по каменным ступеням в исполинскій зал и, развернувшись, открыли канонаду. Клэрки, переписчицы, комиссіонеры, агенты — все толще, все крупнѣе, — директора, банкиры, акціонеры заматались, прыгая, корчась, как в обданном пла-

менем или кислотою муравейникѣ. Они выползали отовсюду, тугой кишкою забивая всѣ двери, тѣснились на терассы крыльца, скатывались на мостовую. Мы гнали их — в упор. Из прилегающих кругом контор и частных банков высыпали группы зараженных тѣм же чувством, дѣльцов, маклеров, кліентов; разорвав на себѣ одежды, неся в руках вѣтви каштана, банкиры пѣли Аллилуя на мотив Интернаціонала, члены правленія выкрикивали строфы Апокалипсиса. Потрясая векселями, купонами, девизами, они каялись перед встрѣчными; неумѣло плача и любовно радуясь, вихрем очищали квартал, — подбирая, унося нищих и калѣк, кланяясь сырым и слабым. На всю Биржу остался только один служащій, — его сердце не выдержало восторга и порвалось: большая ладонь придушила хрипло щелкающій, без надобности, ключ Морзе.

К 3 часам я и Жан пробрались в Palais de Justice. Был “сѣрый” день, в уголовном судѣ слушались банальныя дѣла. Только один — маленькій, юркій, с развратными прыщами от носа до затылка, — обвинялся в убійствѣ (любовницы). Он отрицал свою причастность (сама застрѣлилась). “Я требую голову этого монстра”, — заявил прокурор увѣренно. “Готово, начинай”, — приказал Жан. Вот подсудимый вскочил, он рвет на груди рубаху. “А, а, а, — плачет, и, руками обняв голову, хоронит, зарывает ее в дерево скамьи.—Что я надѣлал!” Вдруг поднимает лицо. улыбается. Оглядывается и смѣется. Полицейскіе, стоящіе по бокам, начинают тоже улыбаться. Смѣются адвокаты, сторожа, присяжные. Судьи сдерживались дольше других, но, наконец, и они сдались: вот уже весь зал ликует и тѣснится вокруг обвиняемаго. Куда дѣвались его прыщи, похоть, вороватость, пронырливая, угрюмая озабоченность и жестокость... Кровь отхлынула, очистилась кожа. Лицо это прозрачно, безмѣрно печально и блаженно в святости своей. “Конечно — я убил. О, если бы смертью я мог искупить вину! Братья, а вѣдь я был... Увѣрю, теперь непонятно! Что случилось со мною и когда именно. Что-то оборва-

лось. Медленно и нелѣпо. А между тѣм сейчас я снова чувствую необъятныя силы. Пойдите, дайте вспомнить"... "Сын мой, — перебил его предсѣдатель, тоже вдруг помолодѣвшій (глаза его мудро и любовно обвели присутствующих). — Стоит ли теперь говорить о прошлом, когда впереди еще уйма работы! — легко взбѣжав к подсудимому на возвышеніе, он обнялъ его, облобызал и, так держа, повел за собою; у порога обернулся: — Друзья, вы тут устройте все без меня. Мнѣ не терпится, времени так мало". — "Стойте, стойте! — крикнулъ прокурор. — Возлюбленные, о если-бы вы только знали"... Но его не слушали, устремились к выходу: присяжные, судьи, адвокаты, репортеры, дамы, перебивая друг друга, ликуя и взывая. Свидѣтель (защиты), лысый, бритый холостяк, держа за фалды отставшаго секретаря, молитвенно повѣряя ему тайну, а тот, жалостливо хмурясь, гладил его по плечу и клялся: "О, это поправимо. Я знаю, радуйтесь".

Под вечер мы шли мимо полицейскаго дистрикта; из окон подвала, забранных деревянными щитами, донесся свертывающий кровь стон изувѣченнаго узника. "Сюда, Жан", — потребовал я. Стражи в формѣ городских и с лицами ангелов распахнули перед нами двери, отомкнули замки. Цѣлебным вѣтром дохнуло в подземелье. "Пить, — простоналъ арестованный.—Раны, горит"... Он лежал в углу на рванном мѣшкѣ (пол каменный, запятнанный кровью, со слѣдами многочисленных отпечатков уродливых подошв). "Сейчас", — нѣжно склонился к нему Жан. Вот избитый, до сих пор только ерзавшій на спинѣ, встает, легко передвигается по камерѣ; вдруг он хватает себя за голову, удивленно озирается. "Нѣтъ, это невозможно!" — говорит, проникновенно улыбается: озаряет все. Сторожа падают на колѣна, в скорби тянутся к нему, его обнимают, кланяются до земли, заливаясь слезами; потом отечески берут на руки, несут, осторожно переставляя свои чудовищные сапоги. На лѣстницѣ один покачнулся, внезапно икнулъ и одеревенело, бревном покотился. "Посмотри, — кивнул я

Жану, указуя на нимб вокруг головы покойника. — Надо полагать, он уже в раю”. Но Жан грозно, почти угрожающе закричал: “Имѣй в виду, что у тебя слишком большой процент осложнений. Учись дозировать. Сердце не привыкло к любви, особенно полицейское”.

Вечером мы навѣдались в кафэ, гдѣ играют в карты, кости, биллиард, жадно колупают в носу, грызут ногти и курят. Там в закупоренном подвалѣ, рядом с уборною, тянулся безконечный бридж меж разноплеменным людом всѣх возрастов (но с одинаково грустными, грязными, изможденными лицами: у каждого в прошлом осталась длинная, отыгранная масть, на которую нѣт уже перехода). Оттуда несло: “Как, у вас голая дама на руках и вы ждете. Рѣжьте, рѣжьте скорѣе. Атакуйте, — бодро приглашал старческий голос. — Мертвый, мертвый ходит”. Я сказал Жану: “Вот рѣжут голых дам, а мертвые ходят. Спустимся”. И старцы поднялись в смятеніи; посыпав головы пеплом папирос, проясненно всхлипывая, они устремились прочь, подвижные, как юноши, голосисто распѣвая гимны.

Ночью мы свернули в темную (несмотря на обиліе цвѣтных огней) улочку, близ Réaumur-Sébastopol; одолѣв прихожую (матовая стекла), попали в зал - гараж, устланный циновками, опоясанный зеркалами. Меж столиками сѣменили голыя женщины: бѣлотѣлая, смуглая, коричневая, цвѣтная. Нѣкоторыя догадались оставить на себѣ чулки: темные... чѣм выгодно отличались; низкорослыя носили туфельки на высоком каблукѣ; иныя, помельче, изображали дѣтей: порхали с распущенными волосами, сверкая яркими пятками. Благодаря зеркалам, помѣщеніе выгляждѣло безмѣрным: посѣтители (провинціалы, старцы, туристы с женами) ерзали, поднимали воротники, словно опасаясь сквозняка. В тепличной атмосферѣ, с парами тягались ароматы духов, покрывая всевозможные запахи. Голыя, подходили к столикам, присаживались, отпивали, об-

нимали мужей, отстраняли (иногда ласкали) жен. Румыны собирались в складчину полюбоваться “фигурами любви”, — искали компаньонов. Прогуливалась невеста, — обнаженная в фатѣ,—желанная в своей чистотѣ; (наверху имѣлась специальная комната, убранная под “пультмановское” купэ: за окном, на подвижном, расписном холстѣ, мелькал дорожный пейзаж свадебнаго путешествія). У кассы щелкнул звоночек, кассирша выдала билет и 2 полотенца, человек в макинтошѣ послѣдовал за нагой (подобной таинственной птицѣ, ядовитому цвѣтку): гуськом они поднялись по отлогой широкой лѣстницѣ. “Сюда, вдоль стѣн, — распорядился Жан. — Я дам знак: тогда начинать”. Пламенем обдало эти пыльно - ковровые, раздушенно - потные своды: вспыхнуло, сверкнуло, опалило. “Вы куплены дорогой цѣной!” Кто-то вскричал, кто-то заплакал; рухнул столик, — беззвучно разсыпался картонный. Гарсон с подносом, уставленным цвѣтными ликерами, скользнул качаясь (будто — по канату), — выпорхнул наружу. Шведы и арабы, англичане и японцы, одинаково стеновая, прикрывали голых своими пиджаками, кланялись им в ноги, умоляя простить; а тѣ рвали на себѣ крашенные локоны, молча катились по землѣ, обливаясь цвѣтными слезами, простирая вперед руки, подобныя кружевам или цвѣтам. Затѣм всѣ устремились к дверям, — одним вихрем уносились прочь, помогая друг другу. Сверху спускались пары, храня еще в углах рта братоубійство похоти, (но глаза их уже сияли). Они бѣжали, запечатлѣвая навѣки преобразенныя лица случайных компаньонов, благословляя. Растерзанный герой, бывший комбатант, — подмышкой болтался рыже-металлическій остов искусственной руки, — полураздѣтый вел даму в фатѣ, принимая поздравленія: оказавшійся в толпѣ пастор их обвѣнчал. В бѣлом, взявшись за руки, они скрылись послѣдніе, счастливые, серьезные. Вся эта, озаренная святостью, армія бѣжала по ночному городу, увлекая встрѣчных: жуликов, нищих, сутенеров, полицейских. Ибо скоро обнаружилась еще одна особенность лучей Омега. Со-

грѣтые ими в свою очередь начинали лучеиспускать (или так дѣйствовало общее ликованіе, сила жертвы и вѣры, мнимая беззащитность)... 50-ти лѣтніе дѣтины поминали родителей, матери — выскребков, парни — обиженных дѣвушек, фабриканты — служащих, рабочіе — жен (возвращая им первую любовь), коммерсанты — покупателей, адвокаты — подзащитных конкурента, рекордсмены — оставших на ристалище; торговцы покидали прилавки, чиновники канцелярій, солдаты казармы, — разбѣгались волнующим табором, кротко славя ближних, простираясь ниц перед обездоленными, маясь и тоскуя при одном воспоминаніи с прошлым, зря утраченном времени, радуясь прозрѣнію, торопясь вернуться по собственным слѣдам, отыскать, встрѣтить, — тѣх же, подобных ли, — и все, наконец, возстановить, исправить. Беззаботность — большой, дружной семьи — царила в сердцах. Никто не пытал себя, — а дальше, затѣм... До того полным, перегруженным было настоящее мгновеніе, раздуваясь до границ вселенной. Гдѣ преломилась Омега, — отверзались резервуары неистощимой, неиспользованной мощи, хлябями проливались на землю. Всѣ плыли точно в божественном облакѣ, неопалимой купинѣ, в эдемском цвѣтеніи ароматов, музыки и молитвы, походя щедро одаряя других мудростью и любовью, (по чудесной, тайной энергетикѣ, благодаря этому, удваивая еще свои силы). “Чада, чада мои, чада, — всхлипывала переполненная грудь. — Братик, брат мой, братец”. Как общее правило, — бросали старыя занятія, семью, дом, покидали на время родныя мѣста. Но первоначальныя: торопливость, смятеніе... вскорѣ пропадали, появлялась торжественная медлительность и полнота движеній (свойственныя зачавшим драгоцѣнный плод); избранники становились больше ростом, величественнѣе; понятіе возраста теряло современное значеніе: юны были многіе, румяные старцы и стойко-воздержанны — отроки. На перекресткѣ мы видѣли однажды мудреца с бѣлыми бровями, исцѣляющаго парализованнаго: послѣ 2-3 минут любовной

бесѣды — жадно впитывая мудрый взгляд, — калѣка поднялся и зашагал впереди своего избавителя. Я поклялся перед от'ѣздом побывать на улицѣ Будущаго: освѣтитъ каждый кубическій сантиметр, — она давно ждала этого. Клинику Бира мнѣ удалось оцѣпить. Булочники, мясники, колбасницы, фруктощицы, о как славно вы бѣжали, бросая лотки! Впереди всѣх, — уже не хромая, — консьержка с молочницей, обнявшись. Онѣ что-то вѣщали, с лицами, потерявшими знакомую жадность питающихся трупами вампиров, сочетая нѣжность материнства и праведность дѣвственности. Во время маневров Спиноза и Педро (они собирались в Испанію) освѣтили одну из дѣйствующих армій. Отряд, облаченный в сталь и свирѣпость, вдруг превратился в ликующій, братающійся хоровод; воины побросали ремни и гранаты, каски и ружья, распрягли лошадей; эскадрилья бомбовозов поднялась и вмѣсто чугуна обдала пляшущих всей радугой полевых цвѣтов; танкисты вышли из машин; враждующіе генералы, сняв мундиры, плели вѣнки из трав. Обнявшись, воодушевленные солдаты разсыпались по всѣм дорогам, выкрикивая счастливую вѣсть, спѣша чему — то немедленно положить конец (или начало), благоговоря встрѣчным. Наша подготовительная дѣятельность, хотя, — неорганизованная, — и проваливалась в опару столы, все — же обращала на себя вниманіе. Газеты, в это время года, жадныя до сенсацій, затрещали, слѣпо мечась, перевирая разрозненные факты; в палатѣ был запрос и Академіи поручили выяснить подоплеку дѣла. Этою весною преобладала странная жара, перемежаясь часто с ливнями, несущими с собою безчисленныя пылинки (говорили, что вѣтром подняло и перебросило пески из Сахары); на югѣ выгорали лѣса; кое-гдѣ, — в сторону бельгійской границы, — крестьяне кашляли, отплевывая мелкій, окровавленный песок. Естественным казалось связать эти разныя явленія, что профессора и совершили, об'ясняя наблюдавшіеся случаи отдѣльнаго или коллективнаго психоза—злополучными заносами. Ученыя общества издали нѣ-

сколько популярных брошюр (о вліяніи мелких бронх на центральную нервную систему); психіатры обогатились еще одной разновидностью так называемаго “счастливаго” помѣшательства; один из них, самый важный, закончил свой доклад слѣдующим образом: “Итак, если бы мы, благодаря нашим способностям и анализу, не знали, что перед нами безумные, мы бы могли сказать, что это самые счастливые и достойные люди со времен грѣхопаденія. Господа, вообразите себѣ жителей рая с каким-то полным знаніем и мѣрою вещей, перенесенных в нашу современность, вот как ставится проблема”. Мы присутствовали на этом диспутѣ, но Жан категорически запретил (как раньше в палатѣ депутатов и в сенатѣ) пускать в ход — в таких мѣстах безсистемно! — лучи. За эти дни мы потеряли двоих, не считая словно испарившагося (я его с того памятнаго утра больше не видал) Бам - Бука. Мадлон и “Германія моего дѣтства”, — то ли неосторожно сунувшись под сноп Омеги, то ли рикошетом пронзенные, — скоро оказались в о - влеченными, а для нас утраченными. Начальным симптомом служил обычно чрезмѣрный, легкомысленный оптимизм. “Задѣтый” разбивал ставшій вдруг лишним аппарат, снимал изоляціонную ткань, умоляя послѣдовать его примѣру: пойти сейчас-же и слиться в соборной радости, в одном порывѣ с небесным сердцем человѣка... все так ясно теперь и ощутимо... немного раньше или позже (что время!), но э т о свершится, побѣда явна, развѣ можно еще сомнѣваться... Зачѣм жестокія ухищренія, сговоры, таинственныя лампы, когда истина проста, осязаема и чудесна! “Идемте, идемте, немедленно, будем, как тѣ, счастливы Христовой благодатью, а там небо уже позаботится о планѣ, о цѣлом”! — звали они. Безоглядная щедрость и чувство превосходной мощи любви характеризовали это состояніе. И, — о соблазн! — послушайся мы отвѣтнаго голоса, всѣ бы, не колеблясь, сорвали панцыри, пуговицы и тотчас же шагнули на срѣтеніе: так близко дышало спасеніе. Но ведомые властною рукою и памятуя весь преды-

душій опыт, мы только смыкали порѣдѣвшіе ряды, слѣдуя за осунувшимся, магнитически - притягательным Жаном Дутом. Мадлон, запертая нами в квартирѣ, пролѣзла через оконце уборной; среди бѣла дня, на глазах у перетрусившей, неопытной консьержки, спустилась по старинной водосточной трубѣ и ушла. Мы ее встрѣтили потом еще раз в больших магазинах. С пѣснями и цвѣтами она вела группу молодых дам: продавщицы, заказчицы, швеи, побросав тряпки и манекены, очарованными самаритянками потянулись за ней. Липпен же выскочил на ходу из машины около площади Concorde. Он сорвал шлем и куртку. "За это счастье! За это счастье! Не могу больше! Чего ждать!" — крикнул он и пропал в тѣни дворцов. Кромѣ того, умножились случаи гибели: сердца атакуемых не выдерживали и сравнительно часто (1%) разрывались. В данной средѣ требовалась болѣе тщательная дозировка: условия здѣсь были не тѣ, что в тропиках. Слѣдовало провѣрить эталон на подходящем опытном полѣ. За неимѣніем лучшаго, Жан избрал Венсенскій парк. На разсвѣтѣ мы подкрались к воротам зоологическаго сада. Поверх рѣшетки глянуло злое, сѣдоусое лицо сторожа, через миг он уже отпирал ворота, кланяясь, простирая руки, как при евангельской встрѣчѣ с блудными сыновьями. Было счастливое пробужденіе; роса еще умывала растенія; скалы, пески искусственных пустынь и гор искрились, переливали блестками под радужной кистью солнца, — дыша и ворожа подлинными экзотическими снами (так кусок органа, опущенный в питательную среду, продолжает жить свойственным ему образом). Птицы суетливо чистили гигантскими клювами оперенье; рогатые пощипывали уже травку, хищники выползали из логовищ и брались за привычныя развлечения: прогуливались, облегчались; бѣлые медвѣди озорно топил друг друга в бассейнѣ. Укротитель, венгерец (стальной взгляд и профиль — для монет) попробовал сопротивляться: секунд 40 продержался... вдруг стряхнул фуражку и ликующе побѣжал впереди нас. Он поднял рѣшетку, отдѣ-

ляющую прогалину львов от львиц. Мы взяли их под контрольный огонь; Жан включил маленькую лампу с портативным трансформатором. На этот зеленый луг, опоясанный с трех сторон каналом, через узкую лазейку, потянулись животные. Антилопы и медведи, страусы и кошки; молодая жирафа, гребя шеей (с головою, — огромной улитки), проплыла; тигр, ягненок и буйволица стали в круг, — дыша парным молоком. Лев кротко пощипывал листья, газель облизывала старую пантеру, медведь блаженно сопел в ноздри зебрѣ, и волк оцѣпенѣл около, удивленно выкатившаго глаза, барашка, — как на школьной фотографіи: директор возлѣ сторожа. “Жан, во имя Бога, я это знаю, стой! — завопили моим голосом. — Я это видѣл в передней, гдѣ пахло калошами Треугольника! Там еще мальчик в бѣлом! Осанна!” — схватив лежавшій на чемоданѣ свѣтлый плащ, я перемахнул через межу и обломав вѣтвь платана, присоединился к встрѣтившим меня, как старшаго, доврѣчиво разступившимся звѣрям. Я стал между тигром и антилопою; подняв одной рукой зеленую вѣтвь, другую положил на царственную голову льва; сзади кто-то огромный, мягкими губами парно дыша, лизал полы плаща. “Скорѣе, отставить. Выключите. Приготовить шприц!” — раздалась, наконец, команда Жана Дута, могущая тягаться с гнѣвным воем циклона; прыгнув на поляну, он потащил меня прочь. “Не надо ламп, не надо расчетов, повѣрь! — отбивался я. — Пойдемте тотчас-же, ах, с тиграми и козлятами, пройдем по міру: они узнают и поймут. Это осязаемо. Все равно: раньше или позже (что время) это постигнут. Теперь зримо: партія выиграна, судьба святой земли рѣшена. Осанна, осанна!” — порывался я вперед, шупая себя, обираясь: грудь вот, вот развернет лава блаженства. Цѣпкія об'ятія; осторожно и жестоко подняв, меня понесли... уложили в ближайшем домѣ, ибо отнынѣ любой очаг мог быть родным, всякая семья — нашей. Я очнулся вечером: у изголовья дремал старик - рабочій, заросшій, с поднятым воротником пиджачка. Я его видѣл

впервые, но знал: отец не мог бы меня больше щадить. К постели приблизилась хозяйка, — оттого ли что склонилась, ея лицо показалось огромным, колыбельно - доступным. В комнатѣ появился Жан. Поглядѣл точно на укушеннаго собакою (подозрѣваемой в бѣшенствѣ), с нѣкоторыми предосторожностями изслѣдовал меня. “Счастье, что ты завернулся в плащ, прежде чѣм прыгнуть, — рѣшил он. — А какая-то бестія слизала с подола всю изоляціонную массу, еще минута и капут”... “Увѣрю тебя, Жан, я здоров. Это не лучи! Э т о началось раньше, давно! Я счастлив!” — но устало, знаком руки, он велѣл мнѣ замолчать.

В ближайшее воскресенье трудовая Франція чтит память коммунаров. Мы пошли на манифестацію. (Даже Свифтсон: вѣрный свидѣтель, — без аппарата слѣдуя за нами по пятам). В этом году, по цѣлому ряду причин, разныя партіи, в силу противоположных чувств, с грозной страстностью готовились к демонстраціи (и контр - демонстраціи) своих армій. Колонны построились на Place de la Nation, — оттуда потянулись мимо каррэ полиціи, мимо спѣшенной кавалеріи. В подворотнях и тупиках маячили могучіе крупы осѣдланных лошадей; на задворках стояли пустые грузовики, — темные, пахнушіе жандармами; если бы не шофферы, попарно сидѣвшіе у руля, их бы можно было счесть за брошенных на произвол судьбы. Преображенная толпа с религіозным под'емом выкрикивала свои пѣсни; оркестры смолкали и снова зачинали гимны, освященные вѣками подвижничества (гдѣ залпы в грудь, унылый вой фабричных гудков, память о иной жизни и слава павшим). Несли портреты вождей и чучела врагов; но развѣ дикая ругань по адресу послѣдних и туповатыя, сволочныя лица первых, могли бы породить эти явственные круги: всеродства, праздника, жажды вѣчнаго, дружнаго соревнованія в трудѣ и в подвигѣ. Знамена, транспаранты, лозунги. Надбавка, столько-то рабочих часов, платные отпуска, контроль синдикатов. Консьержки требовали введенія особых замков (чтобы их не будили поминутно). Спра-

ведливо и разумно. Но не отсюда радость, не про это пѣсни, гордо поднятыя чела юношей (еще не пропотѣвших третьим потом), сіяющіе, вѣдающіе муку, глаза дѣв (еще не рожавших). Автоматическіе звонки и лишній четвертак — только убогіе косноязычныя символы, свинцовыя крылья. На самом дѣлѣ рѣчь под сурдинку шла об ином. Они вѣрили в торжество истины, в безсмертіе чудесной жизни и любви, новых встрѣч, цвѣтов и дѣтей, новаго человѣка под совершенным небом на щедро обновленной землѣ. Оттого и музыка, церковно - блаженныя, беззавѣтныя лица, — (даже старыя мастера с их удивленными супругами), — пламенная жажда немедленнаго подвига, жертвы, общаго творчества, раскрытія тайных, непочатых сил, рожденія героев, освобожденія вселенной. “Какая правда, какая есть правда: вот так с миллионами, локтем к локтю. Идея, если в нее вѣрят легіоны, становится священной, — шептал во мнѣ голос. — Любой опыт, если он подлинный, будь то религіозный, социальный или любовный, приводит к тому же сознанію (в разных степенях). Профессор Чай, когда чувствует себя разбитым, отчаявшись, вмѣсто церкви идет в гимнастическій зал: $\frac{1}{4}$ часа акробатическаго паренія, и он возрождается... как послѣ молитвы, — закаленный, подобрѣвшій, очищенный. Самой неподходящей банкой может человѣк присосаться, гдѣ угодно просверлить отверстие, но пьет он из одной подземной рѣчки. Если он отправляется, дѣйствительно, из своего центра, он попадает в центр мірозданія”... “Это наши, это все наши”, — твердил под боком Спиноза. Всѣх нас опьянило крѣпкое вино пробужденной на миг толпы. Только один Жан, неся чемодан с портативною лампой, без усталы внулал: “Тише. Не шагайте в ногу, сбивайтесь: ритм оркестров, волны тѣл не про вас. Тише. Учитесь тормозить порывы. Капитаны. В одиночествѣ. Послѣдніе к землѣ обѣтованной”, — напоминая о чудовищной жертвѣ впереди. Уже смеркалось, когда мы — нас прибило к рядам работников театра, — достигли южных ворот кладбища Père Lachaise. Группы скучились, кольцо

полиціи незамѣтно придвинулось. Распорядители с повязкою на рукавѣ, отнесенные в сторону, нелѣпо размахивали кулаками, усовѣщевая; оркестры смолкали, готовясь к маршу возлѣ трибун. Зажглись припасенные фонари, плошки, — потянулись, оступились в темноту (гдѣ плиты и деревья) чудовищным роем насѣкомых. Только что ревѣла улица; на тротуарах, густая толпа мѣщан провожала нас завистливо - критическим взглядом, вопили верзилы, желавшіе показать свою солидарность, улюлюкали пьяные, *Garde mobile*, молчаливая, в касках, ощутимо выпирала из за cadaго угла... И вот сразу ночь кладбища, пустота, прорва, шелест вѣток, какая тишь: потеряны. Мы приближались к цѣли паломничества: стѣнкѣ коммунаров. Сгрудились, спрессовались десятки тысяч туш, — локти, спины. Снова почувствовал мгновенно почву под ногами, уже смутившейся было человѣк. Фантастическіе огоньки, фонарики, факелы только усугубляли мрак, рождая лохматые тѣни; оркестры — сразу, вдруг, — потрясли воздух; кругом завопили невидимки и ринулись, не разбирая пути, по мертвым плитам, по вѣковой муравѣ; грозя, клянясь поднятым кулаком, в сплошном ревѣ, мы пробѣжали мимо освѣщенных трибун, гдѣ стояли с блаженными лицами, яростно шевеля губами, бонзы французскаго социализма. Я нашел себя, как послѣ сабельной рубки, когда впервые доходит незнакомый, собственный голос (а—а—а—а—а—а) и начинаешь различать, гдѣ ты, гдѣ сосѣд, гдѣ конь. “Жан, Жан, — возвал я. — Вѣдь они безсмертны. Вѣдь коллектив не умирает. Они скользят, переливают души из сосуда в сосуд. Коллектив не может умереть, отсюда счастье и могущество скопленій”. У Жана раздувались ноздри, щека — экран для многих тѣней — подрагивала. “Ах, так, так! — проскрежетал он, не разжимая стиснутых зубов. — Подите сюда! — и ловко толкнув, вывел нас из рядов. Еще два шага и мы попали в небытіе, в убійственное молчаніе; гдѣ-то игрушечно хлопали голоса и обрывки пѣсни, мелькали карликовыя тѣни, огоньки; а здѣсь царит полночь, леднико-

вый сон и заглушенные инфра, микро-вздохи (жалобы). — Ах так, так, — повторял Жан. — Ну вот, послушай, вспомни, кролик!” — и, легким броском швырнув меня на землю, он повелительно вытянул руку. Я упал на мшистый, могильный камень: он был холоден, влажен и шершав; голова шлепнулась — об мягкое, жирное. С минуту пролежал с’ежившись, слушая; потом встал. “Что же дѣлать?” — покорно освѣдомился. “Не предавать опыта, историческаго и личнаго, — отвѣтил Жан. — Не предавать за мармелад. Вперед”. Мы выбрались на аллею, пустились снова по теченію и нас отнесло за Сѣверныя ворота. Переулок был подобен рѣкѣ, закупоренной дамбою; разстроенное шестіе бурлило, ища себѣ (и своим чувствам) выхода; доносились револьверные хлопки. Гуськом, вдоль магазинов — цвѣты, вѣнки (а в непосредственной близости к Монпарнасу: чулки, духи), — мы добрались к площади Гамбетты, гдѣ уже, — кипѣло точно в закрытом котлѣ. Отряды кавалеріи с шашками на-голо заслоняли выходы в боковыя улицы, оставляя один,—только по Avenue. Метро было закрыто. В центрѣ площади лежало на боку два автобуса, одна большая машина горѣла: это пламя среди ночи будило атавистическія грезы. Пѣшіе жандармы отѣсняли прикладами насѣдающих; снова захлопали откупориваемыя бутылки пѣнистаго, крѣпкаго вина. Над головою, подобно тусклой лунѣ, свѣтил циферблат часов мэріи 20-го квартала (хотѣлось помыть его грязное стекло). Вот навстрѣчу пробивается всадник с занесенной шашкою. Держась пальцами за отворот пиджака, поводя розеткою в петлицѣ, Дингваль освѣтил его. Дико вскрикнув, тот выронил оружіе, прыгнул с коня и, путаясь в длинной шинели, вздѣвая руки, обратился к людям. Ему дали подножку: толпа сомкнулась, подергалась, сжалась и снова раздалась, шарахаясь от этого мѣста. А осиротѣвшая лошадь еще долго путалась меж тушами, ища себѣ пристанища. Нас тѣснили, комкали, — медленно относило; подошвы клеились к липким кровавым камням (манифестанты, зажав

бритвенные ножики в ладони, незамѣтно подрѣзали вены лошадям). Нас приткнуло к мэрїи. Тогда, окинув испытующим взором поле, Жан сказал: “Больше ждать нечего, начнем. Через эти дверцы мы поднимемся наверх. Вы со мною наконец?” — грубо, обращаясь к Свифтсону. — “Нѣтъ”! — отвѣтил с натугою спрошенный, выступая вперед. “Какой вариант вы предлагаете? — подчеркнуто - любезно освѣдомился Жан. — Затянуть псалмы”... “Я иду туда! — серьезно, не замѣчая насмѣшку, объяснил Свифтсон. С именем Христа я буду среди них, проповѣдуя. Вот и все”. (“Вас раздавят, вспомните прошлое. Косный упрямец, вы так нужны нам”). “Смерть не есть худшее, — возразил Свифтсон. — Имѣйте в виду”, — и кивая нам, повернул. “Стойте, я с вами”! — крикнул Савич; он рванул свой пуговичный аппарат и, вручив его Жану, рѣшительно двинулся за Свифтсоном. Все это было дѣлом одной секунды. Толпа разступилась, пропуская, вовлекая их, затѣм, потрепавшись немного, волнообразно дрогнув, снова обрѣла прежній вид, будто горло удава, проглотившаго барашка цѣпликом. “Вы”?.. “Жан, — рѣшил я умоляюще. — Одно только слово”... “Как, неужели в такую минуту между нами станет женщина”? — изумился он. В это время забили барабаны и протрубили горнисты, предупреждая о залпѣ. Не дожидаясь, Жан рванулся и быстро зацокал каблуками по старинной, узкой лѣстницѣ, пахнувшей застѣнками. “Да, правда! — рѣшил я; разглядѣв во мракѣ тонкую фигурку Педро, обнял его: — Пойдем, ты узнаешь сердце Лоренсы? — показывая ладонку на моей груди: — Это его свѣтъ мы сейчас прольем на бѣснующихся. Скорѣе!” — увлекая его наверх. Мы прыгали через ступеньки, а навстрѣчу уже характерно пощелкивал кузнечик. То с вышки мэрїи 20-го квартала, под звѣздным небом, господствуя над синей площадью (гдѣ солдаты, штатскіе, лошади и машины), Жан, пристроив свою лампу, открыл огонь.

Поѣзда войсковые шипѣли.
Красный дым бѣловатым штыком
Был изрѣзан. Солдаты пѣли,
О щеку подпершись кулаком.

Что военной судьбы случайнѣй?
Что сокрыто в завтрашнем днѣ?..
Жестяной колыхался чайник
На коричневом, старом ремнѣ.

Голосами колеса хворыми
Голосили со всѣх сторон.
Оглушительными подборами
Сапоги терзали перрон.

В деревенском широком румянцѣ,
Вдруг оторванные от земли,
На войну, на войну новобранцы
На плечах мѣшки волокли.

Софія Прегель

Угрюмага неба милость,
Нестрашный, послѣдній гром,
Как-будто земля притаилась
В безсильном гнѣвѣ своем.

Здѣсь в сумрачной непогодѣ,
Среди завитых ягнят,
Крестьянин по мостику ходит,
Усталыя доски звенят.

‘ Это пастух суковатой
Дубинкой мѣряет шаг.
Лоснится даль. Синеватый
Чужеземен овраг.

Поблекшее облако, птицы
На выступѣ сѣрой трубы,
И — не убѣжишь от судьбы
И негдѣ душѣ пріютиться:

Четыре жандарма. Граница.
Некрашенные столбы...

Софія Прегель

Воспоминанія о балетѣ

2. — «ПАВИЛЬОНЪ АРМИДЫ»

Еще в юности, будучи учеником гимназіи, я носился с мыслью создать балет собственнаго сочиненія и даже сочинил тогда музыку для своей «Kette der Nixe» и нѣкоторыя к ней декорации. Затѣмъ это начинаніе было оставлено, какъ всякія иныя ребяческія затѣи. Было оставлено и «нѣчто вродѣ балета» — на что, лѣтъ пять послѣ моей «Русалочки», меня натолкнуло увлеченіе романомъ Лонгуса. Однако, все же, желаніе создать что-либо *свое* в области, особенно близкой моему сердцу, я продолжалъ лелѣть, и к началу 1900-хъ г. г. (и в связи с назначеніемъ Волконскаго директоромъ, когда всякія такія затѣи казались осуществимыми), желаніе это приняло болѣе конкретный характеръ. На сей разъ я не собирался выступать в качествѣ композитора, однако, какое-то «ближайшее участіе» в созданіи и музыки входило в мои планы, — только бы нашелся такой музыкантъ, который согласился бы на тѣснѣйшее сотрудничество со мной. Одно время я подговаривалъ Валечку Нувеля, но он — не то от лѣни, не от разочарованія в самом себѣ — оставилъ подобныя гордыя помышленія. Не согласился и Нурок, и я былъ огорченъ этимъ, ибо в композиторствѣ Альфредъ обладалъ какъ разъ особенно мною почитаемой «остротой à la Delibes». Нурок, при всей своей талантливости, страдалъ недостаткомъ творческой воли, а, кромѣ того, ему мѣшало и то, что онъ былъ сущимъ диллетантомъ и что разработка той или иной музыкальной, хотя бы и очень удачной, мысли представляла для него, при отсутствіи техники, непреодолимую трудность. Изъ молодыхъ людей нашего круга оставался Черепнинъ, одинъ изъ «самыхъ надежныхъ» учениковъ Римскаго - Корсакова. Черепнинъ былъ уже нѣсколько лѣтъ женатъ на моей племянницѣ Маріи Бенуа, той самой Машенькѣ, которая участвовала в моихъ балетныхъ импровизаціяхъ под му-

зыку ея отца и моего брата Альберта. С тѣх пор она успѣла стать высокой, стройной и замѣчательно красивой дѣвушкой, которая и плѣнила сердце своего товарища по консерваторіи, гдѣ одно время она училась пѣнію. Их брачное соединеніе произошло послѣ нашего, и таким образом Николай Николаевич породнился с нашей семьей, а там и подружился со мной.

Правда, то, что он сочинял, если и встрѣчало одобреніе консерваторских кругов, мнѣ не слишком импонировало. Я находил эти его первые опыты нѣсколько академичными и слишком похожими на нѣчто уже знакомое. Это была — типично «консерваторская» музыка. Зато общество Черепнина я цѣнил; я любил бесѣдовать с ним на разныя темы, и одной из этих тем был именно балет, к которому Черепнина, видимо, тянуло, хотя мнѣ это и не казалось вполне подходящей областью для человѣка, нѣсколько отравленного академическими предрасудками. Совершенно отрицательно относились к Черепнину мои другіе два музыкальных друга, и они даже нападали на меня за то, что я с ним дружу, что я менѣе рѣзко, нежели они, отзываюсь об его сочиненіях. Не чувствовал довѣрія к Черепнину и Дягилев. Как бы то ни было, Черепнин был тогда единственным серьезным музыкантом, с которым я был в довольно близких отношеніях; если он и не входил вполне в нашу компанію, то все же каким-то боком к ней прикасался.

В теченіе 1900 - 1901 г. г. идея «моего» балета приняла уже вполне опредѣленные очертанія. Нашелся сюжет. По совѣту, кажется, Сомова, я прочел один сборник повѣстей Теофила Готье, и болѣе всего мнѣ понравился там фантастическій рассказ «Омфала», являвшій ту смѣсь чего-то кошмарнаго и привиденческаго с явленіями вполне реальными (находка в каком-то старинном комодѣ пряди волос, принадлежавшей когда то восхитительной красавицѣ), которую я так цѣнил и в моем любимом Гофманѣ, и тогда же я рѣшил, что это как раз отличный сюжет для драматическаго балета, — мой же балет *должен* был быть *непремѣнно* драматическим. Драматическій характер должен был придать всей затѣѣ ту серьезность, которая уберегла бы ее от чего-то банально легкомысленнаго, что массою публики почиталось за единственную форму, подходящую к хореографическому роду. В то же время мнѣ хотѣлось, чтоб мой балет возродил весь блеск, всю пышность, всю даже громоздкость прежних балетов. Это должен был непремѣнно

быть балет в трех или четырех актах и заполнять весь вечер. Хотѣлось мнѣ в него вложить и мой культ эпохи барокко и рококо. На первый план сразу тогда выступила фигура лукаваго, коварнаго *abbé*, который и должен был играть роль злого генія, повергающаго любовников в разставленные им сатанинскія сѣти. Привиденческая красавица должна была впутаться въ живую жизнь, принять участіе в грандіозном балѣ, влюбить в себя героя и т. д. А в концѣ концов герой убѣждался в том, что он измѣнил своей возлюбленной для призрака, и это приводило его к гибели.

Я познакомил в общих чертах Черепнина с сюжетом и из первой же бесѣды убѣдился, что, будучи тоже усердным поклонником Гофмана, он сразу понял самую суть и соль моей затѣи. Видимо, он даже *загорѣлся* ею, и уже довольно скоро возникли его первые музыкальные эскизы, иллюстрировавшіе нѣкоторыя сцены и нѣкоторые выходы. К большой радости, я убѣдился тогда, что в них уже ничего академическаго не было, что они полны прелестных музыкальных находок, и с этого момента я повѣрил, что мой балет *может* осуществиться; а когда мои друзья - зоилы и теперь продолжали подтрунивать над моим довѣріем к Черепнину, я уже с убѣжденіем эти наладки парировал. Собесѣдованія и совѣщанія с Черепниным стали учащаться, его эскизы стали приобрѣтать болѣе зрѣлыя формы и, наконец, получился извѣстный ансамбль, который уже можно было без стыда показать, кому полагается.

В это время мои отношенія с В. А. Теляковским, смѣнившим кн. Волконскаго, еще не были испорчены. Я только что с честью вышел из того испытанія, каким являлась для меня постановка «Гибели Боговъ», а то, что ее на страницах нашего - же «Мира Искусства» распушил Дягилев, уже успѣвшій стать *bête noire* Теляковскаго, скорѣе только укрѣпило то расположеніе, которое питал ко мнѣ новый директор. Я повѣдал ему о нашей с Черепниным затѣѣ, и он отнесся къ ней с большим интересом, хотя и поморщился, узнавъ, что балет задуман в трех актах. Меня кольнуло, кромѣ того, то, что Вл. А. своим бравым, офицерским тоном выразил сразу пожеланіе, чтобы в нашем балетѣ было *«побольше вальсов»* — мол, вальсы и создают успѣх балетов. Это вовсе не вязалось с моими планами и, менѣе всего, с тѣм, чтобы воскресить мой любимый ХУІІІ вѣк. Какіе же вальсы в эпоху фижм и менуэтов! Но я знал, что Теляковскаго не переспоришь, что он будет

стоять на своей точкѣ зрѣнія «практическаго человека почти американской складки», что самая участь нашего балета зависит от того, угодим ли мы ему в этом пунктѣ или нѣтъ. К счастью, Черепнин принял директорскій совѣтъ болѣе легко. У него уже была в замыслѣ тема (*valse noble*), а когда он приготовил еще один вальс, то мы попросили аудіенцію у директора, и первыми словами, которыми он нас встрѣтил, были: «А вальсы есть? Важно, чтобы были вальсы!» Оба вальса тут же были сыграны, они ему понравились, и наш балет, благодаря им, оказался принятым. Мнѣ даже без задержки был выплачен гонорар за либретто этого «Павильона Армиды», тогда еще распадавагося на три акта.

В тѣ дни, однако, дальше этого дѣло не пошло. Началось с моей обиды на Теляковского. Желая выяснить нѣкоторые пункты, я написал ему из Рима (гдѣ с весны 1903 г. я жил с семьей), однако в отвѣтъ получил не его собственные строки, а составленную по его порученію и подписанную начальником конторы официальную «отписку». Я сразу же (по своему тогдашнему пагубному обыкновенію) махнул рукой на Теляковского, убѣдившись, что мнѣ его не перевоспитать, что он, как был грубым бурбоном, так им и останется. По возвращеніи же из Рима, я к нему больше не заявлялся, а о балетѣ перестал и думать. А тут как раз мнѣ пришлось еще раскритиковать в пух и прах постановку «Волшебнаго Зеркала» на Маріинской сценѣ, послѣ чего, разумѣется, исчезли всякія надежды на то, чтоб в какой-либо формѣ быть привлеченным к участию в Императорских театрах...

На этом первая глава исторіи моего балета и завершилась. Однако, Черепнин не оставил своей работы над тѣм, что успѣло его увлечь, и постепенно у него сложилась цѣлая сюита, которую он со свойственным ему мастерством оркестровал, послѣ чего она была с успѣхом исполнена в концертѣ. Существованіе этой сюиты помогло и тому, что, по прошествіи нѣскольких лѣтъ, наш балет увидал свѣтъ рампы — но это произошло уже в 1907 году и тогда как раз, когда стала восходить звѣзда Фокина.

1905, 1906 и часть 1907 года мы проводим в Парижѣ, в Бретани, в Версалѣ, и, таким образом, я снова оказываюсь оторванным от Петербурга, от круга друзей. На момент эта оторванность получила в октябрѣ 1905 года почти трагическій характер,

— когда Россію, послѣ всѣхъ неудачъ японской войны, потрясли первыя судороги революціи и на время прекратилась всякая возможность сносіться съ ней. Но для меня лично эти годы прошли скорѣе благополучно. Я весь отдался живописи, ежедневно писалъ по этюду, а то и по два, в моемъ миломъ Версальскомъ паркѣ, а у себя в мастерской создалъ цѣлую серію картинъ на темы изъ любимой эпохи ХУІІ и ХУІІІ вѣковъ. Одновременно я довел до конца свою книгу «Русская Школа Живописи», издалъ монументальный томъ, посвященный Русскому Музею Императора Александра ІІІ, и сотрудничалъ в нѣсколькихъ газетахъ и в томъ московскомъ художественномъ журналѣ, который мнилъ себя продолжателемъ «Міра Искусства» — в «Золотомъ Рунѣ». Не прекращались, послѣ перерыва в два мѣсяца (в октябрѣ и ноябрѣ 1905 г.), и мои сношенія съ друзьями — частью посредствомъ писемъ, частью и благодаря личнымъ встрѣчамъ. Двое же изъ близкихъ мнѣ людей, С. П. Яремичъ и князь А. К. Шервашидзе, находились одновременно со мной в Парижѣ, а, кромѣ того, здѣсь было не мало и другихъ моихъ соотечественниковъ, создававшихъ иллюзію, что мы все еще у себя на родинѣ.

Нѣсколько разъ за эти годы пріѣзжалъ в Парижъ и Дягилевъ, который, побуждаемый мной, уже в 1906 году затѣялъ грандіозную выставку русскаго искусства в Парижѣ. Однимъ изъ главныхъ украшеній ея должны были явиться лучшіе портреты ХУІІІ и ХІХ в.в., только что имъ показанные в Петербургѣ на портретной выставкѣ. Естественно, что я принялъ и на сей разъ самое активное участіе в этомъ показѣ русскаго искусства, что выразилось не только в совѣтахъ по созданію плана и выбору произведеній и в томъ, что, пополамъ съ Бакстомъ, я занялся размѣщеніемъ выставки в десяти залахъ **Grand Palais**, предоставленныхъ дирекціей «*Salon d'Automne*», но я же составилъ и богато иллюстрированный каталогъ выставки. Сerezъ даже удалось сломить мое отвращеніе передъ всякими публичными выступленіями. Проклиная его деспотизмъ и собственную уступчивость, я прочелъ докладъ о русскомъ искусствѣ в самомъ помѣщеніи выставки.

Эта парижская выставка 1906 г., благодаря разрѣшенію государя взять драгоцѣнныя произведенія искусства изъ дворцовъ и благодаря отзывчивости всѣхъ нашихъ друзей — коллекціонеровъ и меценатовъ, получилась блестящей. Баксту это дало случай повторить для размѣщенія скульптуры тотъ боскетный садикъ, который былъ

устроен по его проекту в поперечной колоннадѣ Таврическаго дворца. Чудесныя иконы (из знаменитаго собранія Лихачева) Сережа размѣстился на парчевых штофах, сплошь покрывших стѣны двух зал, да и все остальное помѣщеніе было декорировано и меблировано изящным и характерным образом. В другія подробности об этом подлинном *événement parisien* я сейчас вдаваться не стану, припасая их для своих общих мемуаров. Но я не могу не упомянуть, что выставка 1906 г. имѣла для нас еще и то значеніе, что Париж, благодаря ей, познакомился с нами, как с группой, и благодаря именно ей укрѣпились наши связи с цѣлым рядом лиц, из которых инья стали нам и друзьями. Все это оказалось не бесполезным для дальнѣйшаго. В частности, к нашим прежним друзьям подошли теперь еще Жорж Девальер, Морис Дени, Максим Детома, Жак Эмиль Бланш и граф Робер де Монтескью. Эти тонкіе, благожелательные, любопытные до всего новаго и талантливые люди помогли нам затѣм стать болѣе твердой ногой в Парижѣ. Они первые опѣнили то, что мы им привезли из далекой нашей родины, а за ними послѣдовали болѣе широкіе круги и, наконец, «народная масса».

Русская выставка 1906 г. в Парижѣ была первым значительным актом того, что можно назвать нашей «компаніей экспорта русскаго художества», — точнѣе, наших стараній ознакомить иностранную публику с тѣм, что мы считали достойным этого, чѣм мы сами особенно любовались у себя на родинѣ и чѣм мы были в правѣ гордиться. И до того уже попытки пропагандировать русское искусство были дѣлаемы нами. Так, в 1893 году, будучи еще студентом, я вызвался написать для «Исторіи Живописи в XIX в.» Рихарда Мутера главу о Россіи, и та же идея пропаганды отечественнаго руководила мной, когда я в 1896 г. взял на себя организацію отдѣла русской живописи на мюнхенской выставкѣ. Но все это были робкія, мало значущія, попытки «начинающаго», не располагающаго большими возможностями человѣка; теперь же, когда мы почувствовали под собой болѣе твердую почву, когда в сознаніи того, что мы уже многое сдѣлали для просвѣщенія русскои публики, мы поняли, что настала пора с интенсивностью обратиться к другой части нашей жизненной программы, — теперь мы взяли за «экспорт» с удвоенной энергіей, и, нужно сознаться, в области театра успѣх превзошел ожиданія.

Теперь и наш главный двигатель, единственный среди нас,

дѣйствительно, предприимчивый и отважный человек, Дягилев понял, что он вполне вооружен для выполнения такой трудной и весьма ответственной задачи. Впрочем, и тот факт, что я снова оказался за-границей, способствовал именно тому, чтобы «программа экспорта» стала на очереди. Я не устал твердить Сергѣю и в письмах, и в бесѣдах, что нужно показать русское искусство Западу, а он был и рад таким понуканіям: они являлись теперь тѣм болѣе кстати, что и он лично рвался развернуть свою дѣятельность на болѣе широком поприщѣ, ибо ему опротивѣло то, что он называл «неисправимой провинціальностью» наших соотечественников. В моменты усталости и душевнаго упадка Дягилеву просто чудилось, что ничего болѣе в Россіи сдѣлать нельзя и уже потому необходимо перенести нашу дѣятельность за ея предѣлы. О литературѣ русской нечего было заботиться, — она и без того уже успѣла за послѣднія десятилѣтія (особенно благодаря Толстому) приобрести универсальность; оставалась музыка, в нашем представленіи все еще не достаточно оцѣненная, и оставались пластическія искусства и русскій театр, вовсе неизвѣстные Западу. Первым актом этой систематической «кампаніи экспорта» была упомянутая выставка живописи и скульптуры 1906 г., вторым — русскіе концерты, устроенные Дягилевым в парижской Оперѣ весной 1907 г., третьим — серія спектаклей «Бориса Годунова» в Оперѣ же (1908 г) и, наконец, в 1909 г. мы явились на суд Европы в Париж с нашими постановками опер и балетов. И, как это ни странно, наиболѣе рѣшительный, прочный и повсемѣстный успѣх из всѣх этих «экспортных затѣй» выдался именно русскому балету, тогда как наши старанія «экспортировать» русскія пластическія искусства не имѣли того успѣха, который они заслуживали. Впрочем, в постановках наших живописей, рядом с музыкой, играла доминирующую роль.

Весной, послѣ французских концертов, к устройству которых я не имѣл касательства, я рассчитывал еще один год провести в Парижѣ, покидать который мнѣ было тяжело, так как мной был начат цѣлый ряд картин, и мнѣ все еще казалась неисчерпанной красота Версальскаго парка. Но тут возникло обстоятельство, которое измѣнило эти планы и заставило меня, с нѣкоторой даже поспѣшностью, вернуться в Петербург.

Приѣхавшій на русскіе концерты Н. Н. Черепнин сообщил мнѣ пріятную новость, что «Павильон Армиды», о котором я и думать

позабыл и который я, в виду совершенно испортившихся моих отношений с Теляковским, считал давным - давно сданным в архив, — что наш балет внезапно получил шансы увидеть свѣтъ ramпы. Молодой артист балета Фокин, о котором я до сих пор имѣлъ лишь представленіе, как о танцовщикѣ, но в котором труппа Маринскаго театра начинала видѣть род хореографическаго генія, возымѣлъ мысль поставить именно «Павильон Армиды» и в этом он нашел поддержку в лицѣ новаго завѣдывающаго «монтировочною» частью, быстро получившаго великую силу в театрах А. Д. Крупенскаго.

Случилось это так. Фокину было поручено поставить что-либо на годичном экзаменѣ Театральнаго Училища, и он обратился за совѣтом къ Черепнину, уже состоявшему тогда одним из капельмейстеров Маринскаго театра. Черепнин и указал Фокину на то, что существует - де балет его сочиненія и он уже принят дирекціей, но что пока он лежит под спудом, что он далеко не закончен в музыкальном отношеніи, но что как раз главная сцена в нем, — магическое оживленіе стариннаго гобелена — оркестрована; этим вот и можно было бы воспользоваться. Фокину предложеніе понравилось и в интимной обстановкѣ школьнаго спектакля, — так сказать, под сурдинку и без всякой официальной шумихи, — музыкант и балетмейстер, довольствуясь в смыслѣ постановки «домашними средствами», приготовили данную сцену, которая и имѣла значительный успѣх у публики. Этот успѣх и побудил Крупенскаго попытаться поставить «Павильон Армиды» в цѣлом, однако, он ставил условіем, чтоб балет был сокращен: из трех-актнаго, чтобы он сдѣлался одноактным и такой длительности, чтобы его можно было давать в один вечер с чѣм - либо другим... Как раз тогда возникла мода на короткіе балеты, и дирекція рассчитывала с ними имѣть большій успѣх у публики, нежели с громоздкими произведеніями традиціонных размѣров. Черепнин на это сокращеніе согласился, оставалось получить согласіе автора либретто, т. е. мое, и вот, оказавшись в Парижѣ, с этим Черепнин ко мнѣ и обратился.

Я бы не сказал, что перспектива того, что «Павильон Армиды» будет поставлен, мнѣ сразу показалась столь уж плѣнительной. За послѣдніе годы я успѣлъ охладѣть къ этому своему дѣтищу, я яснѣе увидал его недочеты, да и вообще мои идеалы лежали теперь гдѣ-то в другой сторонѣ. Должен сознаться, что я и вообще

охлаждѣл к балету, и тут дѣйствовали, вѣроятно, тѣ балетные спектакли, которые мнѣ случалось видѣть на сценѣ Оперы и в других театрах Парижа. С тѣм, что я любил и чему я поклонялся в Петербургѣ, эти представленія имѣли мало общаго; они были просто нелѣпы и безвкусіе их лѣзло особенно вперед в тѣх случаях, когда были дѣлаемы усилія щегольнуть вкусом. Многое же, почитавшееся на берегах Сены «послѣдним словом изящнаго», было просто — *du dernier ridicule*.

В предложеніи Черепнина мнѣ не нравилось и то, что балет должен быть сокращен — *conditio sine qua non*. Вѣдь как раз, сочиняя свою сложную хореографическую исторію, я задавался цѣлью создать нѣчто импозантное, нѣчто такое, что могло бы возродить традицію прежних, особенно мною почитаемых балетов. В самом фактѣ, что балет занял бы *весь вечер*, я видѣл утверженіе того серьезнаго значенія, которое я придавал балетному дѣйству, и, напротив, я был враждебно настроен против коротких балетов, ибо в модѣ на них сказывалось нѣсколько пренебрежительное отношеніе — отношеніе, выработавшееся под вліяніем мюзик-холлей и всяких *Variétés*. Вѣдь эти легкомысленныя антрепризы преслѣдовали одну цѣль — «занимать» и «забавлять» публику, и онѣ и стали включать балетіки в свои программы лишь в качествѣ чего-то «веселящаго», а то и пикантнаго...

Однако, *s'était à prendre ou à laisser*, убѣжденія Черепнина преодолѣли мои сомнѣнія. К тому же мнѣ как-то сразу явилась тогда мысль, как именно можно передѣлать наш балет так, чтоб все для меня *существенное* все-же в нем сохранилось. Особенно существенным, как я уже говорил выше, для меня была именно его *драматическая* сторона. В ней я видѣл гарантію против низведенія балета до степени «кафѣшантаннаго зрѣлища». Вѣдь драматическая пантомима в связи с танцами сообщала и всѣм старым любимым мной балетам их своеобразную прелесть — вспомним только о «Жизели», о «Копеліи», о «Тщетной предосторожности», о «Спящей красавицѣ». За такую «содержательность» балета ратовали и всѣ большіе балетмейстеры, начиная с Новерра, кончая Петипа. Почудившаяся же мнѣ новая версія «Павильона Армиды» позволяла не только сохранить, но и интенсифицировать вложенный в него драматическій смысл. Слѣдовало только все свести к *главному* — и это главное уложить в три картины, не прерываемыя антрактами. Средняя картина, в которой герой во

снѣ оказывался в очарованном саду поразившей его на старинном гобеленѣ красавицы, была бы вся отдана под танцы; в первой же картинѣ было бы представлено прибытіе героя в фатальный павильон с гобеленом, а третья картина — его пробужденіе и та финальная сцена, когда он убѣждается в странной *реальности* того, что он принял за сон. Самый вопрос, в чем, в сущности, выразилась бы эта «гибель героя», я предпочел оставить открытым; умирает ли *de saisissement* мой бѣдный Рене де Божанси или он сходит с ума или он просто «испорчен на всю жизнь» — это я и по сей день не знаю; важно было то, что соприкосновеніе его с міром потусторонним оказалось роковым для него и дальнѣйшее мирно - обыденное существованіе стало для него немислимым....

Через нѣсколько недѣль послѣ этих бесѣд в Парижѣ я уже был в Петербургѣ и знакомился с Крупенским в его служебном кабинетѣ, с окнами на площадь Александринскаго театра. И должен сказать, что этот еще молодой, нѣсколько полный, скорѣе пріятный господин, лицо котораго было украшено темной бородой, меня очаровал. Правда, мнѣ говорили, что Крупенскій человекъ неудобный, капризный, с замашками «бурбона», однако, ничего подобнаго я во время того перваго собесѣдованія не замѣтил, и, напротив, Александръ Дмитриевич шармировал меня своей любезностью, своими «открытыми» манерами и выраженіем полной готовности предоставить мнѣ всѣ техническія средства, дабы постановка «Павильона Армиды» вышла именно такой, какой я ее задумал. Больше всего его заботило, чтоб она была выдержана в «настоящих гобеленовых тонах», что я ему и обѣщал, не совсѣм понимая, впрочем, что он под этим подразумевает. Я во всяком случаѣ под «гобеленовыми тонами» отнюдь не подразумевал что-либо блеклое, тусклое, выцвѣтшее. У меня в памяти жили чудесныя сочныя краски шпалер, тканых по картонам Детруа и Буше, и, когда я говорил Крупенскому, что согласен с ним, то я имѣл в виду вдохновляться именно этими образцами, а не какими - либо другими.

Не откладывая, Крупенскій, распорядившись тогда театральными дѣлами, точно он был директором, сразу доказал мнѣ, что он дѣйствительно думает сдѣлать из постановки «Павильона» *свою*, показную, постановку. Не прошло и недѣли, как уже была предоставлена мнѣ громадная декорационная мастерская на Алексѣевской улицѣ, в которой обыкновенно работал художник Алле-

гри, а вмѣстѣ с мастерской прикомандированы оба помощника Аллегри и весь штат театральнхъ маляровъ, во главѣ с однимъ изъ лучшихъ техниковъ - ремесленниковъ в этой области.

Декорацій в «Павильонѣ Армиды» — двѣ, из которыхъ одна, появившись в 1-ой картинѣ, *возвращается* затѣмъ в 3-ей. Правда, при вторичномъ появленіи ночное освѣщеніе замѣнено яркимъ утреннимъ, и было бы лучше, если бы каждый изъ этихъ эффе́ктовъ былъ выраженъ и в живописи. Но экономическія соображенія превозмогли над художественными, пришлось ту же декорацію первой картины оставить для третьей, и тогда я попробовалъ расположить всю систему писанныхъ тѣней и рефлексовъ такъ, чтобъ она могла служить какъ тогда, когда роскошный залъ павильона освѣщается свѣчами, такъ и когда в него проникаютъ лучи солнца. Залъ этотъ представлялъ какъ-бы квинтэссенцію барочной архитектуры и декорировки. Высокія окна, надъ каждымъ изъ которыхъ было помѣщено еще по вычурному *oeil de boeuf*’у, чередовались с колоннами полированного мрамора, а в средней нишѣ на извѣстной высотѣ начиналась лѣпка, представлявшая всякія, покоящіяся на облакахъ, аллегорическія фигуры, поддерживавшія роскошный, украшенный перьями, балдахинъ. Подъ балдахиномъ и помѣщался магическій гобеленъ, с изображеніемъ Армиды, плѣняющей Ринальдо. Не сразу труднѣйшая композиція этого зала мнѣ далась. Особенно меня затрудняло то, что ниша с гобеленомъ в глубинѣ зала должна была, по требованію дѣйствія в извѣстный моментъ и на глазахъ у публики, распастись на свои составныя части. При этомъ на мѣстѣ оставалась бы только изображенная на гобеленѣ (постепенно оживающая) центральная группа.

Одновременно с работой надъ декораціей я, постоянно совѣщаясь с Черепнинымъ, старался усовершенствовать видоизмѣненный сценарій. Кое в чемъ мы не соглашались. Такъ, в мои планы входило чрезвычайно разработанное начало—самый моментъ, когда, застигнутый грозой, юный Ренэ де Божанси ищетъ пріюта в замкѣ древняго у полубезумнаго старика - маркиза, а тотъ его отводитъ на ночлегъ в заброшенный садовый павильонъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ ужасъ этой ночи былъ переданъ в музыкѣ с предѣльной выразительностью. Черепнинъ же не соглашался прибавить и такта къ тому, что у него было готово и что на мой взглядъ не выражало ни бури, ни ужаса. Приходилось мириться, утѣшаясь тѣмъ, что вся дальнѣйшая сцена удалась композитору вполне и что «подготовленіе» зрителя

в вступленію в фантастическій мір все-же было таким, каким оно мнѣ мерещилось. Без таких уступок при коллективной работѣ вообще нельзя обойтись, и весь вопрос в том, чтоб эти уступки были как-то вознаграждаемы разными радостями. Радостей же у меня было в 1-ой картинѣ Черепнинской партитуры не мало. Особенно прелестным получился танец — марш Часов, задуманный, как процессія с фонариками, появляющаяся из ящика монументальной *horloge* под гобеленом. Двѣ золоченыя фигуры Амура и Сатурна, украшавшія эту *horloge*, вступали перед этим в борьбу между собой, и борьба оканчивалась побѣдой перваго над вторым, что должно было означать, что времени не стало и что в полныя свои права вступила любовь... Музыка Черепнина превосходно иллюстрировала и весь дальнѣйшій переход в царство фантастическаго сновидѣнія. Счастливой мыслью композитора было, между прочим, то, что в извѣстный момент к оркестровому ансамблю сначала глухо, а затѣм все громче и громче примѣшивалось закусное хоровое пѣніе *à bouche fermée*, что отлично передавало ту таинственную жуть, которую Ренэ должен испытать в момент, когда, разбуженный первыми шумами, он выбѣгает из алькова и видит превращеніе залуценнаго павильона в роскошный сад.

Сначала наша работа шла без балетмейстера, но среди лѣта из отпуска явился и он. Моя первая встрѣча с Фокиным произошла в декорационной мастерской. Я уже знал от Черепнина, что это очень еще молодой человек (ему тогда не было и 30 лѣт), что он человек пріятный, очень даровитый и что он готов всецѣло предоставить себя, дабы осуществить все мной задуманное. Личное знакомство подтвердило все это. Одно мнѣ сразу особенно понравилось в Фокинѣ — это его имѣвшая оттънок простодушія *веселость*. В нем не было ничего напускнаго, никакого геніальничанья, никакой позы, и, напротив, моментами в нем проглядывала та самая «дѣтскость», которую я почитаю неотъемлемой от подлиннаго таланта чертой и которая мнѣ даже представляется самым несомнѣнным его *признаком*. Видно было, что поставленная задача задѣла его за живое и он *горит* ее рѣшить наилучшим образом. Мы сразу тогда и сбѣлись. Он мнѣ рассказал то, как он уже поставил часть танцев «Армиды» для упомянутаго спектакля в Театральном Училищѣ. Всѣ его инвенціи показались мнѣ вполне соотвѣтствующими моим идеям, и это позволяло всецѣло на него положиться и в дальнѣйшем.

За этой бесѣдой послѣдовали вскорѣ другія, уже в присутствіи Черепнина, и тут также не обнаружилось ни малѣйшаго между ними диссонанса. Всѣ трое мы были проникнуты одной идеей и, в общем, одинаково понимали задачу. Подчас, впрочем, мнѣ приходилось и убѣждать в чем-либо моихъ сотрудников, и особенно строптивымъ оказывался Фокин во всемъ томъ, в чемъ доминировала пантомима. Онъ боялся, какъ бы не получилось того безсмысленнаго «маханья рукъ», которое в Театральномъ Училищѣ постепенно замѣнило сознательную и тонко выработанную систему пантомимнаго выраженія, — то самое, о чемъ особенно пеклись старые балетмейстеры и в чемъ танцовщики эпохи Сен - Леона и Петипа имѣли особенный успѣхъ. В нѣсколько презрительномъ отношеніи Фокина къ пантомимѣ чувствовался новый духъ времени, клонившій къ тому, чтобъ превратить балетъ в безсвязное чередованіе танцевальныхъ номеровъ. Но Фокинъ былъ слишкомъ художникомъ, чтобы быть задѣтымъ этими новыми вѣяніями в сильной степени, и онъ отлично понималъ, что составляетъ основную прелесть старыхъ балетовъ. Какъ говорится, — *il ne demandait pas mieux que de se laisser vaincre*, и, будучи беззавѣтно преданъ самой идеѣ возрожденія своего искусства, желая, не меньше моего, спасти балетъ отъ «размѣна» и отъ опошленія, онъ понималъ, что, отстаивая пантомиму, я защищаю дорогіе ему принципы. Мы оба во всякомъ случаѣ соглашались на то, что необходимо вернуть балету его драматическую осмысленность, и доказательствомъ того, что это нашимъ соединеннымъ усиліямъ удалось, служатъ какъ тотъ же «Павильонъ Армиды», такъ и «Шехеразада» и «Петрушка».

Итакъ, работа протекала в гармоніи, и мы трое уже считали, что доведемъ ее до благополучнаго завершенія безъ особенныхъ помѣхъ, — когда внезапно и безо всякаго видимаго повода измѣнилась самая атмосфера нашего общаго дѣла. Я уже сказалъ выше, что меня предупреждали о неудобномъ и склонномъ къ *sautes d'humeur* характерѣ г. Крупенскаго, но я не вѣрилъ этимъ «наговорамъ» пока онъ всячески выражалъ свое уваженіе къ моему творчеству и всячески старался облегчить мнѣ задачу реализовать мою мечту. Но такое благополучное состояніе продолжалось лишь первыя шесть-семь недѣль, а затѣмъ наступила рѣзкая перемѣна. Крупенскій со дня на день прекратилъ свои ласковыя интонаціи и манеру говорить в тонѣ того общества, къ которому мы

оба принадлежали, и превратился в «начальника»; стал заносчивым, arrogantным и в самых вздорных мелочах начал чинить мнѣ разные препоны. В долгу я не оставался. Вообще я человек скорѣе мягкій и миролюбивый; я умѣю, когда это нужно для дѣла, ладить с величайшими причудниками и закрывать глаза на всякія нелѣпости. Мнѣ обыкновенно удается без примѣненія особых средств воздѣйствія настоять на своем там, гдѣ я это считаю необходимым, и подчас мнѣ даже нравится заниматься образумленіем какого-либо безумца. Но для всего этого нужно, чтоб я сохранял внутреннее самообладаніе, а таковое, увы, я теряю во всѣх случаях, когда наталкиваюсь не столько на нелѣпость и непониманіе, сколько на грубость и невоспитанность. Случилось это и тут. По винѣ бессмысленной перемѣны, происшедшей в Крупенском, между нами, вмѣсто того подобія дружбы, которое намѣчалось вначалѣ, скоро водворилась вражда. Мы оба возненавидѣли друг друга без того, чтоб какія-либо основанія к тому были налицо, и *je voyais rouge* каждый раз, когда при встрѣчах со мной Крупенскій принимал вид важнаго вельможи, протягивал мнѣ два пальца и вообще держал себя непозволительным образом.

До сих пор я так и не знаю, что могло быть причиной такой метаморфозы. Возможно, впрочем, что, пригласив меня без вѣдома Теляковского и во время отсутствія послѣдняго, Александр Дмитриевич получил хорошій нагоняй, когда его начальник вернулся в Петербург и узнал, что дѣлается в подвѣдомственном ему учрежденіи. Возможно, что, вслѣдствіе этого нагоняя, у Крупенскаго зародился план ликвидировать начатую затѣю, а для этого подходящим способом являлось провоцированіе меня на какую-нибудь *action d'éclat*. Как бы то ни было, но через нѣкоторое время и тогда, когда всѣ работы по декораціям и по шитью костюмов были в полном ходу, я стал избѣгать непосредственнаго сношенія с ним, а обращался по возникавшим вопросам к его помощнику. Погубить же и, что еще хуже, *скомпрометировать* мое дѣтище я не мог позволить; я слишком сам был теперь увлечен мыслью увидать задуманное в сценическом осуществленіи. К тому же это всѣх, кромѣ Крупенскаго, я находил в театрѣ самую предупредительную поддержку. Особенно меня радовали костюмеры и бутафоры, которые всѣ были чудесными и очень толковыми спеціалистами. Меньше я был доволен моими помощниками по писанію декорацій. Но я сам быстро освоился с декорационной техникой и

потому оставался полным хозяином работы... Необычайно меня радовал машинист — совершенно молодой человек, который лишь с недавних пор тогда замѣнил на этом трудном посту стараго рутинера Бергера, но уже знал свое ремесло на зубок и отличался той особенно цѣнной в его специальности чертой, что для него любая задача представлялась *осуществимой*. Я никогда не слышал от него каких либо обезкураживающих придировок (того самаго, чѣм так любят потчевать художника французскіе машинисты, величайшіе *rousépéteur*—'ы на свѣтѣ); свою же компетенцію он доказал на дѣлѣ. Все, что он обѣщал сдѣлать, он исполнил с безупречной точностью, и благодаря ему, сложнѣйшая машинная часть представлѣнія, от которой зависѣло, чтоб фантастика показалась убѣдительною, прошла без сучка и задоринки...

Сам я не очень стремился видѣть первые шаги в работѣ Фокина. Во-первых, я вовсе не считал себя тогда знатоком технической стороны танца, а, кромѣ того, в наших частых бесѣдах вдвоем с ним и втроем с Черепниным, мы заранѣе сталкивались обо всем, при чем не обходилось без того, чтоб или Фокин эскизировал какія-либо па на паркетѣ моего кабинета или же, чтоб я не набрасывал тут же на бумагѣ какую-либо позу или какой либо «ход»... Часто эти бесѣды происходили по инициативѣ Черепнина. Когда у него созрѣвал какой - либо танцевальный номер или та или другая сцена, он давал нам обоим об этом знать и проигрывал нам затѣм данные куски. Будучи искуснѣйшим пианистом, он успѣвал даже на роялѣ как бы давать предвкушеніе той звучности и той красочности, которыя он собирался вложить в оркестровку — и это ему удавалось тѣм болѣе, что он попутно указывал, как он думает оркестровать свою музыку. Эта музыка, только что созрѣвшая и «тут же поданная», к тому - же окутанная в поэзію ожиданія, вдохновляла и Фокина, и меня. Она нам все болѣе и болѣе нравилась, сам же Черепнин входил все болѣе и болѣе во вкус творчества. О, какое это было счастливое время для всѣх нас троих!..

И вот к прочим радостям от успѣшнаго хода общей работы, достаточно сильным, чтоб заслонить собой интриги, зрѣвшія во-круг нашего дѣтища, присоединилась еще одна — для меня тогда новая. Фокин сам пожелал мнѣ показать, что у него было готово.

В настоящее время (тридцать лѣтъ послѣ описываемой эпохи) проникнуть в какое - либо балетное училище не является чѣм-то

чрезвычайным. Балетных школ развелось столько, что онѣ даже стали явленіем довольно банальным. Самая каста танцующих перестала быть замкнутой и одновременно утратила прежній отгѣнок чего - либо запретнаго. Теперь и самыя строгія буржуазныя мамы мечтают, чтоб дочери их поступили в балет и сдѣлали в нем свою карьеру. Совсѣм иначе обстояло дѣло в тѣ далекія времена. На весь Петербург была всего одна балетная школа — в Императорском Театральном Училищѣ, и это училище, особенно его дѣвчья половина, находилось под самым бдительным педагогическим контролем. Никакіе профаны и просто постороннія лица не бывали допущены в его стѣны. В то же время, а, может быть, отчасти именно благодаря этим запретам, училище и жизнь в его стѣнах представлялись чѣм-то весьма заманчивым. И особенно оно представлялось таким для всего клана балетоманов. Одно дѣло было познакомиться с артисткой, уже выпущенной и начавшей жить своей самостоятельной жизнью, — это было прелестно, *cela avait son charme*, но ничего *удивительнаго* в этом не было. Другое дѣло, было проникнуть в самыя нѣдра этого монастыря (или подобія Магометова Рая), — гдѣ, рядом с готовыми артистками, было столько еще совершенно юных и неопытных, но столь милых и граціозных существ, посвятивших себя Терпсихорѣ!

Должен сознаться, что, будучи введен в тот день в репетиціонный зал в Театральном Училищѣ, я как-то даже оторопѣл. Я бывал много раз на сценических репетиціях, уже был знаком со многими артистками и артистами, и, казалось бы, это должно было меня уберечь в данном случаѣ от какого - либо *choc'a* неожиданности. Но тут перед моими глазами предстало нѣчто совершенно новое. Дневной свѣтъ лился потоками с двух сторон из высоких окон, благодаря чему море тарлатановых тюников казалось еще пѣнистѣе, еще воздушнѣе. На всѣх этих дамах, дѣвцах и дѣвочках не было никаких косметических прикрас, и юныя тѣла их сіяли своей природной бѣлизной, а на щеках играл естественный румянец. Все это уже создавало единственную в своем родѣ картину, столь плѣнливую когда-то Дега. Но настроеніе в балетных картинах великаго мастера всегда скорѣе сумрачное, а танцовщицы, застигнутыя врасплох во время своих, далеко не граціозных упражненій, имѣют вид истязаемых мучениц. Здѣсь же все казалось исполненным *веселья*, *приволья*, здѣсь, несмотря на массу людей, дышалось легко. Танцовщицы и танцовщики, усѣв-

шись вдоль стѣн по группам или разгуливая в ожиданіи начала репетиціи посреди зала, отнюдь не были похожи на каких-то страдальцев или на «жертв своего ремесла».

Меня ввел Фокин и представил группѣ. В отвѣтъ на мой общій поклон, я получил со стороны дам массовый книксен, исполненный по всѣм правилам придворнаго этикета. Лишь послѣ этого ритуала я пошел здороваться со знакомыми артистами, из которых П. А. Гердт, М. Ф. Кшесинская, Соляников были заняты в главных ролях, другія же, как Кякшт, Карсавина, Чернышева и А. Федорова, исполняли только небольшія варіаціи в дивертисментѣ второй картины. Многих из них я видѣл впервые так близко, в том очаровательном и очень авантажном костюмѣ, который был изобрѣтен еще в расцвѣтѣ, так называемой, классики 1830-х годов и который оставался *обязательным* для репетиціи на Императорской сценѣ. Лишь Кшесинская, для которой общіе законы не были писаны, позволяла себѣ носить «пачки» несравненно болѣе короткія, нежели полагалось...

Отдѣльно стояла группа воспитанников Театрального Училища, одѣтых в свои рабочіе костюмы, с танцевальными башмаками на ногах. Вмѣстѣ с этой группой стоял юноша, с виду еще совершенно мальчик. Я не обратил бы на него вниманія, если бы Фокин не представил мнѣ его, как того артиста, для котораго он попросил включить непредвидѣнную сначала в моем либретто роль «раба Армиды», и это специально для того, чтобы дать возможность начинающему товарищу блеснуть своим совершенно исключительным мастерством. Особенно рассчитывал Фокин поразить небывалой высотой его прыжков и полетов, дававшихся юношѣ без всякаго видимаго труда. Признаюсь, я был нѣсколько удивлен, увидав вблизи такое чудо. Это был невысокій, коренастый человек, с лицом скорѣе простецким и «безцвѣтным»; он болѣе походил на «приказчика из лавки», нежели на какого-либо сказочнаго героя. Но то был — Нижинскій! Пожимая его руку, я никак не предполагал, что пожимаю ее тому, кто через два года должен был как-то сразу достигъ всесвѣтной славы и получить в результатѣ очень короткой, но совершенно фантастической карьеры ореол легендарнаго генія....

Вскорѣ было скомандовано «тишина!»; Черепнины сѣлъ рядом с панистом за рояль, артисты заняли свои мѣста, и репетиція началась. Репетировали, однако, «Павильона» не цѣликом и с на-

чала, а лишь его вторую картину, т. е. с момента оживленія гобелена.

Можно ли передать словами то возбужденіе, которое тогда овладѣло мной? Замышленный мною спектакль развѣртывался под музыку, которую я как бы «заказал» и которая была сочинена въ соответствии с моими пожеланіями. Я ее теперь уже хорошо знал и успѣлъ полюбить. И — о счастье! — этот «мой спектакль» развѣртывался *так именно, как мнѣ хотѣлось*, с той стильной помпезностью, в которую мнѣ хотѣлось вложить все мое увлеченіе искусством 18-го вѣка. В то же время в этой сказкѣ, получившей сценическое оформленіе, сказывалась, благодаря музыкѣ, та таинственность, та «гофманщина», которыя были мнѣ особенно дороги. В тот памятный день я испытывал весьма рѣдкое, не лишнее даже какого-то страданія, чувство, являющееся тогда, когда *полностью* реализуется давно лелѣянное желаніе.

Ничего до того не видав из Фокинскаго творчества, я мог опасаться, что ему может и не удастся передать то, что мнѣ было особенно дорого. Вѣдь неопытный балетмейстер, только что до того отличившійся постановкой балета на сюжет из романа «*Quo Vadis*» Сенкевича («Евника») — в котором, как мнѣ говорили (сам я был тогда еще в Парижѣ), удачно примѣнил разныя новшества во вкусѣ Айседоры Дункан, — едва ли мог бы уловить то, что требовалось здѣсь, в чем нужно было абсолютно забыть э благородствѣ античных образцов, замѣнив это чѣм-то жеманным, умышленно - напыщенным и до чрезвычайной степени стилизованным... Откуда было «научиться этому» ученику Театрального Училища? Достаточно ли были тѣ собесѣдованія, которыя мы вели во время подготовительнаго періода, достаточно ли то, что я постарался передать в моих эскизах декорацій и костюмов, в которые, правда, Фокин всматривался с жадностью?

Надо, впрочем, сказать, что и живые образцы того, о чем я мечтал, были налицо в русских балетах — в нѣкоторых постановках Петипа, Перро и Сен - Леона, которые несомнѣнно впитали этот «французскій стиль» с молоком матери и которые застали еще живыми традиціи, переданныя от предшествовавших им свѣтил хореографіи. Бесѣдуя с Фокиным, я настаивал на том, что ему слѣдует вспомнить такіе первоклассные шедевры, как сцена в лѣсу или как послѣдняя картина «Спящей красавицы» с ея чисто Версальской сарабандой и с изумительной вариацией принца

Дезире, гениально исполнявшейся Гердтом. Но мои убѣжденія и самые примѣры могли бы и не *подѣйствовать*, если бы сѣмена попали на мало воспримчивую почву. Почва же оказалась в высшей степени воспримчивой, и я испытывал теперь до боли острое *счастье*. Фокин сумѣл мнѣ погнать до такой степени, что — и без костюмов, и без декораций — все, что я видѣл, давало полноту впечатлѣнія, и мечта, во имя которой «Павильон Армиды» был затѣян, оказывалась осуществленной!..

Впрочем, и на лицах всѣх участвовавших в тот день было написано подобное же *счастье*. Вообще, труппа, за самыми малыми исключениями, уже боготворила Фокина и видѣла в нем того, кто поведет ее по новой дорогѣ — к небывалым успѣхам. Уже «Евника» покорила многих, но на сей раз чувствовалось иное. Та постановка была как - никак лишь довольно удавшимся опытом, симпатичной попыткой, но далеко не зрѣлым произведеніем. Здѣсь же создавался шедевр, и, кромѣ того, многіе артисты сознавали еще, что эта повинка окажется в то же время каким-то утвержденіем и оживленіем тѣх самых традицій, которыя всѣм были дороги и в которых они выросли. Нов был подход, но оживавшія, по мѣрѣ продвиженія работы, формы были тѣ же, что составляли самую основу балетной школы. Разставаться с ними было бы тяжело уже потому, что этот «языкъ» был всѣм понятен, что это был как бы родной язык русской Терпсихоры... Отличным балетмейстером был и Н. Легат, но его вѣрность традиціям отдавала рутинной; она не была одухотворена, она была академической. Там чувствовалось «рабство», утрата свободы. Напротив, вѣрность традиціям смѣлаго до дерзости, огненного Фокина *была свободной*, она получалась не как результат школьной выправки и робкаго подчиненія, а как слѣдствіе какого-то независимаго личнаго *увелеченія*. Фокин, видимо, *сам наслаждался*, занимаясь твореніем этой *évocation du passé!*

Кончилась тогда «показная» репетиція под несмолкаемые аплодисменты всей труппы, к которым и я присоединился с особым сочувствіем. Послѣ этого кордебалет и многіе артисты были отпущены, и остались только исполнители первой и послѣдней сцен, — иначе говоря, Гердт, Соляников и Григорьев. Это я настоялъ, чтобы почтенный 60-лѣтній Павел Андреевич Гердт играл роль моего юнаго героя, и мнѣ стоило больших усилій убѣдить маститаго артиста предстать перед публикой в образѣ 20-лѣтняго Ре-

не де Божанси. Он увѣрял, что у него ничего не выйдет, что даже получится нѣчто комическое, причем с печальной улыбкой он указывал и на свой чуть выдававшийся живот. Но, движимый стародавней мечтой, я сумѣл настоять на своем. Увлекался с самаго своего дѣтства Гердтом, считая его (с полным основаніем) за лучшаго, за незамѣнимаго «балетнаго любовника», я не мог отказаться от желанія, чтоб в моем первом балетном произведеніи именно Гердт возглавил сочиненную мною любовную драму. И вот теперъ я *видѣл* его исполняющим навязанную ему роль...

Увы, на этой репетиціи я вынужден был сознаться, что прав был Гердт в своем отказѣ и не прав был я в своей настойчивости. И не тѣм я был огорчен, что такой Ренэ мнѣ показался слишком старым; напротив, П. Ан. производил тогда впечатлѣніе человѣка, которому, самое большее, можно было дать лѣтъ 35, в костюмѣ и в парикѣ он мог бы помолодѣть еще на всѣ 10 лѣтъ, откуда уже не так далеко до возраста моего героя. Огорчила меня *игра* Гердта — его слишком отчетливая, до сухости точная жестикуляція, его условная мимика. Уж очень чувствовалась школьная рутина. Он и ходил как-то слишком под музыку, а всякія перемѣны выраженія в лицѣ, всѣ переходы от смущенія къ восторгу, къ страху, и снова къ смущенію производили впечатлѣніе чего — то механическаго. Вовсе не чувствовалось, что артист что-либо, дѣйствительно, переживает, а было очевидно, что он лишь исполняет какія-то предписанія. К довершенію горя, этому автоматизму вторила и игра моего коварнаго маркиза — хозяина рокового Павильона и отца красавицы Армиды, изображенной на гобеленѣ. Солянников, котораго мнѣ горячо рекомендовал Фокин, казался мнѣ просто ничего в порученной роли не понявшим. Сейчас же послѣ репетиціи я по этому поводу имѣл длинный разговор с балетмейстером и излил ему все свое смущеніе. Я уже стал просить, чтоб сам Фокин взял на себя роль Ренэ, увѣренный в том, что Гердт сознает неудовлетворительность своего исполненія и безболѣзненно ее уступит своему молодому коллегѣ. Однако, Фокин убѣдил меня отложить этот приговор до сценических репетицій, и оказалось, что, поступая так, он был прав. *На сценѣ* все получило иной характер, все «стало на свои мѣста».

Этот случай болѣе, чѣм что-либо, научил меня тому, какую силу художественнаго выраженія имѣют школьныя традиціи, какою в них *накоплен опыт*. Только опыт многих поколѣній, только

непрерывная провѣрка на опытѣ смогла создать такую градацію эффектов и установить в пантомимѣ законы какой-то своеобразной перспективы — точь в точь как школьныя (нынѣ окончательно утраченныя) традиціи в искусствѣ декораторов довели в былое время убѣдительность сценических картин до предѣльной степени. Вблизи их живопись казалась грубой, с краской слишком цвѣтистой, техника—ремесленно условной. На разстояніи же получался чудесный обман; сценическій мираж, иллюзія дѣйствительности получалась полная, и эта иллюзія отнюдь не противорѣчила требуемому по ходу дѣйствія настроенію. Нѣчто подобное я и увидал в исполненіи роли Ренэ Гердтом, когда балет был перенесен на сцену, и это же самое получилось в исполненіи роли маркиза Соляниковым, прошедшим ту же школу, как Гердт. Вблизи, в театральном залѣ, их игра и мимика казались даже безпомощными, — на нужном же разстояніи при свѣтѣ ramпы получалось то, что требовалось, и самая «чрезмѣрная» отчетливость их жестов и мимики не только не вредила, но, напротив, того, *способствовала* убѣдительности. Без нея получилось бы то самое, что нынѣ так часто господствует на балетной сценѣ, — мелочность, случайность, так называемая «грязь»... Однако, я не знаю, как вернуть теперь утраченное, в каких школах найти преподаваніе того, что сложилось вѣками и стало самым фундаментом балетнаго обученія?

Послѣ этой репетиціи я уже не мог сомнѣваться в том, что судьба свела меня с тѣм человѣком, который мнѣ был *нужен*. Отсюда, естественно, начал намѣчаться и род дружбы с молодым балетмейстером. Мы все чаще и чаще стали встрѣчаться; то он приходил ко мнѣ, и мы до поздней ночи бесѣдовали на самыя разнообразныя темы, то я бывал у него, гдѣ меня встрѣчало самое радужное гостепрѣимство в лицѣ его жены (Михаил Михайлович и Вѣра Петровна были молодоженами, и было отраднo смотрѣть на их «юный роман») и его почтенной, необычайно милой матушки. Жили Фокины скромно, но уютно на «Пяти Углах» в довольно отдаленном от центра и от нашего обиталища на Адмиралтейском каналѣ кварталѣ, — но я с величайшей охотой отправлялся к ним и застревал иногда до столь поздняго часа, что чуть ли не на разсвѣтѣ возвращался на сонном «ванькѣ» домой по ночному, опустѣлому городу.

Все было бы чудесно, если бы уже упомянутое педоброжела-

тельство со стороны театрального начальства не стало постепенно принимать угрожающий характер. И это недоброжелательство выражалось не только в отношении ко мнѣ, но и в отношении к Фокину. Еще в революционный 1905 год артист, по юной горячности своей, вздумал заступиться за своих товарищей и явился в качестве их делегата. Тѣм самым он навлек на себя подозрѣніе в неблагонадежности, и возможно, что теперь, в 1907 году, когда вся Россія переживала реакцію, об этих его провинностях *en haut lieu* вспомнили, и задним числом старались ему выказать известное неблаговоленіе — дабы не повадно было впредь. А тут еще Фокин вздумал дружить с таким врагом дирекціи, каким почитался тогда я! Но Фокину было мало дѣла до всего этого; он знал, что «без него им все равно не обойтись», а, с другой стороны, как всякій подлинно талантливый человек, он не сомнѣвался в том, что еще «успѣет отыгратъся», что все же послѣднее слово останется за ним.

В отношении меня усиливавшееся недоброжелательство дирекціи получило особенно острое выраженіе на одной из сценических репетицій «Павильона». Мнѣ вздумалось пригласить на нее Дягилева, который «умирал от любопытства», чтобы узнать, как обстоит дѣло с моим балетом, а, кромѣ того, ему было уж очень интересно снова очутиться в той «атмосферѣ театральной лабораторіи», в которой он находился в теченіе двух лѣтъ своей службы в театрѣ и которой он был лишен послѣ своей вынужденной отставки. Я никак не мог предположить, чтоб появленіе моего друга в театрѣ было сочтено за какую-то безтактность, тѣм болѣе, что на этих же репетиціях то один, то другой из моих друзей присутствовали, и это не встрѣчало ни с чьей стороны протестов. Но на сей раз произошел непріятнѣйшій казус, и я совершенно убѣжден, что под этим было не столько желаніе причинить непріятность Дягилеву, сколько желаніе причинить ее мнѣ. Дягилев уже больше получаса сидѣлъ в креслах рядом со мной, когда к нему подошел полицеймейстер театра и в выраженіях вѣжливых, но все же «безпрекословных», попросил его немедленно покинуть зал. Я попробовал протестовать, однако, блюститель порядка остался непреклонен, и Дягилев удалился из Маріинскаго театра, испытывая чуть ли не такую же «горечь позора», как тогда, когда его заставили покинуть службу. Возможно, что Сережа с этого дня как-то особенно твердо рѣшил, что необходимо за всѣ эти обиды отомстить и, ра-

зумѣется, лучшаго мщенія нельзя было придумать, как создать собственный театр и прославить его на весь свѣтъ...

Вскорѣ послѣ этого, сильно меня разстроившаго, инцидента, произошел и другой характерный случай. От роли Армиды внезапно отказалась наша *prima ballerine* Кшесинская, и, так как оставалась до перваго представленія всего одна недѣля и так как она свой отказ ничѣм уважительным не мотивировала, то отказ представился нам весьма симптоматичным. Повидимому, Матильда Феликсовна поступала так, желая сдѣлать удовольствіе начальству и даже в расчетъ на то, чтоб своим отказом «сорвать спектакль»... Мы с Фокиным и Черепниным ощутили это, во всяком случаѣ, как злоумышленіе, и пережили момент нѣкоторой деморализаціи. Но кризис продолжался не долго — всего какой-нибудь час. Присутствовавшая в театрѣ на этой репетиціи Павлова тут же вызвалась замѣнить Кшесинскую, и, разумѣется, мы с восторгом за это предложеніе ухватились. В этом нельзя было не увидѣть выраженіе чисто дружеских чувств «Аннечки», на которыя она вообще была очень щедра. Как сегодня, помню тогдашнюю сцену, происходившую в директорской ложѣ, в которой я и Фокин остались сидѣть послѣ репетиціи, обсуждая создавшееся положеніе. Вижу вбѣгающую Павлову, вижу ея разгоряченное лицо, вижу ея стройную фигурку, сидящую на барьерѣ ложи, спиной к уже потушенному залу, вижу то выраженіе большого счастья, с которым она принимала наши из'явленія благодарности. Немедленно же Фокин взялся пройти с чудесной, тогда нами боготворимой артисткой роль, и Анна Павлова, дѣйствительно, к слѣдующей репетиціи была уже *готова*. *Nous ne perdions pas au change*. Несмотря на всѣ свои исключительныя достоинства, Кшесинская все же уступала своей, болѣе юной, соперницѣ, которая ко всему техническому совершенству принесла еще свой природный *port de reine* и свою тонкую красоту, бывшую тогда в полном расцвѣтѣ *).

---

*) Любопытно, что тѣм временем я уже успѣлъ написать для «Павильона» «гобелен», и Армидѣ на нем я попытался придать черты сходства с Кшесинской. Специально для этого была, уже на сценѣ, снята фотографія центральной группы, для которой позировали в костюмах и Матильда Феликсовна и Гердт. Но то сходство, котораго я добился, было не на столько разительно, чтоб потребовалось измѣненіе послѣ отказа Кшесинской, и «гобелен» с нею служил затѣм, как для Павловой. так и для всѣх других артисток, в позднѣйшіе годы ее в этой роли смѣнивших. Попробовал было тогда послѣдовать за Кшесинской и

Несмотря, однако, на такой блестящий оборот в данном случае, мы с Фокиным начинали не на шутку тревожиться, по мере приближения дня спектакля; вот - вот произойдет еще что - либо, что окончательно подорвет всю нашу затею. В таких страхах естественно, что я стал искать всюду сочувствия и поддержки. Таковую я в особенности находил в лице моих близких друзей, князя В. Н. Аргутина и С. С. Боткина, и лишь глубоко скорбел, что усилия обоих, направленные на «спасение Армиды», — не могли быть объединены, так как эти два превосходных человека как раз тогда, из за какой-то ерунды, повздорили и временно даже друг другу не кланялись. В отдельности же каждый нас утешал и, кроме того, старался использовать все свои связи в свете и в театральном мире, чтоб «не дать победу врагам». Издали все это теперь представляется чуть - чуть смешным, но в то время тревоги наши вовсе не носили легкомысленного и воображаемого оттенка. Напротив, мы всей душой болели за дело, ставшее «общим», и спектакль «Армиды» ожидался, как некая решительная битва, выиграть которую надлежало *во что бы то ни стало!*

С этого же периода начинается мое сближение с Н. М. Безобразовым, который продолжал считаться «королем балетоманов» и значение которого в балетном мире было огромно. По прошествии 30-ти лет с момента, когда я его увидел впервые, он превратился в тучного, понурого, усталого от жизни старика. В то же время это был довольно важный господин, и его не иначе называли, как «генерал Безобразов», хотя это генеральство было чисто «штатским», и ничего воинствующего в Н. М. не было. Просто Безобразов успел дослужиться до чина тайного советника, соответствовавшего в табели о рангах военному чину генерал - лейтенанта, а у нас тогда принято было называть «генералами» всех таких особ «первых четырех классов» и их величали «Ваше Превосходительство». Безобразов, имевший на своем счету безчисленные амурные авантюры в балетном мире, среди которых было и несколько знаменитых — сошелся на закате дней с танцовщицей А. Г. В., особой не красивой и артисткой посредственной, но милой и очень доброжелательной.

Гердт, которому искренно хотелось «отвертаться» от роли, продолжавшей ему казаться неподходящей, но мы с Фокиным снова принялись его уламывать, и после нескольких приступов таких объединенных убеждений он и на этот раз сдался.

Безобразов и А.Г.В. жили в тѣсноватой квартирѣ, стѣны которой были завѣшаны балетными сувенирами. И вот очень скоро этот nid d'amours séniles, находившійся в двух шагах от театра, насупротив все того же Никольскаго собора, сдѣлался нашим сборным пунктом, нашей штаб-квартирой. Нѣсколько раз мы бывали угощаемы у Безобразова скромным обѣдом, но чаще мы встрѣчались там за чаем. Безобразов принадлежал к той театральной coterie, которая ненавидѣла и Теляковскаго, и Крупенскаго, — и в наших бесѣдах мы нерѣдко возвращались к формулѣ Caeterum censeo Teliakovskium delendum esse. При этом намѣчалась и дальнѣйшая за этой гибелью программа: возвращеніе в театр Дягилева, — в качествѣ уже директора, — а нас всѣх в качествѣ его сотрудников и реформаторов всего русскаго театрального дѣла. Имѣя - то в виду столь гордые цѣли, и надлежало нынѣ во что бы то ни стало déjouer toutes les intrigues и уж во всяком случаѣ не допустить и намека на поражение.

Наконец, настал рѣшительный момент в нашей работѣ — мы подошли к генеральной репетиціи. Каждая из частей была готова и в отдѣльности провѣрена. Не хватало лишь кое-что в бутафоріи и в костюмах, и меня больше всего огорчало то, что, из-за внезапно наведенной экономіи, Крупенскій воспротивился снабженію шлемов плѣненных в садах Армиды рыцарей тѣми огромными — в аршин высоты — султанами из бѣлых перьев, на эффект которых я особенно рассчитывал. Не готовы были и опахала, тоже украшенныя перьями, с которыми должна была появляться из под земли цѣлая орава арапчат. Услужливые передатчики успѣли мнѣ сообщить, что Крупенскій, в присутствіи многих лиц, произнес даже такую фразу: «Бенуа совершенно с ума сошел, такого количества перьев во всем Петербургѣ не достать; я ни за что ему их не отпущу!» Между тѣм, когда мы с ним, в дни короткаго моего фавора, разглядывали мои рисунки костюмов, он именно от этих головных уборов рыцарей пришел в восторг и ничуть тогда против них не протестовал.

Читатель, вѣроятно, подумает, что все это ужасные пустяки и что из за них не стоило волноваться. Но в театрѣ именно «пустяки» играют огромную роль. Градація эффектов у меня была расположена именно таким образом, чтоб в разгар праздника и уже тог-

да, когда глаз зрителя был насыщен без того всякой роскошью и блеском, — этот пѣнистый каскад перьев сообщил всему предѣльное великолѣпіе... При этом надо прибавить, что я готов был, вмѣсто настоящих страусовых перьев, удовольствоваться их имитацией из гаруса и даже находил, что эти имитации на сценѣ произведут болѣе *сочное* впечатлѣніе. Но и на гарус начальство наложило свое veto, и я с сокрушеніем думал о том, какими жалкими и оципанными явятся мои рыцари и как совершенно пропадет появление арапчат.

Но на «генеральной» нас ожидало несравненно большее огорченіе. Вся танцевальная часть была давно готова и твердо изучена, нѣсколько репетицій было произведено и на сценѣ в декорациях, но до самой генеральной Крупенскій не позволял надѣвать кордебалету костюмы, — дабы их не помять и не запачкать. И вот, когда всѣ эти синьоры и дамы появились в невиданных ими до того одѣяніях и, главное, в огромных париках и сложных головных уборах, то получилась невообразимая суматоха и беспорядок. Артисты не узнавали друг друга, путали свои выходы, поминутно теряли своих партнеров. Фокин выходил из себя. Вмѣсто великолѣпнаго, налаженнаго спектакля, достойнаго версальских праздников, перед нами была толкучка, хаос и... нѣчто, сильно смахивавшее на ненавистныя постановки Горскаго!... Немедленно мы оба заявили начальству, что в таком видѣ спектакль идти не может, что получится нѣчто позорное; необходима была, по крайней мѣрѣ, еще одна репетиція в костюмах. Но на это послѣдовало рѣзкое — «ни в каком случаѣ», и мы узнали, что уже дано распоряженіе печатать программы премьеры, помѣченныя числом того дня, который наступал через сорок восемь часов. Возмущало нас еще и то, что наша премьера должна была состояться *послт* всего «Лебединого озера» и, слѣдовательно, «Павильон» должен был появиться тогда, когда утомленная публика была бы менѣе склонна к снисхожденію и тѣм менѣе к ощущенію восторга. А тут еще пронесся слух, что против нас готовится кабала. Принимая все это в соображеніе, можно было навѣрняка ожидать фіаско и, что хуже всего, как бы и заслуженнаго фіаско.

Повторяю, человек я вообще миролюбивый. Гдѣ только можно, я готов даже уступить, придерживаясь пословицы «плохой мир лучше доброй ссоры» (быть может, именно из - за этой моей ненависти к ссорам и из-за вытекавшей отсюда уступчиво-

сти, в жизни у меня было столько ссор, столько скандалов, столько «отставок»). Но в данном случаѣ надлежало во что бы то ни стало спасти свое дѣтище или ... хотя бы сложить с себя отвѣтственность за неудачу. И тут у меня созрѣло рѣшеніе прибѣгнуть къ услугам прессы. Какъ разъ в самой популярной и наиболѣе читаемой в театральнхъ кругахъ «Петербургской Газетѣ» сотрудничалъ в качествѣ маленькаго хроникера братъ Бакста — Исай Розенбергъ, — к нему я, не уходя из театра, и обратился по телефону с просьбой «меня интервьюировать». Исай ухватился с упоеніемъ за самую идею интервью, но далъ мнѣ практическій совѣтъ сочинить нашу бесѣду самому, что я и сдѣлалъ. Послѣ этого, у него на дому, мы наспѣхъ вдвоемъ просмотрѣли мой набросокъ, смягчили нѣкоторые петицій. В одномъ только дирекція не пожелала намъ уступить: презраннымъ инкогнито — «нѣкто в вицмундирѣ». Основной смыслъ интервью заключался в характеристикѣ порядковъ дирекціи театровъ, погрязшей в чиновничьемъ формализмѣ, и в жалобѣ на то, что эта «казенщина» рѣшила погубить мое произведеніе.

Интервью появилось на слѣдующее утро в субботу (наканунѣ назначеннаго спектакля) и произвело впечатлѣніе «разорвавшейся бомбы». Къ вечеру мы уже были освѣдомлены, что премьера «Павильона Армиды» отложена на цѣлую недѣлю, а я, кромѣ того, получилъ офиціальную бумагу из дирекціи за подписью начальника конторы Г. И. Вуича. То было приглашеніе явиться на *дѣтъ добавочныя* генеральныя репетиціи, которыя должны были состояться на ближайшихъ дняхъ. Признаюсь, — результатъ превзошелъ всѣ ожиданія; «зажигая фитиль» своей бомбы, я никакъ не думалъ, что «взрывъ» возымѣетъ вообще какія-либо опредѣленныя послѣдствія и менѣе всего, — что дирекція косвенно признаетъ свою ошибку. Тутъ же выдалась намъ возможность вполне все исправить, все наладить и поднести спектакль в образцовой законченности! Кромѣ того от благоволившаго къ намъ вообще Вуича я получилъ разрѣшеніе на столь мною желанныя перья, и эти перья на шлемахъ и на опахалахъ уже красовались на второй изъ вновь назначенныхъ репетицій. В одномъ только дирекція не пожелала намъ уступить: премьера «Павильона» все же шла в концѣ вечера, и послѣ «Лебединаго озера», но это теперь насъ беспокоило меньше. Будучи готовы, мы знали, что срама опасаться нечего. Кромѣ того, милымъ Аргутинскимъ были приняты мѣры, дабы на всякій случай заручиться благоволеніемъ «Новаго Времени», и Юрій Вѣляевъ, самый бле-

стящій из фельетонистов этого вліятельнѣйшаго органа, общал пожаловать на премьеру, досидѣть до конца спектакля и отнестись к нашему балету сочувственно.

Le grand jour настал 25 ноября 1907 года, и, дѣйствительно, для нас этот день был «большим днем», весьма значительным во всем нашем существованіи. Послѣ тѣх двух репетицій, когда все было *mis au point*, мы не волновались, но нас все - же огорчало, что «Павильон» начнется так поздно. И, дѣйствительно, когда, послѣ довольно тусклаго и обыденнаго представленія «Лебединого озера», Черепнин сѣл за свой дирижерскій пульт, было уже 11 часов 15 минут. Разговоры в ложах и в партерѣ при первых звуках оркестра стихли, занавѣс взвился, и я *увидал* свой балет. За стеклянными дверями тонувшаго во мракѣ павильона появились слуги с фонарями, предшествовавшіе маркизу и юному Ренэ; войдя, они без осѣчки зажгли свѣчи в канделябрах, и грандіозная внутренность освѣтилась мерцающим свѣтом. Передо мной развертывалось то, что я вызвал к жизни, и дѣйствіе шло именно так, как я это задумал, все было в своем стилѣ, и ни в чем не сказывались уступки устарѣлым предрассудкам. Дьяволичный маркиз окружал своего, неожиданно попавшаго к нему гостя утопченной старомодной лаской, а Гердт - Ренэ казался моложе и прекраснѣе чѣм когда - либо! О, как убѣдительно изумлялся он жуткому великолѣпію архитектуры, как был он поражен видом красавицы на гобеленѣ, о которой маркиз тут же сообщал всякія плѣнительныя и ужасающія подробности. Болѣе же всего я наслаждался тѣм, что мнѣ вполнѣ удалось передать во всем желаемое «гофманское» настроеніе ожиданія чего - то страшнаго и сверхестественнаго.

Я не стану описывать всего спектакля, скажу только, что сошел он безупречно. Публика, если и была нѣсколько сбита необычностью сюжета и тѣм, в особенности, что в первой и в третьей картинах танцы (если не считать «марша часов») отсутствуют, а дивертисмент второй картины оказался несравненно болѣе длинным, нежели это полагалось, — все-же всячески недвусмысленно выражала свое удовлетвореніе. Бѣшенный восторг разразился послѣ танца шутов, который, дѣйствительно, как-то особенно удался и Черепнину, нашедшему для этого выхода удивительно подзадабривающій ритм, и Фокину, показавшему тогда впервые, на какіе

эффе́ктивѣйшія «штуки» онъ гораздъ *). Но, если только этотъ танецъ сопровождался *ревомъ* и неистовствомъ, то и многіе другіе танцевальныя номера кончались громомъ аплодисментовъ и требованіями «биса», а, по окончаніи спектакля, несмотря на то, что стрѣлки близились уже къ часу ночи, главные исполнители и мы трое создателей «Павильона» удостоились безконечныхъ вызововъ. В первый разъ тогда и я позналъ тщеславное удовольствіе выходить къ рампѣ. Анечка Павлова, придерживая одной рукой охапки полученныхъ ею цвѣтовъ, при публикѣ меня, Черепнина и Фокина расцѣловала, а растроганный Гердтъ съ чувствомъ пожималъ мнѣ руки и благодарилъ. Всѣ были счастливы и довольны. Только изъ зіявшей пустоты директорской ложи не послѣдовало никакого изъявленія одобренія. Тутъ же было рѣшено закончить такой праздникъ традиціоннымъ ужиномъ, и друзья увезли меня съ женой къ «Медвѣдю». С. С. Боткинъ болѣе чѣмъ когда-либо расплывался своей чудесной широкой улыбкой и по обыкновенію выражалъ удовольствіе необычайно заразительнымъ, похожимъ на ржанье, смѣхомъ. Не менѣе былъ доволенъ и Дягилевъ. Еще въ театрѣ, встрѣтившись со мной при раз'ѣздѣ публики, онъ произнесъ *въщую* фразу: «*это надо показать Европѣ*», — что и соотвѣтствовало вполне тѣмъ планамъ пропаганды русскаго искусства, которыми мы не переставали дѣлиться между собой съ самой выставки 1906 года. Европѣ «Павильонъ» и былъ показанъ черезъ полтора года.

Александръ Бенуа

---

*) Большая доля успѣха въ танцѣ шутовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ позже и въ Парижѣ, выдалась главному исполнителю, молодому и не жалѣвшему ногъ Розаю. Потрясающее впечатлѣніе производилъ его безумный «взлетъ», кончавшійся паденіемъ на согнутую ногу.

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

14. — ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛѢ 1906 ГОДА. — НАСТРОЕНИЯ ПАРТІИ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ. — ПАРТІЯ К. Д. НА ВТОРОМ С'ѢЗДѢ. — НЕОЖИДАННЫЙ УСПѢХ НА ВЫБОРАХ. — ТРЕТІЙ С'ѢЗД К. Д. — «ХОЛОДНЫЙ РАСЧЕТ» И ГОРЯЧІЯ НАСТРОЕНИЯ. — ДЛЯ РАЗ'ѢЗДА — «ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ».

Обостреніе политической борьбы в концѣ 1905 года привело к одному положительному результату. Безформенное и неорганизованное до тѣх пор общественное мнѣніе, подчинявшееся, уже поэтому, фактическому руководству наиболѣе активных элементов, теперь — особенно в виду поставленной перед ним конкретной задачи выборов в Г. Думу — стало распредѣляться по политическим партіям. «Союзы» 1905 года, спѣшно с'организованные по профессиональному признаку, были слишком пестры по политическому составу — и тоже оказались в руках монополюльной центральной организациі «Союза Союзов», в которой возобладало вліяніе с. д.-большевиков. Политическія партіи, напротив, объединяли своих членов по однородности их политических взглядов и социальних интересов, связывая их дисциплиной и обязательной программой, но зато возвращая себѣ свободу маневрированія. Все это — элементарныя предпосылки серьезной политической борьбы; но тогда онѣ были новы и с трудом усваивались даже сознательными общественными дѣятелями, впервые вступавшими на политическое поприще. В частности, и мнѣ пришлось встрѣтиться с этим упорным психологическим препятствіем.

Вмѣстѣ с образованіем партій разбился и единый фронт революціонных настроеній, правда, и до тѣх пор довольно иллюзорный. На смѣну явился длинный спектр политических организациій — от крайних правых — до крайних лѣвых. Общей их чертой, на первое время, было только то, что, спѣшно сколоченныя, онѣ еще

не успѣли связаться с низами и представляли ряд главных штабов — без армій. Выборная кампанія должна была дать сильнѣйшій толчок для выясненія партійных симпатій масс. В этом заключалось ея важное политическое значеніе. Избирательное положеніе 11 декабря, при извѣстной приподнятости политических настроеній в странѣ, не могло служить для этого безусловным препятствіем. Несмотря на то, что вмѣшательство правительства в дѣятельность партій должно было помѣшать свободному из'явленію воли избирателей, настроеніе масс могло парализовать это вмѣшательство. Весь правый сектор политических партій, искусственно созданный самим правительством, был заранѣе дискредитирован в массах. Положеніе «либеральнаго» центра также не казалось особенно выгодным, тѣм болѣе, что центр этот не представлял сплоченнаго единства. Старые идейные вожди интеллигенціи проявили непривычку к коллективному дѣйствию; индивидуальныя взгляды среди них настолько преобладали, что вмѣсто сліянія в одну большую партію они разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые никакого вліянія на ход политической жизни в странѣ имѣть не могли. Партія народной свободы представляла исключеніе; но она казалась этим интеллигентам — то слишком радикальной, то, напротив, слишком умѣренной. От нея теперь зависѣло — выйти за предѣлы этих интеллигентских настроеній. Не получая должной поддержки для этого в рядах своих естественных союзников, она получила неожиданную поддержку противников в неисправимом доктринерствѣ.

Провал революціонной тактики конца 1905 г. был для них тяжелым уроком. Казалось, нетрудно было понять его смысл. Минорное настроеніе побѣжденных социалистических партій в первый момент сказалось в рѣшеніи собрать «об'единительный с'ѣзд» большевиков и меньшевиков для обсужденія дальнѣйшаго поведенія. Этот с'ѣзд и состоялся в Стокгольмѣ, в апрѣлѣ 1906 г., и центральной темой его, естественно, сдѣлался вопрос об отношеніи к выборам в Думу. При большей дисциплинированности социалистических партій, при лучшей организаціи, при существовавших уже связях с низами онѣ, конечно, могли бы получить преобладающее вліяніе на выборах. Но их, прежде всего, останавливал вопрос — по традиціи от Булыгинской Думы — слѣдует-ли вообще принимать в выборах участіе — и в какой мѣрѣ — или, наоборот, сохранить тактику бойкота. Тут, вмѣсто «об'единенія», получилось

опять расхождение между большевиками и меньшевиками. Вожди меньшевиков, Аксельрод, Плеханов, доказывали на с'ѣздѣ ошибочность тактики, основанной на идеѣ захвата власти пролетаріатом при помощи побѣдоносной революціи. Они весьма разсудительно утверждали, что в Россіи революція может быть только «буржуазно - демократической», что надо примириться с неизбежностью этого историческаго этапа и не бороться с «либералами» и «капиталистами», а, напротив, их поддерживать. Большевики, несмотря на кое - какія колебанія самого Ленина, остались при своем старом отрицаніи парламентской борьбы, при своей, правда, нѣсколько подогрѣтой вѣрѣ в непосредственное торжество революціи и при непоколебимой увѣренности, что «либералы» навѣрное «предадут», заключив преждевременное соглашеніе с правительством о «портфелях». Тут, конечно, сыграло роль и нежеланіе подорвать свой престиж перед массами признаніем в ошибочности тактики вооруженнаго возстанія. Меньшевики, все-же, получили большинство на с'ѣздѣ — тѣм болѣе, что ошибочность тактики бойкота в апрѣлѣ уже была вполне подтверждена исходом выборов. Но, практически, большевистская тактика возобладала.

Во всяком случаѣ, для партіи народной свободы перспективы избирательной кампаніи складывались неожиданно благопріятно, именно благодаря широко распространенной в лѣвых кругах тактикѣ бойкота. В ея пользу говорило и то, что всѣ ея предсказанія относительно неудачи крайней революціонной тактики вполне оправдались и революціонные эксцессы только послужили на пользу реакціи. Сочувствіе к партіи выразилось в быстром ростѣ ея сторонников в связи с энергичной работой цѣлой сѣти ея провинціальных отдѣлов. В январѣ 1906 г. в партіи числилось около 100.000 зарегистрированных членов. С отказом соперников слѣва от активнаго участія в думских выборах, партія оставалась в роли самых лѣвых в легальной борьбѣ, единственно доступной для массоваго избирателя. Однако же, в рядах самой партіи еще господствовал большой разнбой. «Освобожденческая» лѣвизна продолжалась в ней сильно сказываться. А, с другой стороны, в нее вошли и поправѣвшіе элементы из земцев, напуганных аграрными пожарами и правительственной реакціей.

Даже формально партія не могла считать себя окончательно организованной, в виду больших пробѣлов представительства на учредительном октябрьском с'ѣздѣ. Оба крайніе фланга должны

были или уйти или быть притянуты к центру, чтобы партия могла получить свое собственное лицо. Задача была нелегкая. Оба крыла выступили уже и в печати, проводя свои отгѣнки партийных построений. С декабря 1905 г. и в течение всей выборной кампании выходила «Полярная Звѣзда»: в вступительной статьѣ редактор Струве об'явил очередной задачей политики — «оторвать конституционную монархію от бюрократіи» и устроить «соглашеніе» между нею и «націей», создав «общественное министерство». Эта идиллія или запоздала или была преждевременна. Рядом со Струве, в другой редакціонной статьѣ С. Франк противопоставил «политику» ея остальным проблемам *«тактики»* — «идеям» и «вѣчным идеалам». Здѣсь уже проявлялось общее направленіе извѣстнаго сборника «Вѣхи», появившагося тремя годами позже (1908), и вырисовывалась идеологія праваго течения внутри партии. С другой стороны, с самаго начала 1906 г. появился под редакціей С. Н. Прокоповича и орган части «освобожденцев», оставшихся влѣво от партии: еженедѣльник «Без Заглавія». Критика бывших единомышленников — часто по-«лѣвому» язвительная или ироническая — преобладала здѣсь над собственными программными или тактическими заявленіями. Когда же партия к.-д. получила успѣх на выборах, критика смѣнилась пред'явленными к партиі требованіями («Побѣда обязывает», статья Богучарскаго в № 11) и проектом организовать крестьянство в странѣ для поддержки думских трудовиков (Кускова, № 13). С февраля 1906 г. начал издаваться и собственный орган партии «Рѣчь».

С конца 1905 г. или с начала 1906 г. политическая моя работа требовала постоянного присутствія в одной из столиц. Не стѣсняемый болѣе полицейскими запретами, я переѣхал из ст. Удѣльной в Петербург и занял комнату в одном из маленьких отелей около Невского. Рассчитывая пройти в Г. Думу по квартирному цензу, я нанял также квартиру для всей семьи, но ее надо было отремонтировать, и, в виду приближенія срока выборной кампании, этот ценз не обѣщал дать того формальнаго права, которое требовалось по положенію 11 декабря 1905 г. Мнѣ пришлось за эти мѣсяцы также возобновлять поѣздки по провинціи для предвыборной агитации. Желѣзнодорожное сообщеніе еще не было упорядочено; расписание нарушалось постоянно, и поѣзда были переполнены солдатами. В такой обстановкѣ на промежуточной станціи «Великія Луки» я познакомился с моей будущей женой, Н. В. Лав-

ровой. Она ѣхала от родственников к мужу, инженеру - строителю Сибирской ж. д. На станці цѣлую ночь пассажиры ждали поѣзда, сидя на полу, на багажѣ. Я помог Н. В. устроиться в вагонѣ и утром, назвав себя, с ней простился. Мимолетная встрѣча, как оказалось потом, произвела впечатлѣніе на нас обоих.

Главной моей задачей было теперь — подготовить, в согласіи с центральным комитетом, тактической доклад для второго партійнаго сѣзда, который должен был собраться 5 - 11 января, чтобы довершить дѣло идеологіи, тактики и организациі партіи. Необходимо было пересмотрѣть и утвердить окончательно партійную программу, но, главное, установить отношеніе партіи к предстоявшей избирательной кампаніи в первую Думу. Политическое положеніе, как только что сказано, оставалось сложным; настроенія внутри партіи — и даже ея состав — не вполне выяснились; и справа и слѣва за нею зорко слѣдили настоящіе и будущіе соперники и противники; в интеллигентских кругах ея политическая позиція — которую уже связывали с моим личным руководством, — представлялась своего рода измѣной традиціи; лѣвые настроенія были сильны и внутри партіи. Соціалистическія партіи чувствовали опасность именно отсюда и с особенной рѣзкостью обрушивались на партію, особенно на ея правое крыло. А правительство Витте и Дурново начало рѣшительное преслѣдованіе партіи, постепенно усиливавшееся на выборах и временно пріостановленное лишь выборным успѣхом партіи — в ожиданіи того, какое положеніе партія займет в Г. Думѣ в качествѣ руководящей группы.

«В силу своей политической вѣры, партія считает главной ареной для своей дѣятельности организованное представительное собраніе». Так звучала чеканная формула М. М. Винавера. На мою долю выпало, в противоположность большевистским утвержденіям, что выборы будут фиктивные, а Г. Дума окажется послушным правительственным орудіем, сосредоточить все вниманіе и всю энергію партіи именно на выборах, и, не предрѣшая их результата, доказать положительное значеніе участія партіи в выборах и в Г. Думѣ. Идя навстрѣчу лѣвым настроеніям в самой партіи, я, прежде всего, отдѣлил тему о выборах от темы о Думѣ, чтобы доказать — на этот раз в согласіи с меньшевиками, — что выборы сами по себѣ являются могущественным агитаціонным и организационным средством и что они имѣют особенное значеніе именно для партіи, которая цѣль своей дѣятельности видит в ле-

гальной парламентской борьбѣ. Вторая тема была сложнѣе: предрѣшать, каков будет исход выборов, было невозможно, а от этого зависѣло и окончательное установленіе нашего отношенія к Думѣ. Тут я хотѣл передать партіи мое собственное настроеніе: — что излишній пессимизм преждевременен и что, каково бы ни было правительственное давленіе на выборы, перспективы вовсе не безотрадны. В случаѣ пораженія, говорил я, партіи предстоит «благоприятная роль — политической оппозиціи». Но поражение вовсе не обязательно. Шансы успѣха на выборах быстро мѣняются в нашу пользу по трем причинам: «1) правительство использовало свою побѣду неумѣло; 2) выборы были отложены и 3) правыя партіи показали свой истинный цвѣтъ». Если послѣ провала вооруженнаго возстанія правительство могло использовать обывательскій испуг, то отсрочка выборов дала возможность избирателям «оправиться от испуга», а раздраженіе правительственной реакціей снова возстанавливает оппозиціонное настроеніе в странѣ, «Расчеты на самодѣятельность общества и на силу революціи, на силу страха или силу энтузіазма могли бы оказаться невѣрными. Но до сих пор нас никогда не обманывал — напротив, превосходил всѣ наши ожиданія — расчет на правительственныя ошибки».

С другой стороны, однако, слѣдовало, в ожиданіи возможнаго успѣха, приблизить еще болѣе нашу программу к реальным условіям борьбы — в том же направленіи, в котором начал это дѣлать ноябрьскій с'ѣзд партіи 1905 года. В виду тѣх же лѣвых настроеній эта задача была гораздо труднѣе — и ея выполненіе обрушило на партію грома друзей и противников слѣва. Если в ноябрѣ мы рѣшили, что «учредительная» работа нуждается в «утвержденіи государя», то на этот раз формула была развернута: «Россія должна быть конституціонной и парламентарной монархіей». Этим окончательно устранялась борьба за «демократическую республику». Соответственно этому нужно было опредѣлить и значеніе «учредительнаго собранія», уже замѣненнаго в ноябрѣ «думой с учредительными функціями». На с'ѣздѣ было внесено предложеніе — вернуться к требованію созыва учредительнаго собранія вмѣсто Думы. Мнѣ пришлось дать справку, что «вводя термин учредительнаго собранія, мы во всяком случаѣ не думали об обезпеченном полнотой суверенной власти собраніи». С'ѣзд отверг предложеніе 137 голосами против 80-ти. Но, в виду значительнаго меньшинства, «мѣстным группам» была «предоставлена

свобода в употребленіи *терминологіи* — той или другой, считая, послѣ раз'ясненій, самые термины безразличными.

Уточняя терминологию, с'ѣзд, однако, продолжал считать «учредительную» дѣятельность Думы — главной ея задачей. Сюда входило, прежде всего, обязательно измѣненіе избирательнаго закона и законодательное оформление общаннаго манифестом 17 октября гражданскихъ свобод. Новая трудность возникала тут с вопросом, должна - ли Дума ограничиться только этим и потребовать своего роспуска, — мнѣніе, которое тогда было очень популярным, — или слѣдуетъ поставить на очередь думскихъ работ и другія законодательныя задачи, об'единявшіяся тогда под неудачным, придуманнымъ правыми партіями, термином «органической работы». С'ѣзд, прежде всего, единогласно отверг «органическую работу» в Думѣ, «какъ в нормальномъ учрежденіи». Но рядомъ с этимъ возникалъ вопрос, какъ быть, напр., с аграрнымъ вопросом, постановки котораго на ближайшую очередь ждало все крестьянство, для этого и шедшее в Думу. С'ѣздъ отвѣтилъ и на это громаднымъ большинствомъ (91 противъ 4, при 7 воздержавшихся), включивъ, «кромѣ избирательнаго закона, также законодательныя мѣропріятія безусловно неотложнаго характера, необходимыя для успокоенія страны». Дальше ставился вопрос, слѣдуетъ - ли перечислять эти неотложныя мѣры. Большинство 73 с'ѣздъ отвѣтилъ отрицательно. Но Струве и Родичевъ внесли тогда свое предложеніе — развить хотя бы мотивы неперечисленія: «Партія не можетъ съ точностью указать предѣлы ея участія в законодательной дѣятельности Думы, ибо они должны быть указаны самымъ ходомъ жизни. Партія можетъ только указать свои ближайшія цѣли — разрушеніе бюрократическаго деспотизма и установленіе демократической конституціи россійской имперіи на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права с прямымъ и закрытымъ голосованіемъ». Дальше слѣдовала контрабанда: «при осуществленіи этихъ цѣлей партія не можетъ не поставить в своей платформѣ тѣхъ реформ, настоятельная необходимость которыхъ указывается самой жизнью, в томъ числѣ реформы земельной, рабочей, и удовлетворенія справедливыхъ національныхъ требованій». Принципіальная линия разграниченія здѣсь стиралась, и Ф. Ф. Коккошкинъ постарался возстановить ее, подчеркнувъ границу между первой и второй очередью: *обязательствомъ*, которое принимала на себя партія передъ избирателемъ провести всеобщее избирательное право и свободы, послѣ чего

должен стать на очередь роспуск Думы и новые выборы, — и *главном* дальнейших действий. В этом видѣ формула Струве - Родичева, с поправкой Коккошбина, была принята, хотя и заключала в себѣ внутреннее противорѣчіе и больше характеризовала личные взгляды авторов. Распространеніе «органической работы» на другія реформы, поставленныя на очередь «самой жизнью», конечно, напрашивалось само собой, хотя и ставило Думу на положеніе «нормальнаго учрежденія». Это выходило за предѣлы тогдашней идеологіи партіи и окончательно разрывало бы с «лѣвой» доктриной. Без того или другого соглашенія с правительством, длительная работа Думы была вообще невозможна, а Дума представлялась всѣм нам, как орган борьбы с властью, а не орган сотрудничества. Сам Струве вѣдь говорил о «разрушеніи бюрократическаго деспотизма». Это был путь не идилліи, а трагедіи первой Думы.

Конечно, наш план дѣятельности в Думѣ, при всѣх оговорках и ограниченіях, оставался отрывком, частью общаго революціоннаго наступленія, уже потерпѣвшаго крах в декабрѣ. Без поддержки извнѣ осуществить этот план было явно невозможно. В своей части тактическаго доклада Винавер ставил и этот вопрос. «Всю свою силу», говорил он, «партія полагает в возможно широкой организаціи общественнаго сознанія всѣми возможными средствами пропаганды и агитаціи». Цѣлью агитаціи должно было быть «возстановленіе вѣры в ту силу, при помощи которой с ноября 1904 г. двинулась вся волна освободительнаго движенія, в вѣру в то, что будить умы и укрѣплять волю в широких общественных кругах есть *дѣло*, а не *слова*, — вѣру, которая под влияніем настроенія момента как будто начинает умирать». Было, конечно, извѣстно, какая сила подняла «волну». Краснорѣчіе Винавера ориентировало партію в обратном направленіи с желаніями Струве; и было плохим признаком, что доклад Винавера подвергся усиленным нападкам именно слѣва, — в иронической статьѣ Гр. Ландау и фанатически - непримиримой статьѣ гр. Павла Толстого в сборникѣ «Без заглавія».

Как бы то ни было, партія на втором с'ѣздѣ не хотѣла ни того, ни другого пути. Источник силы она находила в самой себѣ и, вопреки опасеніям центральнаго комитета, оказалась очень однородной по взглядам, увѣренно — и дѣловито — настроенной. Подводя итоги с'ѣзда, я мог сказать, что тут «партія нашла самое се-

бя, почувствовала в себѣ наличность коллективной мысли и воли». «Это чувство солидарности и сознание каждым цѣнности самаго факта принадлежности к большому цѣлому явилось на с'ѣздѣ чувством новым, появленія котораго мы давно и нетерпѣливо ждали и с восторгом привѣтствуем». Я сравнивал его с «крещеніем корабля» Киплинга. Теперь «корабль» мог смѣло двинуться в путь.

Я не упомянул бы тут эпизода о выходѣ из партіи послѣ второго с'ѣзда кн. Евгенія Н. Трубецкого, если бы этот характерный эпизод не подчеркнул особенно ясно разницы между «своими» и «чужими». Упреки, посланные нам печатно кн. Е. Н. Трубецким, были противорѣчивы и софистичны, они тут же были опровергнуты И. И. Петрункевичем, П. Б. Струве, В. Е. Якушкиным и мной. Но они произвели впечатлѣніе не причин, а предлогов к выходу. Истинной причиной был демократизм партіи. Кн. Трубецкой упрекал нас, что, вводя в программу монархію, мы не были монархистами «по убѣжденію». Он вызвал этим то мое возраженіе о принципиальном безразличіи форм правленія самих по себѣ, — на которое до сих пор кое-кто ссылается, но теперь уже в пользу монархіи!.. Кн. Трубецкой был против нашего «соціализма», скрытаго в аграрной программѣ. Он был против партійной дисциплины во имя личной свободы и ловил нас на противорѣчіях и колебаніях, которыя были отчасти налицо, но оставались слѣдами нашего поступательнаго движенія. Он вступил в партію, когда она была пестрой по настроеніям и составу — и уходил, когда она стала единой. Он уходил из «партіи» в один из «клубов» и тѣм просто устранялся от практической политики. Не будучи сторонником философских взглядов братьев Трубецких — наслѣдія славянофилов и Вл. Соловьева, — я очень цѣнил высокой строй их личной морали и искренность убѣжденій, особенно Сергѣя Н. Трубецкого, и доказал это некрологом, посвященным послѣднему. Но я понимал и трудность их приобщенія к содержанию и темпу нашей политической борьбы. С. Н. перенес стойчески эту трудность — и пал ея жертвой. Е. Н. не мог вынести бурнаго темпа борьбы; его уход был бы вполне естественен, если бы он не попытался переложить вину на других. С ним отпадал от нас цѣлый слой русской общестственности. Но он никогда и не был нашим.

На пути своего кадетскаго самоопредѣленія я испытал и болѣе тяжелое чувство — расхожденіе с моими близкими друзьями - родственниками типа «Русскаго Богатства». Мякотин и особенно Ан-

венскій поразили меня непримиримостью своей проповѣди бойкота Думы. Я скорѣе даже понимал главных наших противников, с. д-ков, особенно меньшевиков. При всей абстрактности их доктрины, они все-же претендовали на немедленную перестройку жизни, вмѣшивались в гущу русской дѣйствительности, могли каждый день мѣнять свою тактику, сохраняя единство цѣли. Нѣкоторые — и очень серьезные — аргументы вождей меньшевизма шли параллельно с нашими собственными, и мнѣ в тѣ самые мѣсяцы случалось хвалить Плеханова за его статьи в «Дневникѣ социал-демократа». И их отношеніе к бойкоту Думы было далеко не безусловным. Народников я просто перестал понимать, хотя они были ко мнѣ гораздо ближе. Через аграрный вопрос народническая идеология вливалась к нам в партію довольно широкой струей, и с этой стороны обвиненіе нас в «соціализмѣ» Трубецким было для того времени — не совсѣм безосновательным. Зато мы могли ожидать — как раз при содѣйствіи народников — сочувствія к нам крестьянства. Тут, во всяком случаѣ, лежал один из путей широкой борьбы. И в этот момент мои друзья об'являли непримиримый бойкот, проявляя этим полное непониманіе положенія, продолжая вѣрять в изжитыя, казалось, иллюзіи и уходя от предстоявшаго боя куда-то в сторону. А аграрный вопрос, от них же нами полученный, грозил сдѣлаться основной причиной нашего политическаго крушенія — без их помощи.

В январѣ - февралѣ 1906 г. все это было еще далеко и неясно. Мы, партія народной свободы, во всяком случаѣ, смѣло и бодро бросились в бой. Вездѣ на мѣстах, в избирательных собраніях провинціи, нас ожидала огромная работа. С мѣст приходили извѣстія, все болѣе многочисленныя, о насильственных мѣрах правительственнаго воздѣйствія; наши сочлены, один за другим, становились их жертвами; мы открыли пружины, дѣйствовавшія из центра, протестовали, получали уклончивыя раз'ясненія, включая заявленіе Витте, что приписываемый ему «взгляд на необходимость парализовать дѣятельность к.-д. партіи лишен всякаго основанія». Но преслѣдованія продолжались, что, в лучшем случаѣ, доказывало устраненіе самого Витте от вліянія на выборы. Если не он, то кто-же, спрашивали мы: Дурново? Трепов?

С февраля у нас уже была возможность ставить эти вопросы ежедневно. Появился, наконец, на свѣтъ орган партіи — и соотвѣтствующаго общественнаго теченія — газета «Рѣчь». Солидно фи-

нансировал газету инженер Бак; это был уже не Проппер с его «Биржевой». Бак преслѣдовал чисто идейныя соображенія, нам вѣрил, в редакціонныя — и даже в денежныя — дѣла газеты не мѣшался. Нашим казначеем стал И. И. Петрункевич, редакторами мы были вдвоем с I. В. Гессеном, а я сдѣлался почти безсмѣнным передовиком. Мои политическія статьи этого времени и времени первой Думы наполнили потом, в собранном видѣ, многія сотни страниц в сборникѣ «Год Борьбы», на который мнѣ приходилось и еще придется часто ссылаться. Кто хочет ощутить лихорадочное бѣненіе пульса этого года, может перечитать их теперь: это не исторія, а ежедневная запись, замѣняющая дневник. Злоупотребить ею для этих воспоминаній я во всяком случаѣ не могу уже по обилію этого матеріала, притом исключаящаго интимность.

Не могу, поэтому, и описать подробно, как, день за днем, неожиданно для нас самих, мѣнялась политическая декорація выборов. Мы вѣдь шли на худшее, и преслѣдованія правительства, отнюдь, не могли внушить нам оптимизма. Мы могли только наблюдать и заносить в нашу хронику подвиги Реннекампа и Римана, Абрамова и Жданова, адмирала Чухнина, цензора Соколова и т.д. Но... уже в началѣ марта стали получаться департаментом полиціи из провинці «тревожныя вѣсти». Сбывалось то, о чем мнѣ неоднократно приходилось говорить с декабря 1905 г. «Страх перед революціей проходил». Правда, выборы уполномоченных от крестьян и рабочих на первичных собраніях шли вяло, с большим абсентеизмом. Ни правительственное воздѣйствіе, ни лѣвая пропаганда до этих низов дойти еще не успѣли. Но крестьяне знали, чего они хотѣли. Рабочіе мало сообразовались с приказаніями партіи с. д. о бойкотѣ. Слабо реагировала и курія мелких землевладѣльцев, предпочитавшая, все же, «своих» — особенно священников. К срединѣ марта, однако же, эта картина стала мѣняться. Раньше всяких партійных вліяній общее неопредѣленно - оппозиціонное настроеніе масс, с одной стороны, и черезчур прозрачный нажим правительства, с другой, опредѣлили политическую окраску выборов. На слѣдующей ступени — на собраніях выборщиков — началась борьба партійных списков, настроеніе в пользу к. д. начало опредѣляться, — и офиціоз Витте принялся - было в благоприятном смыслѣ обсуждать результат нашей побѣды. Разсужденія о созданіи «министерской партіи» были отложены в сторону. Безспорные триумфы к.-д. в Петербургѣ и в Москвѣ во вторую поло-

вину марта вызвали на страницах «Русскаго Государства» лъстивыя поздравленія с «наступающей весной», лирическіе призывы к «любви» и «забвенію», привѣтствія «желанным гостям» в Думѣ, «если они придут не с революціонными намѣреніями». Мы на все это реагировали очень холодно, и с начала апрѣля, помимо злобныхъ криковъ побѣжденных партій, слышались и со столбцовъ офиціоза угрожающіе тона. Или представители к. д. «поправѣют» в Думѣ и измѣнятъ своей программѣ, или же... Тут слѣдовали злорадныя предсказанія — со стороны партій, если Дума «дискредитируетъ себя» умѣренностью, и со стороны правительства, — если она дискредитируетъ себя радикализмомъ. Не хотѣли только дѣлать прямыхъ выводовъ изъ подлинныхъ взглядовъ партіи. Мы говорили: «Борьба не можетъ кончиться. Но отъ правительства зависитъ — ввести ее в культурныя рамки». Мы напоминали, что манифестъ 17 октября предоставлялъ дальнѣйшее развитіе избирательнаго права сужденію Думы, Думѣ же принадлежитъ изданіе законовъ о «свободахъ» взамѣнъ «временныхъ правилъ» правительства Витте. Слѣдовательно, Дума должна и можетъ заняться «учредительной» работой. Но, вразрѣзъ ей, уже готовился «конституціонный актъ» сверху, чтобы предупредить попытки провести его парламентскимъ путемъ. Редакція «Рѣчи» имѣла возможность добыть этотъ проектъ «основныхъ законовъ» изъ частнаго источника, напечатала его и раскритиковала. За недѣлю до созыва Думы было перемѣнено министерство: графъ Витте былъ уволенъ, успѣвъ заключить для правительства заемъ в Парижѣ. Его мѣсто занялъ Горемыкинъ, с совершенно опредѣленными заданіями, которыя, впрочемъ, стали намъ извѣстны только позднѣе. Вмѣстѣ с тѣмъ рухнули всѣ правительственныя предположенія и приготовленія къ болѣе или менѣе приличной встрѣчѣ с Думой. По поводу займа очень много говорилось о противодѣйствіи ему со стороны нѣкоторыхъ членовъ партіи к.-д., находившихся в тѣ дни в Парижѣ — больше для туризма, чѣмъ для политики. Послѣ оглашенныхъ в печати заявленій В. А. Маклакова и покойнаго Павла Дм. Долгорукова по этому вопросу, я не буду его здѣсь касаться. Мои собственныя статьи были направлены противъ своевременности заключенія займа передъ самымъ созывомъ Думы. Но мы рѣшительно отвергали проектъ непризнанія займа, заключеннаго хотя бы и нежелательнымъ правительствомъ.

Итакъ, послѣ блестящаго исхода выборовъ Дума, еще не собранная, уже стояла передъ возможностью (неизбѣжность была тогда

еще неясна) конфликта и роспуска. Под этой нависшей угрозой собрался третий съезд партии, долженствовавший решить ее тактику в странном положении оппозиции, очутившейся в большинстве перед не хотѣвшим сдаваться правительством.

Положение было не только трудное. Оно было совершенно исключительное. В концѣ своего доклада я поставил вопрос, который должен бы был стоять первым — но тогда не было бы и самого доклада. «Должны-ли народные представители рассчитывать на революціонный или на парламентскій образ дѣйствій? В самой общей формѣ это есть вопрос о том, прекратилась-ли уже в Россіи революція—или еще продолжается?» Я предложил не рѣшать этого вопроса, ибо, «при возможной наличности в нашей собственной средѣ двух различных отвѣтов можно было ни к чему общему не придти». Одно это соображеніе показывало, что теперь положеніе складывалось совершенно иначе, чѣм три мѣсяца назад, перед выборами, когда партия чувствовала себя монолитной. Члены партии и избранные члены Думы пріѣхали с мѣст с сознанием того, что они уже представляли не одну только свою партію, а то настроеніе в странѣ, которое ее выдвинуло на первый план при *самоустраненіи лѣвых партий*. Настроеніе это, конечно, было революціонным, хотя высшая точка, до которой дошла революціонная борьба, была уже позади, и, несмотря на новую вспышку настроенія, было ясно, что революція идет на убыль. В этом было несоотвѣтствіе принесеннаго из страны настроенія с опѣнкой в центрѣ дѣйствительнаго положенія. В этом же состояла и трагедія первой Думы.

Центральный комитет это, разумѣется, понимал — и хотѣл избѣгать опасности прямого столкновенія двух неравных сил путем удержанія своей парламентской фракціи в руслѣ рѣшеній II-го съезда. Мой доклад искал пути — не столько избѣгнуть конфликта, который уже представлялся неизбѣжным, сколько создать для него обстановку, наиболѣе благоприятную для страны, Думы и партии. Пусть страна остается судьей; но для ее сужденія надо дать матеріалы. А чтобы их приготовить, нужно было «быть в Думѣ», т. е. остаться там болѣе или менѣе продолжительное время и на это время избѣгать конфликта, предоставив его почин не Думѣ, а правительству. Эту тактику мы и хотѣли проводить в Думѣ — с тѣм или иным успѣхом, но и с сознанием неизбѣжнаго, нами предусматривавшагося финала. Единственным средством для достиженія этой цѣли было — начать с наиболѣе безопаснаго — с законо-

дательных предположений о всеобщем избирательном правѣ и о свободах, что соотвѣтствовало и нашим партійным обязательствам. Далѣе слѣдовали дополнительные задачи, согласно резолюціи Струве - Родичева. Но нельзя было скрыть от себя и от собранія, что невралгическіе пункты лежали не здѣсь, а в расчетах с правительством и в столкновеніи с ограничивавшими права народных представителей формальностями закона. Мы предлагали «провести нашу законодательную работу в рамках (обязательных для Думы) Гос. Совѣта и Гос. Думы, изданных учрежденій 20 февраля. Мы также предлагали ввести в рамки существующаго закона «проявленія народнаго негодованія» против администраціи. Я мотивировал возможность этого тѣм, что старые дѣятели, возбудившіе народное негодованіе, ушли вмѣстѣ с министерством, а новое министерство еще себя ничѣм не показало. В основѣ тут лежало, несомнѣнно, ошибочное представленіе о смыслѣ отставки Витте и назначенія Горемыкина. В этой же связи еще большей ошибкой доклада было утверждать, что первые шаги к проведенію нашего аграрнаго проекта сами по себѣ конфликта не вызовут. Все это было рассчитано на иное — прежнее — настроеніе партіи, а расчету этому оправдаться не было суждено.

Пренія полностью обнаружили расхожденіе настроенія с'ѣзда с осторожным тоном доклада и с его «холодным расчетом» плана тактических задач Думы. Почти всѣ говорившіе утверждали, что на выборах «побѣдила не партійная программа, а повышенное оппозиціонное настроеніе народа», что побѣду дала «вѣра в нашу стройность», что это обязывает нас «итти до конца, без компромиссов», «спокойно и увѣренно», ибо «народ нас поддержит». Правительство все равно не уступит; конфликта нечего бояться, потому что конфликт «уже существует», он «неизбѣжен»; он начнется «с первых же дней». А потому слѣдует просто игнорировать правительство, игнорировать и законы, изданные послѣ 17-го октября, игнорировать Государственный Совѣт, провести всю свою законодательную программу в формѣ «ультиматума» или «деклараціи». Если же правительство не уйдет, то обратиться к народу «с воззваніем» о поддержкѣ. Наконец, если понадобится, — «умереть за свободу». Говорили же крестьяне своим избранникам: «иди и умри там со славой, иначе умрешь здѣсь со стыдом». Но нѣтъ, утверждал Родичев, «Дума разогнана быть не может; с нами голос народа; сила Думы — в дерзаніи», и «сталкивающійся с народом

будет столкнут силою народа в бездну». И Кизеветтер, тоже при «бурных аплодисментах», подтверждал: «если Думу разгонят, то это будет послѣдній акт правительства, послѣ котораго оно перестанет существовать».

На с'ѣздѣ с этими вспышками настроеній, почти не выливавшихся в опредѣленныя практическія предложенія, можно было кое-как сладить; но было ясно, что такими же они перейдут и в Думу, и тогда, при занятой правительством позиціи, дѣйствительно, никакого конкретнаго плана дѣйствій составить было невозможно. Надо было предоставить это случаю и рѣшеніям парламентской фракціи, ограничившись самими общими постановленіями в духѣ моего доклада, с небольшими поправками.

Дума открылась при самых бурных предзнаменованіях. В послѣднюю минуту с'ѣзд был оглушен «событіем чрезвычайной важности»: изданіем упомянутаго проекта давно намѣченной Вигте, октроированной «конституціи».

Мнѣ пришлось констатировать, что правительство этим путем «поставило всю политику своей власти под чрезвычайную охрану неприкосновенных для Думы «основных законов»; ими оно «покрыло все, что ставит преграды выраженію воли народных избранников». Я признался с'ѣзду, что в своем докладѣ, с согласія центральнаго комитета, я выкинул отдѣл о возможности этого покушенія, желая «быть осторожным». «Теперь мы приобрѣли право быть рѣзкими... на этот обман народа мы должны отвѣчать немедленно». Передѣлывать весь мой доклад было поздно — и бесполезно. С'ѣзд принял проект резолюціи центр. комитета, которая квалифицировала акт правительства, как «открытое и рѣзкое нарушеніе прав народа, торжественно признанных за ним в манифестѣ 17 октября». Резолюція кончалась заявленіем, «что никакія преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполненія задач, которыя возложены на них народом». Это был уже стиль первой Думы; конфликт, дѣйствительно, начался до ея открытія. И все-таки, из рядов с'ѣзда раздались голоса: «слабо, надо рѣзче; это не выражает нашего настроенія... Родичев уговорил с'ѣзд принять резолюцію единогласно...

П. Милюков

Эллинскій міръ и вѣра в загробную жизнь

Должен сознаться, что мнѣ нелегко говорить о предметѣ, который я никогда не изучал спеціально. Поэтому я могу предложить вашему вниманію лишь нѣсколько соображеній общаго характера, основанных на моемъ знаніи ряда особо значительныхъ явленій древней исторіи, главнымъ образомъ, исторіи эллинскаго міра. Кліо — богиня с очень широкимъ кругозоромъ. Она не любитъ точно разграниченныхъ чертъ, не терпитъ узкихъ подраздѣленій. Міроощущеніе — вещь очень сложная. Оно опредѣляется разнообразными элементами: политическія перемѣны, соціально-экономическія условія, духовная среда и т. д. Именно с этой точки я, посвятившій значительную часть моихъ трудовъ изученію соціальной и экономической исторіи, постараюсь очертить в общихъ линіяхъ эволюцію эллинскаго міроощущенія и указать, какое мѣсто в немъ занимаетъ вѣра в загробную жизнь и в безсмертіе человѣческой души.

Да будетъ мнѣ, прежде всего, позволено раз'яснить, что именно я понимаю подъ «эллинскимъ міромъ». Эллинизмъ — терминъ расплывчатый, и ему придается различное значеніе. Я понимаю его в томъ смыслѣ, какой онъ имѣетъ для современной науки: нынѣшніе историки, говоря объ эллинизмѣ, имѣютъ в виду особый образъ жизни, цивилизацію и міроощущеніе, пространственно ограниченные Греціей, с одной стороны, и Ближнимъ Востокомъ — с другой. Этотъ образъ жизни, эта цивилизація и это міроощущеніе получили особенно блестящее развитіе послѣ завоеванія Востока Александромъ Македонскимъ; растворились же они, во время Августа, в міровой цивилизаціи, созданной римской имперіей.

Никто не станетъ, конечно, ожидать, что я коснусь, в краткомъ обзорѣ, всѣхъ главныхъ идей эллинской цивилизаціи. Этого в нѣсколькихъ словахъ не расскажешь. Достаточно будетъ, если я остановлюсь на одной изъ основныхъ ея чертъ.

В первыя времена эллинской эры двѣ крупныя цивилизаціи

Ближняго Востока встрѣтились и мирно существовали бок-о-бок: это — цивилизація греческих городов - государств и цивилизація восточных монархій. Результатом встрѣчи не было образованіе какой-то новой греко - восточной цивилизаціи: до этого дѣло никогда не доходило. Однако, совмѣстное и мирное сожителство греков и восточных народов под одним и тѣм же режимом, в государствах одинаковаго типа, и постоянный контакт между обѣими группами вызвали и в той и в другой цивилизаціи глубокія, даже революціонныя перемѣны. Возникли, развились и укрѣпились новыя формы жизни. Постепенно онѣ распространились по всему міру, и нѣкоторыя из них существуют понынѣ как на Востокѣ, так и на Западѣ.

Таким образом, эллинская эра отнюдь не была періодом застоя: наоборот, ее слѣдует размалривать, как эпоху лихорадочной активности, крупных экспериментов, перестройки всѣх областей жизни, созданія новых форм міроощущенія и подготовки міра к воспріятію идей, одинаково чуждых как классическому греческому міру, так и классическому Востоку. Ученые, занимающіеся исторіей христіанства, отлично знают, насколько важно для ея пониманія имѣть представленіе о формах, в которыя вылилось в эллинскій період древнее міроощущеніе.

Нѣкоторые ученые, говоря об эллинском періодѣ, представляют его, как нѣчто цѣльное, и пытаются дать общую картину его особенностей. Я считаю подобный подход к вопросу неправильным и ведущим к невѣрным результатам. Эллинизм никогда не был статическим. Лик его мѣнялся с большой быстротой. Эллинскій мір III в. до Р. X. значительно разнится от эллинскаго міра II вѣка, а этот послѣдній — от эллинскаго міра I в. Эта быстрая смѣна, наблюдающаяся от одного столѣтія к другому и даже от одной декады к другой, является типичнѣйшей чертой эллинскаго періода. Не считаться с нею нельзя, какое бы отдѣльное явленіе эллинизма ни подвергалось изученію. Метод должен быть, прежде всего, историческим, т. е. хронологическим — и именно к нему я намѣрен прибѣгнуть в моем кратком обзорѣ.

1. Ранній эллинизм

В концѣ IV в. до Р. X. греческій мір пережил глубокій кризис — политическій, духовный, моральный, интеллектуальный, экономическій и социальный. Вывела Грецію из этого кризиса ак-

тивность двух крупных македонских царей — Филиппа II и Александра. После длительного периода опустошительных и деморализующих войн, Греция зажила, под властью Филиппа и Александра, в полном мире. Александр дал ей, кроме мира, еще и благосостояние: его победы на Востоке открыли перед греками новые возможности. Граждане, оставшиеся на родине, получили новые рынки, те же, кто решил эмигрировать — новое поле политической, военной и торговой деятельности. Преждевременная смерть Александра не внесла, в сущности, много изменений в это положение. Борьба, завязавшаяся между его непосредственными преемниками, не повлияла в сколько-нибудь значительной степени на единство эллинского мира, а благосостояние греков скорее возросло, чем уменьшилось. Греция продолжала верить в сохранение своей политической свободы и делала для этого грандиозное усилие.

Это положение сохранилось — с некоторыми, не-коренными изменениями — и в период т. н. равновесия власти, то-есть в период консолидации и стабилизации отдельных эллинских государств, составлявших части монархии Александра. Политическая жизнь не умерла в Греции. Государства-города продолжали существовать и вели за свою свободу упорную борьбу. Несмотря на войны, почти что не прекращавшиеся, и на опустошения, ими вызванные, экономическое положение нельзя было назвать плохим. Новые восточные рынки продолжали поглощать значительные количества греческих товаров, и двери Востока попрежнему были открыты предприимчивым грекам — воинам, купцам, ремесленникам, опытным земледельцам и т. д. В отдельных греческих монархиях шла лихорадочная деятельность: тут производился широкий политический, социальный и экономический эксперимент. В различных эллинских царствах возникали новые типы политической, социальной и экономической жизни — результат переплавки и перестройки старых восточных форм.

Часто приходится читать, что период раннего эллинизма, длившийся около 100 лет и отличавшийся непрерывной, одухотворенной деятельностью, был для Греции периодом депрессии, политического индифферентизма, разочарования в идеалах и глубокого пессимизма — настолько глубокого, что он доводил многих до отчаяния и самоубийства. Нельзя отрицать, что элементы, подвергшиеся депрессии, существовали, и что мы, время от времени, слышим их голос: например, в комедиях Филемона, в некоторых «ха-

рактерах» Менандра и в суровых эпиграммах, дошедших до нас.

Однако, из этого не слѣдует заключить, что доминирующим настроеніем той эпохи были пассивность, покорность, пессимизм и отчаяніе. Наоборот — господствовали живѣйшій оптимизм, вѣра в неограниченныя возможности человѣка и человѣческаго разума, предприимчивость, борьба за существованіе и за его блага. Этот дух можно встрѣтить у всѣх дѣятелей эпохи, о которой идет рѣчь: у круных генералов Александра, у их достойных преемников, строителей новых государств, у мелких тиранов малых государств и городов, у изслѣдователей новых земель, у поэтов и ученых, у инженеров и архитекторов, у актеров и музыкантов. А за вождями стояли их помощники и сотрудники, дѣятельность которых проявлялась как на родинѣ, в Греціи, так и в новых странах греческаго разселенія.

Безполезно цитировать длинный список имен. Антигон Одноокій и его блестящій сын Димитрій, Селевк Завоеватель, Птоломей Спаситель, Птоломей Филадельф, Филетѳер Пергамскій, Диодот и Эвтидем Бактрійскіе — все это фигуры, хорошо знакомыя всѣм, прочитавшим хотя бы одну книгу по исторіи Эллады. Сподвижники этих людей были им под стать. Таков, на примѣр, Аполлоній, альтер - это Птоломея Филадельфа, его эконои и помощник, осуществившій огромный труд в Египтѣ, на службѣ у своего патрона, и оставившій перенеску со своим собственным помощником, Зеноном. Аполлоній был вторым Птоломеем, а Зенон — вторым Аполлоніем. Он проявил в организациі филадельфова владѣнія в Фаюмѣ (как бы малый Египет, с его новопостроенной столицей) такую же энергію, какую развил Птоломей в Египтѣ и в Александріи.

До нас дошло около 100 писем Зенона — по большей части, писем дѣловых. Тѣм не менѣе в них отражается дух тѣх греков, которые стремились перестроить Восток сверху донизу. В атмосферѣ филадельфова владѣнія Аполлонія не было, конечно, мѣста пессимизму, — и его не потерпѣл бы Аполлоній среди своих служащих.

Отличным ключом к пониманію активнаго и оптимистическаго духа ранняго эллинизма может служить тогдашняя философія. Старыя школы Платона и Аристотеля подверглись преобразованію, примѣнительно к новым требованіям; возникли новыя философскія группы — стоики и эпикурейцы. И тѣ, и другіе являются любопытнѣйшими продуктами своей эпохи. Отвлекаясь от научнаго

изслѣдованія, они стремились, прежде всего, к тому, чтобы помочь человѣку найти самого себя — всякому человѣку, какого угодно класса и состоянія. Для этого достаточно было, чтобы человѣкъ мог понять учителя, т. е., чтобы он прошел через греческое воспитаніе. Как старыя, так и новыя школы предлагали своим послѣдователям не философскія теоріи, открывающія путь к спорам, не абстрактныя гипотезы и предположенія, а полную систему жизни, практической путеводитель, болѣе или менѣе строгую догму. Отличительной и общей чертой всѣх этих школ был их оптимизм. Всѣ онѣ твердо вѣрили во всемогущество человеческого разума, вѣрили в человѣка и в человѣчество. Всѣ онѣ были убѣждены, что полное и безмятежное счастье (*endaimonia*) возможно, что осуществить его легко, и что оно зависит исключительно от самого человѣка, от его воли и от его рѣшеній.

Перед неопитами эти школы открывали самыя широкія перспективы. Эпикур, из глубины своего уединеннаго сада, общал своим ученикам блаженство спокойной жизни, удовлетворяющейся малыми удовольствіями и чуждой страстям и желаніям, горю и страданію, страху и ужасу. Стоики приносили своим послѣдователям увѣренность в полном сліяніи с Богом и Вселенной, увѣренность в том, что они являются частью Высшаго, Космическаго Разума, увѣренность в конечномъ счастьи, ожидающемъ всякаго, кто идет по правильному пути. Правильный же путь заключался в том, чтобы жить и дѣйствовать согласно законамъ природы, — что равновосильно гармоніи с Высшим Разумом, т. е., с Божественным Провидѣніемъ. Жизнь в соотвѣтствіи с природой предусматривала суровую волю, самопожертвованіе, альтруизм. Она была основана не на наслажденіи, а на долгѣ — долгѣ по отношенію к самому себѣ, к другому человѣку, к духу и ко всему міру. А сознаніе долга ведет к добродѣтелямъ — в различныхъ их формахъ.

То, что я сказал о стойкахъ и эпикурейцахъ, приложимо и к другимъ философскимъ школамъ, — не исключая скептиковъ и анархическихъ циниковъ. Я не могу вдаваться здѣсь болѣе подробно в эту тему. Достаточно указать, что даже самыя разрушительныя умы того времени вѣрили в счастье, осуществимое самимъ человѣкомъ, без помощи сверх-естественныхъ силъ. Эта вѣра диктовалась имъ раціоналистическимъ — но не научнымъ — оптимизмомъ.

Однако, философская концепція жизни была доступна не всякому. Какъ в прошломъ, такъ и сейчасъ, она возникаетъ в верхнихъ кру-

гах умственной аристократіи и проникает в широкія массы только отрывками, в формѣ заостренных сентенцій (*gnomai*), легко понятных и удерживающихся в памяти.

Верховным и естественным руководителем челоѳчества была всегда не философія, а религія. Нѣкоторые современные ученые склоны думать, что религіозное чувство переживало упадок в період ранняго эллинизма. Старые боги умерли, якобы, с «полис»-ом, т. е., с государствами - городами, их создавшими, а новыя божества еще не родились. Это, может быть, вѣрно в отношеніи нѣкоторых атеистов, которые были, слѣдовательно, матеріалистами и рационалистами. Однако, таких было мало. Даже такіе сугубые матеріалисты, как эпикурейцы, не отменяли окончательно религіи: они проявляли, попросту, малый к ней интерес и предоставляли богам жить своей безмятежной жизнью, внѣ какой бы то ни было связи с челоѳчеством. Еще менѣ склонны были отвергать религію стоики, несмотря на их общее матеріалистическое міровоззрѣніе. Полу-семитскіе основатели стоицизма, Зенон и Хризипп, пытались связать в своей філософской системѣ древнюю семитскую религіозность с рационалистическими матеріалистическими принципами чисто - греческой философіи. Когда же во главѣ стоической школы стал сто-процентный грек, Клеант, — космическій и пантеистическій детерминизм стоиков мало чѣм отличался от вдохновенных религіозных концепцій Эсхила. В моей памяти всплывает прекрасный гимн Зевесу Клеанта, одно из благороднѣйших выраженій отвлеченнаго, філософскаго религіознаго чувства, оставленных нам интеллектуальными вождями эллинизма.

Мало чѣм разнилось отношеніе к религіи и крупных поэтов того времени—в частности, Каллимаха и Теокрита, Арата и Аполлонія. Они не были атеистами, — но к богам относились не так, как Эсхил и Пиндар. Их религіозное чувство носило эстетическій характер. Для них боги были прекрасными произведеніями греческаго генія. Их образы близки и милы челоѳческому сердцу, челоѳчны сами по себѣ. Их обожают, но с ними разговаривают, улыбаясь. Но даже для этих приверженцев новой философіи боги оставались богами, а не людьми.

Как бы то ни было, религіозныя идеи тогдашних «интеллигентов» были, во всѣх их формах, глубоко оптимистическими и бодрящими. Это обстоятельство не может, конечно, свидѣтельствовать об упадочных, депрессивных настроеніях.

Если религія не исчезла из кругозора интеллектуальной элиты, то в жизни полу-образованных классов, а также массы, она играла еще болѣе значительную роль. Естественно, измѣнившіяся условія существованія внесли перемѣны и в религіозныя идеи того времени: возникли новыя формы религіознаго чувства и мышленія. Религія «полис»-ов, неотдѣлимая от самих «полис»-ов и как бы воплощавшая их дух, не только сохранилась, но и процвѣтала. Таковой была пан-эллинская религія великих олимпійцев в Дельфах, на Олимпѣ, в Делосѣ, Коринфѣ и т. д. Тѣм не менѣе, в новом мірѣ, направляемом личностями, культ старых богов и взаимоотношенія между богами и их поклонниками пріобрѣли болѣе личный, болѣе интимный характер. Любопытно отмѣтить, напримѣр, что многіе боги как бы приблизились к человѣку, став Спасителями и Благодѣтелями, — причем культ их не ограничился общиной «полис»-а, а проник в частныя общества поклонников. Тут, в этих частных кружках, старые боги встрѣтились с новыми пришельцами, греческими или эллинизированными богами и богинями, а также с иностранными, восточнаго происхожденія.

В проявленіях глубокаго, оптимистическаго религіознаго чувства, распространеннаго среди греков описываемаго періода, недостатка нѣтъ. Позволю себѣ привести нѣсколько примѣров. Когда Аполлон спас Дельфы от разрушенія, грозившаго им со стороны диких галатов, когда другіе боги оказали аналогичную помощь другим городам Малой Азіи, — эти чудеса вызвали взрыв восторженной благодарности. Нѣсколько раньше, во время великаго бѣдствія, пережитаго афіянами, послѣдніе жаловались, что боги не приходят им на помощь, — может быть, они и вовсе не существуют... Но афіяне были спасены, и спасены не человѣком, а богом. Этот новый бог был Димитрій Спаситель, прекрасный принц, в честь котораго поэт написал знаменитый *ityphallus*, гимн, воспѣвавшій новое воплощеніе божественной сущности. Этот гимн не слѣдует разсматривать, как богохульство или как «нечестіе». В нем отразилось подлинное, искреннее религіозное чувство, но только в новом своем аспектѣ: намѣтившіяся тенденціи вели его, путем постепенной эволюціи, к созданію чистаго греческаго царскаго культа в большинствѣ городов эллинскаго міра. Великіе люди, спасители и благодѣтели, не замѣнили старых богов, а как бы дополняли их; они были божественным выраженіем новой религіозности, новых божественных сил, присутствіе которых ощутили их со-

временники и которыя дѣйствовали в «полис»-ах, создавая новыя, мощныя формы политической и соціальной жизни.

Жизнь была, в ранній эллинскій період, привлекательной, захватывающей и полной богатыхъ возможностей. Однако, со всѣхъ сторонъ грозили опасности, переменны, которыхъ нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Пути сверх-естественныхъ силъ в жизни смертныхъ казались темными и загадочными. Правда, человѣческій разумъ и человѣческая энергія считались важнымъ, иногда даже рѣшающимъ факторомъ в жизни людей; однако, за ними ощущалось присутствіе ирраціональной, неподдающейся предвидѣнію силы. Сила эта была божественной, в чемъ не могло быть сомнѣнія, и греки называли ее «Тихе, великая и таинственная вершительница человѣческихъ судебъ». Она могла принести человѣку неожиданную, сказочную удачу, могла придти на помощь человѣческому разуму, но могла и погубить отдѣльнаго человѣка, цѣлый городъ, цѣлое государство безъ всякой видимой причины. Тѣмъ не менѣе, для грековъ Тихе не была слѣпой, разрушительной, безжалостной силой: они вѣрили в ея божественную сущность и считали, что человѣкъ можетъ снискать ея благосклонность и заручиться ея помощью, почитая ея либо какъ отдѣльное божество, либо вмѣстѣ с другими богами, равнѣ существовавшими. Это происходило, напримѣр, в городскомъ и государственномъ культѣ. В Египтѣ Птоломей Сотр, а за нимъ и Филадельфъ, создали новаго греческаго бога, Сараписа, который являлся воплощеніемъ творческихъ, продуктивныхъ силъ новыхъ государствъ и в то же время представлялъ новую форму всемогущаго египетскаго бога Озириса - Аписа, чей культъ господствовалъ в Мемфисѣ, первой египетской столицѣ Птоломеев. Сараписъ былъ для Египта, повидимому, тѣмъ, чѣмъ Афина была для Афинъ — т. е., таинственнымъ и величественнымъ воплощеніемъ новаго государства. В соотвѣтствіи с новыми религіозными идеями грековъ, это была, такъ сказать, Тихе птоломеевскаго Египта. Вскорѣ культъ этотъ появился и внѣ Египта, во владѣніяхъ Птоломеев.

То же самое, но только в меньшемъ масштабѣ, происходило при Селевкѣ в Сиріи. Бриакс, великій скульпторъ, который, по всей вѣроятности, изваялъ для Птоломеев образъ Сараписа, создалъ для Селевка знаменитую статую богини, воплощавшей новую столицу Селевка, Антиохію на Орронтѣ. Подобно египетскому Сарапису, она была мѣстнымъ божествомъ, Астартой, Баалитъ новаго города, его се-

митским Гадом. Однако, по духу своему и замыслу она была греческой — и получила греческое имя Тихе.

В своих таинственных и увлекательных новых владѣніях греки, новые поселенцы старых центров цивилизованной жизни, глубоко ощущали зов Востока — особенно, зов божественных сил, стоявших за всѣми наиболѣе значительными формами восточной жизни и культуры. Конечно, греки несли в свои новыя земли и своих старых богов; им они молились, им они строили храмы и алтари в своих новых городах и государствах. Однако, они не забывали и богов, которые были хозяевами новых мѣст их жительства, богов с незнакомыми именами и странными образами. Их греки почитали — часто под греческими именами. Тѣм не менѣе греки никогда не помышляли о сляніи чужих богов с их собственными: обѣ группы существовали, в их религиозном сознаниі, независимо друг от друга.

Блестящій примѣръ греческой религиозности в концѣ описываемаго періода можно найти на маленьком островѣ Тера. Здѣсь поселился, в концѣ III в. до Р. Х., один из ветеранов арміи Филадельфа, Артемидор, уроженец аналотійскаго Пергама. Это был зажиточный человекъ, преданный своей новой родинѣ, гордый тѣм, что его признали гражданином о. Тера. Этот полу - интеллигент, преисполненный религиознаго рвенія, типичный представитель эллинской буржуазіи, истратил много денег и энергіи на возведеніе святилища для своих богов — «теменос», наполненный алтарями и ковчегами. В этом «теменосѣ» мирно сожительствоваляли и пользовались почитаніем со стороны Артемидора и его сограждан и великіе олимпійцы — Зевс, Посейдон, Аполлон, и великіе спасители и помощники — діоскуры, и самофракійскія божества, и нѣкоторые мѣстныя герои и боги, и родная богиня пергамца Артемидора — Артемиды. Тѣм не менѣе, рядом с алтарями этих богов почетное мѣсто занимали алтари Птолемеев, воплощеній новаго политическаго порядка, и Тихе тоже не была забыта. Даже идеям стойков нашлось мѣсто в религиозно - поэтической стряпнѣ Артемидора. За свои заслуги и за свое благочестіе, Артемидор надѣялся — ему это сказали в Дельфах — продолжать жить и послѣ смерти, в качествѣ «героя - бога».

Какое мѣсто занимали, в этой активной духовной дѣятельности, мысли о загробной жизни, о существованіи послѣ смерти? Интересующій нас період характеризовался стремленіем к жизни, а

не к смерти. Человек — все равно, в разгаръ активной дѣятельности или в тиши добровольнаго уединенія, — занимался, главным образом, вопросами о том, какъ надо жить и поступать, великая же проблема загробной жизни оставляла его почти равнодушным. Счастливая жизнь на землѣ — вот в чем заключалась главная его цѣль, и в этом направленіи его вели философы. В материалистическом міровоззрѣніи эпикурейцев вовсе не было мѣста безсмертію человеческой души. Душа составляла часть тѣла, была материально ему подобна и послѣ смерти раздѣляла его судьбу. Аналогичное отношеніе к вопросу о безсмертіи души находим и у пифагорейцев; большія сомнѣнія по этому поводу были высказаны лидерами перипатетиков — Дикеархом и Теофрастом. Позиція стоиков была почти такой же. Ранніе стоики мало интересовались вопросом о безсмертіи души, но давали ему уклончивыя рѣшенія. О личном безсмертіи, о воскрешеніи или жизни за гробом не было и рѣчи. Для них душа была частью космическаго огня и послѣ смерти возвращалась в свою стихію.

Тѣм не менѣе, ранніе стоики смутно допускали возможность посмертнаго существованія человеческой души либо в теченіе нѣкотораго времени, либо до общей гибели міра. Неясность стоических концепцій в этой области, в сравненіи с точным отвѣтом, который дают на вопрос о безсмертіи души Панецій и Посидоній, очень характерна для развитія тенденцій той эпохи. Одни только платоники и, вмѣстѣ с ними, читатели ранних произведеній Аристотеля, его діалогов, точно придерживались возвышенных ученій великаго учителя о судьбах человеческой души. Но их было мало, и школа вскорѣ заинтересовалась единственной философскою проблемой — теоріей познанія.

Таким образом, интеллигенты были, в общем, безразличны к тайнѣ посмертнаго существованія. Каковы были настроенія греческаго большинства: полу-образованной буржуазіи, входившей в силу, и рабочих классов? Об этом мы мало знаем. До нас дошло, правда, нѣсколько эпиграмм, частью на надгробныхъ надписях, и нѣсколько могильныхъ барельефов и статуй. Они показывают, что древнія, традиціонныя представленія о загробной жизни все еще продолжали господствовать весь мифологическій фольклор Гомера и позднѣйшихъ поэтов—Гадес, Харон и его лодка, елисейскія поля, острова блаженства, наказаніе злодѣев. Орфическія или вакхическія идеи встрѣчаются рѣдко, и в туманной формѣ. За традицион-

ными вѣрованіями слѣдуютъ, в порядкѣ повторяемости и точности, выраженія скептических, матеріалистических, иногда и пессимистических взглядов на загробную жизнь. Но они не стоят в необходимой связи с тогдашней философіей, а скорѣе отражают собою горячую привязанность к жизни мужчин и женщин того времени. Нѣкоторые говорят о ходячих идеях, как миѣтах или выдумках (псевдос). Для других загробная жизнь есть великій мрак (skotos polys). В лучшем случаѣ, смерть разсматривалась, как «блаженный сон». Выраженія вѣры в высшія формы загробной жизни чрезвычайно рѣдки и неясны. «Отошел к богам», говорит одна надгробная надпись. «Ушел в свѣтлыя области», гласит другая (свидѣтельствующая о вліяніи стойков). Встрѣчаются упоминанія о «вѣчном мірѣ». Идея «героизація» послѣ смерти, конечно, расцвѣтала и крѣпла в связи с быстрым распространением культа живых и скончавшихся царей.

На основаніи столь ограниченнаго матеріала нельзя, конечно, сдѣлать сколько-нибудь окончательных выводов. Повидимому, массы до извѣстной степени раздѣляли безразличное отношеніе интеллигенці к идеѣ загробной жизни.

II. Поздній эллинизм.

Великая эпоха эллинизма постепенно подходила к концу. Заканчивался героическій, романтический період перестройки и творчества. Новыя монархіи были организованы и укрѣплены на долгія времена. На мѣсто экспериментированія пришла каждодневная, сѣрая рутинная. Отношенія между монархіями и греческими городами - государствами стали болѣе или менѣе ясными. Равным образом отношенія между греками и туземцами в восточных монархіях, повидимому, установились. Казалось, что эллинскій мір приближается к эпохѣ мирнаго, хотя и нѣсколько безцвѣтнаго, развитія, напоминавшаго развитіе ранней римской имперіи послѣ бурь гражданской войны.

Однако, эволюція пошла по иному пути. Если творческая активность изсякла, — сохранилась зато разрушительная сила. В обыденной жизни прозаики смѣнили романтиков, но в области политической сохранилась атмосфера бурь и потрясеній. Одна война слѣдовала за другой; воевали между собой главныя монархіи; областныя войны смѣнялись мѣстными; внутри монархій и городских государств шли междоусобныя войны; туземцы подымали

знамя возстанія против греков. И борьба принимала все болѣе разрушительныя формы, становилась все болѣе жестокой, все болѣе деморализующей. Мало было того, что эллинскія державы разрушали созданное их собственными руками: онѣ привлекли еще в эту истребительную игру новаго участника. Тѣнь Рима показалась на западном горизонтѣ — и Рим стал вскорѣ играть активную роль в политической жизни эллинистическаго міра. Сначала он выступил в качествѣ покровителя греческой свободы, против монархій. Потом — в качествѣ благодетельнаго совѣтника во внутренних дѣлах эллинистических государств. Наконец, в качествѣ требовательнаго суроваго хозяина греческих городов и эллинистических монархій — безразлично.

Послѣ краткаго взрыва протеста против римской власти во времена Митридата и Суллы, наступил рѣшительный момент. Рим показал, наконец, востоку свое истинное лицо; он твердо установил эгоистическій, немилосердный, требовательный, доводившій до отчаянія, чисто - колониальный режим. Этот режим еще отличался той ролью, которую восток невольно сыграл в трагедіи римских гражданских войн.

Этот длинный и печальный період эллинистической исторіи знал немало превратностей. Взрыв радости и энтузіазма послѣ «освобожденія» Греціи; временное возрожденіе значительной части эллинистическаго міра послѣ македонской и сирийской войн, в серединѣ II вѣка до Р. X. — возрожденіе, прерванное печальной трагедіей ахейской войны и разрушеніем Коринфа; скучный період навязаннаго мира и относительнаго благосостоянія нѣкоторых частей эллинистическаго міра — в эпоху римскаго владычества, в концѣ II и началѣ I в. до Р. X.; возбужденіе, сопровождавшееся горьким разочарованіем, в дни митридатовых войн; и, наконец, годы неслыханных матеріальных и моральных страданій, крайней деморализаціи, — во время римских гражданских войн.

Крупныя политическія, соціальныя и экономическія сдвиги, происшедшія в эллинистическом мірѣ во II и I в. в. до Р. X., сопровождались соответственными перемѣнами в греческой психологіи. Расширившійся греческій мір переживал интеллектуальный, моральный и духовный кризис, подобный тому, который наблюдался в IV вѣкѣ до Р. X. Правда, психологическія сдвиги представляли чрезвычайно медленный процесс, который трудно прослѣдить по нашим скудным и разбросанным источникам. Тѣм не

менше, это — факт, и притом факт, оказавший огромное влияние на ход развития древняго міра.

До сих пор не сдѣлано подробнаго анализа эволюціи греческаго міровоззрѣнія в пространствѣ и во времени; до сих пор не проведены разграничительныя линіи между отдѣльными фазами этого процесса. Между тѣм, какая увлекательная работа! Так или иначе, я могу предложить вам сейчас только общій обзор.

В самом началѣ поздней эллинистической эры «интеллигенція» оставалась тѣм же, чѣм она была до тѣх пор: в большинствѣ своем, материалистической и рационалистической. Нѣкоторые представители ся хорошо извѣстны, напримѣр — величайшій историк того времени, Полибій. Его умственный и духовный портрет можно обнаружить в его собственном мастерском трудѣ. Полибій был послѣдним представителем того научнаго метода в исторіи, начало которому положил Фукидид. Не менше типичен его современник, глава стоической школы Панецій, высоко образованный уроженец эллинскаго Родоса, оказавшій несомнѣнное влияние как в Греціи, так и в Римѣ. Его міровоззрѣніе было гораздо болше материалистично и научно, чѣм міровоззрѣніе его предшественников. В его философіи устранена, по мѣрѣ возможности, вся детерминистическая надстройка; рука об руку со своим соперником, академиком Карнеадом, он повел борьбу не на жизнь, а на смерть против чрезмѣрно — детерминистической и материалистической астрологіи, принятой ранними стоиками в эпоху Діогена вавилонскаго. Тѣ же детерминистическія и рационалистическія тенденціи опредѣлили его отношеніе к загробной жизни. Он рѣшительно отмел всѣ компромиссы ранних стоиков и провозгласил, что душа смертна. В этом смыслѣ, он был союзником платоника и скептика Карнеада, который дошел даже до отрицанія безсмертія Бога.

Однако, даже в этих интеллигентских кружках появилась трещина, какой-то разрыв, выраженіем котораго было постепенное нарастаніе новаго міровоззрѣнія, новаго пониманія жизни. Весьма характерно для настроеній интеллигентов I в. до Р. Х., что их вождем был великій стоик, Посидоній, уроженец Апамеи, пріемное дитя Родоса. Его ученіе было страстной реакціей против рационализма Панеція. В то время как Панецій размышлял, как логик, и совершенно игнорировал психологію, — центр тяжести системы Посидонія приходится именно на психологію, на эмоціональную, а не рациональную сторону человѣческаго существа. Система эта

была столько же религиозной, сколь и философской. Кульминационным пунктом религиозной философии — или философской религии — Посидония было прекрасное описание, которое он дает божественному бессмертию души. Человѣческая душа является, согласно Посидонію, эманацией души вселенной. Поэтому она так же бессмертна, как вселенная. Во время своего сожительства с тѣлом, душа может оскверниться и покрыться корой, которую на ней отлагают желанія, страсти и т. д. Однако (цитирую по Кюмону): «когда душа оставляет тѣло, в смертный час, она становится духом, подобным множеству демонов, носящихся в атмосферѣ. Но судьба души бывает разная, в зависимости от ея состоянія. Если она отягчена матеріей, ея вѣс обрекает ее на пребываніе в плотном воздухѣ... в результатѣ чего она перевоплощается в другія тѣла. Но если душа оказалась свободной от всякой примѣси, — она, благодаря своей легкости, тотчас подымается над тяжелым слоем воздуха и уносится в высшія области... Нѣкоторые избранныя существа, божественныя души мудрецов обладают такой чистотой, что возносятся через эфир до самых высоких астральных сфер и проводят время в созерцаніи звѣздных красот».

Очень близки к Посидонію были нео-пифагорейцы, загадочная, небольшая группа единомышленников, распространившая свое вліяніе из Египта и Малой Азіи на весь эллинистическій мір. Нам они извѣстны в том видѣ, который приняли их представленія о жизни в Римѣ, в эпоху Цицерона.

Нео-пифагорейцы вовсе не были философской сектой или школой. Они не интересовались ни логикой, ни наукой. Одной из основ их ученія была, опять-таки, вѣра в бессмертіе души, в ея божественное происхожденіе и в ея тѣсную связь со звѣздами. Эта доктрина — еще один примѣръ грандіозной революціи, колоссальнаго сдвига в міровоззрѣніи интеллигенціи II и I в. в. до Р. X. Слѣдует отмѣтить, что эта переменна не только свидѣтельствует о самостоятельной эволюціи греческаго духа (как утверждает Виламовиц), но находится, несомнѣнно, в связи и с сильной волной религиознаго вліянія, которая пошла из Вавилона и распространилась с большой быстротой на сѣвер и на запад. Дѣйствительно, космографія и эсхатологія Посидонія совпадают с солнечным единобожіем вавилоно - ассирійян. Одним из результатов этого «реванша востока» было то, что греки, а с ними весь древній мір в цѣлом, подпа-

ли под вліяніе злѣйшаго врага коренного греческаго генія — астрологія.

Пока в высших кругах интеллигенціи выковывалось новое представление о мірѣ и развивалось в болѣе широком кругу образованных людей новое религиозное міровоззрѣніе, — чѣм жили, во что вѣрили миллионы полу-образованной буржуазіи и рабочих, разбросанные по тысячам поселеній в Греціи и на Ближнем Востока? Их жизнь была трудной и безрадостной и становилась все труднѣе. Матеріальныя невзгоды их были велики, цѣны были высоки, доходы все болѣе падали. Отсутствие безопасности в тѣ времена было, поистинѣ, ужасающе: никто, напримѣр, не мог поручиться, что он завтра не станет военноплѣнным или что его не захватят пираты, чтобы превратить в раба до конца его дней. Греческіе города, их привычныя «полисы»-ы не были больше в состояніи охранять безопасность населенія. Даже такіе знаменитые города, как Афины и Родос, были глубоко унижены и деморализованы. Не сильнѣе были и гордые цари, сломленные, как тростник. Немудрено, что в такой атмосферѣ родился тип презрѣннаго «греченка» (*graeculus*) римских писателей: деморализованный, безчестный, профессиональный лжец и льстец, эгоистическій спекулянт и эксплуататор. И неудивительно, что под давленіем нищеты и неуверенности в завтрашнем днѣ каждый стремился только к тому, чтобы достичь хотя бы минимума благосостоянія для себя и для одного, максимум двух дѣтей. Греки начали открыто выбрасывать дѣтей и другими путями ограничивать численность своих семей, т. е., вступили на путь систематическаго расоваго самоубійства.

Философія не могла помочь миллионам этих несчастных. Философія, учившая, что жизнь в этом мірѣ — благо, неспособна была излѣчить мрачныя души греков. С другой стороны, ученіе Посидонія было слишком возвышенно и мало доступно для пониманія масс. Религія была болѣе вѣрным прибѣжищем.

Как обстояло с ней дѣло в тѣ времена, — об этом мы мало знаем. Тѣм не менѣе, кое что выясняется. Греки не потеряли окончательно вѣры в своих старомодных, традиціонных городских богов. И если старый «полис» умирал, то из развалин стал выростать новый. Это был будущій «полис» римской имперіи. «Муниципальная» жизнь вытѣсняла «политическую». «Граждане полиса» по-прежнему были преданы своим городам и почитали своих городских богов. Как и в прошлом, они были готовы помочь городам по

мѣрѣ своихъ возможностей, приносили имъ дары, обезпечивали учрежденія, участвовали въ подпискахъ, принимали на себя ходатайства за нихъ. Но, прежде всего, они старались поднять авторитетъ своихъ боговъ, олицетворявшихъ городъ, устраивали въ ихъ честь пышныя церемоніи и процессіи, организовывали игры и конкурсы, строили имъ новыя храмы. Волна традиціонной религіозности прокатилась надъ эллинистическимъ міромъ въ то самое время, когда всѣ политическія надежды грековъ погибли и римляне стали ихъ признанными, но-нелюбимыми хозяевами. Въ атмосферѣ временнаго и частичнаго матеріальнаго возрожденія, греческіе города самой Греціи, острововъ и Малой Азіи соперничали другъ съ другомъ въ постройкѣ новыхъ храмовъ, въ реставраціи старыхъ, въ организаціи новыхъ игръ и религіозныхъ празднествъ, въ оживленіи старыхъ культовъ. Все это было своего рода реакціей противъ политическаго униженія, кратковременнымъ возрожденіемъ греческаго національнаго духа.

Однако, не такими средствами можно было побороть духовный кризисъ и удовлетворить духовныя потребности грековъ. Городскіе боги и олимпійцы, ихъ служители и жрецы — все это не давало отвѣта на тревожныя вопросы. Если жизнь такъ печальна на землѣ, то нѣтъ ли надежды, что она будетъ иной въ другомъ мірѣ? Вотъ — естественный вопросъ всѣхъ подавленныхъ нищетою и неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ. Традиціонная религія не давала на него сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Городской культъ и городскіе жрецы имъ не занимались. Новыя же боги были либо политическими фикціями (культъ правителей), либо же безжизненными абстракціями (Тихе). Неудивительно поэтому, что греки II и I в. в. до Р. Х., принимая участіе въ официальной религіозной жизни городовъ и воздвигая статуи богинѣ Тихе, искали въ другомъ мѣстѣ удовлетворенія своимъ эмоціональнымъ религіознымъ требованіямъ. Частныя религіозныя общества возникали повсюду. Члены этихъ обществъ поклонялись разнаго рода божествамъ — но, преимущественно, тѣмъ, которыя давали немедленный отвѣтъ на «роковой вопросъ». Среди нихъ были и греческіе или же окончательно эллинизированные боги — напримѣръ, древняя Деметра элевзійская (и элевзинскихъ таинствъ) и, прежде всего, Діонисъ. Мы мало знаемъ о судьбѣ элевзинскихъ таинствъ въ эллинистическій періодъ. Наши источники объ этомъ почти молчатъ. Элевзинскія таинства могли имѣть развѣтвленія въ эллинистическомъ мірѣ и въ Италіи. Они могли оказать вліяніе на преобразование нѣкоторыхъ родственныхъ культовъ въ

мистическія религіи—напримѣр, древняго культа Анданіи в Месеніи. Равнымъ образомъ, элевзинское вліяніе могло придать греческій видъ культу Сараписа в Александріи. Еще болѣе вліятельнымъ былъ культъ Діониса, с его экстагическимъ ритуаломъ. Мы не знаемъ, былъ-ли это подлинный мистическій культъ во всѣхъ или в большинствѣ частныхъ группъ діонисовскихъ «тіазотовъ» и насколько сильна была в этихъ группахъ примѣсь орфізма. Группы «тіазотовъ», во всякомъ случаѣ, были широко распространены по всему Египту, Сиріи, Малой Азіи и Греціи, — и ихъ успѣхъ нельзя об'яснить иначе, какъ тѣмъ, что онѣ гарантировали своимъ членамъ, если не увѣренность в счастья на этой землѣ, то, по крайней мѣрѣ, в спасеніи и безсмертіи души послѣ кончины.

Такъ же популярны, какъ и діонисовскіе «тіазосы», были религиозныя общины, поклонявшіяся иностраннымъ богамъ: фракійскимъ, анатолійскимъ, сирійскимъ, египетскимъ. Мы располагаемъ нѣкоторыми указаніями касательно распространенности культа Сараписа и, в особенно, культа Изиды, Гадада и Атаргатис. Второй и первый вѣка до Р. Х. были эпохой расцвѣта обществъ, поклонявшихся этимъ божествамъ в Греціи и в Малой Азіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что своимъ громаднымъ успѣхомъ они были обязаны патетическимъ церемоніямъ, которыя драматизировали для вѣрующихъ обѣщанія вѣчной жизни и спасенія души.

В то время, какъ в греческихъ городахъ - государствахъ, расположенныхъ вокругъ Эгейскаго моря, развивались описанныя выше явленія духовной и религиозной жизни, в крупныхъ эллинистическихъ монархіяхъ Востока, в частности, в Египтѣ и Сиріи, происходили не менѣе значительныя перемѣны. Рядъ поколѣній грековъ сжился с новой родиной, акклиматизировался в ней физически и духовно. Новые эмигранты изъ Греціи были малочислены и не могли уже повліять на психологію населенія. Акклиматизація на Востокѣ и есть то, что мы называемъ оріентализаціей. Греки Ближняго Востока, живя в этой атмосферѣ, не могли остаться тѣмъ, чѣмъ они были в первыя времена своего поселенія. Они сохранили свой греческій языкъ, свой греческій образъ жизни, свою греческую внѣшность, — но стали греками особаго типа.

Они уже были религиозны, когда пришли сюда. Они принесли на Востокъ своихъ боговъ. В атмосферѣ Востока, в тяжелыхъ условіяхъ жизни (немногимъ лучшимъ в первый періодъ ихъ поселенія, чѣмъ условія жизни на родинѣ), они испытывали такую же страстную по-

требность в божественной поддержкѣ, как и их сородичи в Греціи и в Малой Азіи. Естественно, что за этой поддержкой они обратились не к богам, привезенным с собой и чуждым их новой родинѣ, — а к мѣстным божествам, к спасителям и благодѣтелям, которые боролись, страдали, умерли и воскресли. Этим богам они были готовы служить, под условіем — знать, кто они, и быть в состояніи их понять.

С незапамятных времен греки привыкли давать иностранным богам греческія имена и молиться по-гречески. Это повторилось и тут в широком масштабѣ. В Египтѣ греческій образ Сараписа подвергся обратной ориентализации, а супруга Сараписа, Изиды, была эллинизирована.

К ним присоединили других богов — странныя божества, как гиппопотам, крокодил, ибис, шакал. При всей своей странности, всѣ они отвѣчали острому желанію греков — обезпечить себѣ активную помощь и поддержку. Аналогичное явленіе произошло, хотя оно менѣе извѣстно, и в Сиріи. Мѣстные божества были признаны греками, получили греческія имена, к ним обращались по-гречески. Однако, по существу, они оставались тѣм, чѣм были раньше. Процесс воспріятія греками вавилонских и сирійских богов, который привел в Сиріи к их полной капитуляціи перед семитическим солнечным единобожіем, зашел очень далеко, когда Эпифан сдѣлал попытку сдѣлать отсюда вывод. Эпифан вовсе не был тѣм бѣшеным эллинизатором, каким его представляет еврейская традиція и большинство современных исторических трудов. Его основной идеей было созданіе мощной имперіи, опирающейся на наиболѣе активную и сильную часть населенія, на т.н. «эллинов», — тѣх новых греков, которые составляли населеніе старых и новых городов его имперіи. Одни из них были подлинно грекамп, другіе — восточнаго происхожденія. Для цѣлей Эпифана это не имѣло значенія, лишь бы быть увѣренным, что всѣ эти элементы обладали одинаковой психологіей, руководились одним и тѣм же міропониманіем и исповѣдывали одну и ту же религію. Его Зевс олимпійскій, которому он строил храмы в главных городах своего государства, не был «Великим Зевсом». Это чаще всего был великій Господь семитскаго міра, небесный правитель вселенной. В таком видѣ его и представляют религіозныя статуи, реплика статуи Сараписа в Египтѣ.

Эпифан был прав относительно значительной части имперіи,

но не относительно всей имперіи. Его политика была основана на объединеніи и консолидаціи городов и городского населенія — мысль, для грека вполне естественная, — но он забыл про массы восточнаго населенія, которыя жили своей собственной жизнью, не знали городов и готовы были сражаться за чистоту и исключительность своей религіи. Движеніе против него началось со стороны евреев, но мятежный дух был широко распространен и привел к усльху парфян и к быстрому разложенію царства селевкидов.

Таким образом, религія была важным, иногда даже рѣшающим фактором в психологіи восточнаго населенія — греков, левантинцев и туземцев — и в эволюціи Ближняго Востока вообще. Измѣнившійся облик может быть еще характеризован одной любопытной личностью из поздняго, птоломеевскаго Египта, извѣстной благодаря случайной находкѣ: это как бы параллель к Зенону, управляющему Аполлоніа, о котором я уже упоминал. Зенон был человеком беспредѣльной активности, громадной энергіи, піонером эллинизма, реконструктором, греком по существу. Птоломей, наш новый знакомый из второго столѣтія до Р. Х., был сыном одного из греческих солдат, осѣвших в Египтѣ, и сам «клерухом» или «катоиком»; он принадлежал, слѣдовательно, к привилегированному классу египетскаго населенія, к «эллинам». Но какая разница между этим человеком и піонером предыдущаго столѣтія! Зенон был строителем, человеком крѣпкой складки, тогда как Птоломей жил затворником в Великом Сарапеумѣ в Мемфисѣ, в качествѣ человека, одержимаго богом, своего рода монаха. Он говорил и писал по-гречески, носил греческую одежду и сам себя называл эллином, — но его психологія не греческая. Он бѣжит от тягот повседневной жизни, ищет на землѣ покоя, а в загробной жизни — конечно, спасенія. Он боится активности и труда. Он — мечтатель, толкователь снов. Может быть это случайность, что из тысяч египетских греков II в. до Р. Х. мы знаем хорошо одного его. Но это характерно.

Оріентальная религіозная діаспора на Западѣ и религіозная оріентализація греков на Востокѣ, вызванныя новыми условіями жизни и новыми, глубокими духовными устремленіями населенія поздняго эллинистическаго міра, суть наиболѣе характерныя явленія поздне-эллинистической религіозности и міроощущенія. Наряду с ними наблюдается и третье явленіе огромной важности: это не созданіе новой религіи, а процесс перестройки и приспособленія существовавших тогда восточных религій, с цѣлью удовлетво-

ритель религиозныя нужды эллинистских мужчин и женщин, на Западъ и на Востокъ. Я имѣю в виду превращеніе нѣкоторыхъ восточныхъ и полу-восточныхъ религій и культовъ в мистическія религіи, основанныя на идеѣ посвященія, очищенія, искупленія и спасенія, посмертной жизни, воскресенія. Восточныя мистическія религіи сравнительно хорошо извѣстны по отношенію к времени римской имперіи. Никто не станетъ отрицать вліянія, которое онѣ оказали на духовное развитіе римской имперіи: Изида, Великая Мать, Богиня Сирія, Адонис, Сабаций, Митра, Юпитер Долихен, Ярибол - Непобѣдимое Солнце — все это фигуры, знакомыя всѣмъ, изучавшимъ исторію римской имперіи и христіанства. Ихъ восточное происхожденіе очевидно, равно какъ и ихъ греческій обликъ. Но ихъ ранняя исторія — тайна. Являются ли онѣ созданіями римской имперіи? Превратились ли онѣ в религіи спасенія, посвященія, мистическаго ритуала, вѣры в загробную жизнь, воскресенія, в атмосферѣ Римской Имперіи, в качествѣ дани древнему міру со стороны экзальтированной религиозности восточныхъ провинцій имперіи? Или же римская имперія унаслѣдовала ихъ от эллинистическаго міра? Наши свѣдѣнія скудны, и никакого заключенія по нимъ сдѣлать нельзя. Нѣкоторые видные ученые убѣждены, что три главныя восточныя религіи, появившіяся в качествѣ мистическихъ религій в римской имперіи (культъ Сараписа - Изида, культъ Великой Матери и, быть можетъ, культъ Атаргатис), стали таковыми в ранній эллинистическій періодъ, в рукахъ ихъ создателей, царей Египта, Пергама и, возможно, Сиріи. Я очень в этомъ сомнѣваюсь. Правда, что элевзіанецъ Тимофей и египетскій жрецъ Манетонъ организовали церемоніи культа Сараписа, и возможно, что тотъ же Тимофей принималъ участіе в эллинизаци культа Аттиса в Пергамѣ. Но были ли введенныя имъ церемоніи мистическими? Создал ли Тимофей мистическую религію? Культъ Сараписа былъ государственной религіей. Ея египетская аналогія — религія Озириса — никогда не носила мистическаго характера. Зачѣмъ было бы Птоломею Сотеру организовать свою государственную религію в формѣ культа, доступнаго лишь узкому кружку посвященныхъ? То же относится и къ культу Аттиса и Атаргатис.

По моему мнѣнію, можно считать, что восточныя религіи были превращены в мистическія религіи самими греками, в нѣкоторыхъ случаяхъ — полугреками, но никакъ не восточными людьми. Это было сдѣлано, очевидно, по образцу элевзинскихъ, орфическихъ и

нео-пифагорейских таинств, причем реформа предназначалась для небольшого круга почитателей. Я подозреваю даже, что такое преобразование не было завершением раннего эллинистического периода, но одним из проявлений глубокого религиозного, духовного и морального кризиса II и I вв. до Р. Х. Новые мистические культы приобрели свой мистический характер во II в. до Р. Х., и не подлежит сомнению, что они получили особое влияние в бѣдственный период I в. В концѣ этого периода они уже были готовы к завоеванію Запада. Кто были инициаторы этого преобразования, какое было их общественное положеніе, гдѣ они жили, нам неизвѣстно. В частичном случаѣ культа Митры это могли быть полу-греческіе маги, обслуживавшіе потребность полу-греческих членов одного или нѣскольких частных «тіазов».

Мистическіе культы должны были пользоваться огромным успѣхом. Они предлагали всѣм чающим спасенія привлекательное, таинственное, но, в то же время, простое рѣшеніе большей части великих проблем, стоявших на очереди, и прежде всего, — вопроса о загробной жизни. Они не устанавливали никаких социальных и национальных ограниченій и отличались значительной широтой взглядов. Их религиозныя концепціи оставляли много мѣста всѣм главным духовным теченіям того времени: отрывкам греческой философіи, египетскому гнозису, астрологіи, магіи. Они были подлинно дѣтищем поздней эллинистической психологіи и были готовы к завоеванію умиравшаго эллинистического міра.

В этой атмосферѣ религиознаго возбужденія и ожидаемой откровенія и тайны, в Палестинѣ, в образѣ христіанской религіи, появились послѣдніе отклики эллинистического міропониманія. Я не считаю себя компетентным говорить о развитіи христіанства, о той долѣ, которая в нем приходится грекам и восточному міру. Я могу только мельком освѣтить этот вопрос, в связи с главным моим трудом. Одним из самих поразительных открытій, сдѣланных нами во время раскопок в Дура - Европос, небольшом эллинистическом городѣ на рѣкѣ Евфратѣ, была христіанская церковь, с ея крещальней. Живопись этой крещальни восходит к временам очень раннего христіанства. Главныя темы ея — грѣх и искупленіе, вѣра и милосердіе, но все значеніе ея сконцентрировано в главной композиціи, в доминирующем мотивѣ хорошо уравновѣшеннаго изображенія — воскресенія Христа.

М. И. Ростовцев

От диктатуры партіи къ единойдержавію

(ИТОГИ 18-ГО С'ЪЗДА ВКП)

Политическая концепція большевизма заключалась, как извѣстно, в формулѣ: диктатура пролетаріата, в лицѣ его авангарда — коммунистической партіи. Подстановка партіи на мѣсто пролетаріата, начатая Лениным, была закончена генеральной линіей первой пятилѣтки. Политическій режим этой генеральной линіи характеризуется полной замѣною диктатуры рабочаго класса диктатурою компартіи и над рабочим классом, и над всей страной. Однако, на этом Сталин не остановился. Генлинія второй пятилѣтки сдѣлала новую подстановку: диктатура компартіи была замѣнена единойдержавіем вождя. Если первая подстановка Ленина - Сталина отняла у рабочаго класса обѣщанную ему политическую власть, то единойдержавіе Сталина убило компартію, как политическій организм. Происходившій 10 - 21 марта 18-й с'ѣзд ВКП закрѣпил новое положеніе и отлил в принятом с'ѣздом новом партійном уставѣ и в намѣченной новой программѣ форму нынѣшняго государственно - политическаго строя СССР, как неограниченнаго единойдержавія вождя. В этом заключается политическій смысл 18-го с'ѣзда.

На этом с'ѣздѣ впервые, послѣ 15 лѣт жестокой борьбы и всевозможных смѣн побѣд и поражений, Сталин явился в ореолѣ побѣдителя, не имѣющаго соперников. Это сказалось не только во внѣшних проявленіях обожествленія: ритуальных «концовок» всѣх рѣчей делегатов, которыя неизмѣнно завершались здравицей в честь вождя, таких же обязательных вставаній «всего зала» при упоминаніи имени Сталина, и т. д. Этот церемоніал в зародышевой формѣ был установлен уже на предыдущем, 17-м с'ѣздѣ, в 1934 году. Но тогда у Сталина на с'ѣздѣ еще были противники. Правда, эти противники, и «правые», и «лѣвые», только и дѣлали тогда, что каялись и клялись в вѣрности. Но с ними приходилось считаться. И в избранный 17-м с'ѣздом ЦК партіи Сталину пришлось

для сохранения «похабнаго» бургфридена включить значительное количество кающихся, но не добытых противников и их попутчиков, как Рыков, Бухарин, Сокольников, Евдокимов, Пятаков и многих других, впоследствии «ликвидированных». Даже в политбюро 17-го с'езда были включены, не без подпочвенной борьбы, такие сомнительные союзники Сталина, как Киров, и такие, — как мы потом узнали, — прямые «враги», как Рудзутак, Постышев. Короче говоря, побѣда Сталина на 17-м с'ѣздѣ была похожа на Пирову.

На 18-м с'ѣздѣ не было никакой оппозиціи. Никто не «кался», не просил о прощениі, не давал клятв вѣрности: в этом не было надобности. Бывшіе грѣшники исчезли без остатка и слѣда. Появились новые люди. Об этом краснорѣчиво говорят цифры мандатной комиссіи с'ѣзда. Из 1574 челегатов с'ѣзда только 37 человекъ принадлежатъ къ подпольному костяку партіи, и первые же из них суть Сталин, Калинин, Ворошилов, Молотов, Андреев и другіе. «Октябристов», вступившихъ в партію в періодъ строительства новаго государства, с 1917 года до 1920-го, среди делегатовъ было всего 17%. Зато 43% составили делегаты, вступившіе в партію послѣ 1929 года: безусловные сторонники генеральной линіи сталинизма и соратники вождя по построению этой линіи. Еще ярче торжество сталинизма выявляется в возрастном составѣ делегатов: 49,5% в возрастѣ до 35 лѣт, 32% — от 36 до 40 лѣт, итого 81,5% делегатов, никак не связанныхъ с традиціями ленинизма и обязанныхъ своей карьерой новому владыкѣ.

Сталин пожал плоды оказанныхъ им делегатамъ милостей при выборахъ в ЦК партіи. Из 71 члена стараго ЦК партіи исчезло с лица земли 55; из 68 кандидатовъ — 60. Такъ же точно ничтожное количество осталось на партійной поверхности членовъ другою высшего органа — комиссіи партійнаго контроля. В итогѣ, из 71 члена новаго ЦК только 16 человекъ перешло туда из стараго ЦК, — ближайшіе сотрудники и вѣрные рабы Сталина: все тѣ же Молотов, Калинин, Андреев, Берія, Жданов, братья Кагановичи, Мануильскій, Литвинов и другіе. К ним присоединилось нѣсколько человекъ из бывшихъ кандидатовъ, как Буденный, Булганин, Лозовскій, а также семеро прежнихъ членовъ комиссіи партійнаго контроля, — завѣдомыхъ сталинцевъ. 42 члена ЦК — совершенно новые люди, «сдѣланные» Сталинымъ в пятилѣтку, отдѣляющую два партс'ѣзда и отмѣтившую окончательное торжество единодержавія. А

из 68 кандидатов — только двое «стариков»: 66 человек новых, никому дотоле невѣдомых, никогда никакой роли не игравших, — челядь в чистом видѣ. Если Сталин в своем «отчетном» докладѣ говорил, что «с точки зрѣнія политической линіи и повседневной практической работы *отчетный період был періодом полной победы генеральной линіи*», — то он был прав, поскольку «генеральная линія» отождествляется в его понятіи с линіей его, Сталина, личнаго торжества. Но когда Сталин, послѣ приведенных выше цифр, завѣрял, что «разгромив врагов народа, партія стала еще болѣе сплоченной вокруг своего ЦК», — то он просто лгал: никакого ЦК, около котораго можно было «сплотиться», не оставалось уже к моменту созыва с'ѣзда, а новый ЦК еще не существовал в пятилѣтку между с'ѣздами, когда должно было происходить «сплоченіе».

Впрочем, Сталину не принадлежит авторское право на лживое утвержденіе о «единой и монолитной» ВКП. Это утвержденіе никогда не было правдой. Начиная с раскола, вызваннаго Брестом, через рѣзкія разногласія, обусловленные нѣпом и «рабочей оппозиціей», и расхожденія по вопросу о «внутрипартійной демократіи» и до политики коллективизаціи и индустриализаціи — ВКП не выходила из состоянія внутренняго кризиса. Партія, как политической организм, испытывала в этом перманентном кризисѣ серьезныя потрясенія. Но она долгое время сохраняла свой политическій хребет. Существованіе ея было возможно и нужно, пока продолжалась политика демагогических лозунгов «Октября». Оно было нужно, потому что партія являлась опорой диктаторской верхушки в ея походѣ против страны: против остатков старой буржуазіи и интеллигенціи при нѣпѣ, против крестьянства — при генеральной линіи первой пятилѣтки. И существованіе партіи было возможно, хотя бы в раздираемом внутри-партійными распрями состояніи, пока генеральная линія велась в духѣ демагогіи стараго, интегральнаго большевизма. Положеніе рѣзко измѣнилось с переходом на нео-сталинизм послѣдних пяти лѣт. Переключеніе на «патріотизм» и пацифизм, — какая бы ни была настоящая цѣна этим лозунгам, — полууступки крестьянству и индивидуализму, — как бы половинчаты онѣ ни были, — отказ от коммунизма в распредѣленіи и от социализма в производствѣ, реставрація культурно-бытового уклада, — все это должно было повлечь за собой смертельную схватку старой партіи с властью и гибель той

или другой. С громадным напряженіем сил, с примѣненіем всѣх способов демагоги и насилія, от сухой гильотины до жесточайшаго террора, власть вождя одолѣла сопротивленіе партіи. Борьба длилась пять лѣт. 18-й с'ѣзд закончил ее триумфом единодержавія. Какими способами Сталину удалось добиться своего триумфа?

Мы не собираемся говорить здѣсь о сталинском террорѣ, о котором так много уже говорилось и писалось и который, отражая жестокость борьбы за единодержавіе вождя, все-таки остается болѣе поверхностным проявленіем этой борьбы, чѣм ея содержаніем. Политически и социальнo торжество единодержавія над коллективом, хотя бы и уродливым коллективом, каким является ВКП, имѣет гораздо болѣе глубокие истоки, чѣм подвалы ГПУ. И именно «сухая гильотина», которой подверг Сталин партійныя массы, одновременно с физическим уничтоженіем ея больших и маленьких руководителей, — она-то и должна привлекать наш интерес. Тот факт, что ВКП представляется чужеродным организмом среди 170-милліоннаго населенія Россіи, что ея структура противорѣчит элементарным представленіям о демократіи и о политической партіи вообще, — этот факт не умаляет значенія этой партіи, как единственной отдушины для какой бы то ни было общественной спайки при режимѣ диктатуры и нѣкоторой трибуны при полном безправіи народа. Уничтоженіе этой отдушины, убіеніе ВКП, как политическаго организма, было достигнуто Сталиным путем сложных маневров. Но это достиженіе его несомнѣнно.

Сам Сталин, в упомянутом докладѣ на с'ѣздѣ, опредѣлил свой главный маневр характерным для его византийства словечком: «регулированіе»: «Укрѣпленіе» (!) партіи и ея руководящих органов, — сказал он, — осуществлялось по двум линіям: *по линіи регулированія состава партіи, вытѣсненія ненадежных*, и по линіи разукрупненія». Оставляя в сторонѣ вторую «линію», как чисто - техническую, остановимся на «регулированіи».

Война партіи была об'явлена Сталиным в самом началѣ перехода на новые пути, на водораздѣлѣ двух пятилѣток: в январѣ 1933 года на пленумѣ ЦК партіи было принято рѣшеніе о «регулированіи» — партійной чисткѣ. Каганович мотивировал тогда эту мѣру тѣм, что «наша партія слишком разрослась». В самом дѣлѣ, только за 2 года, с конца 1930 года (16-й с'ѣзд) до середины 1933 г. состав партіи увеличился почти вдвое: с 1,8 мил. членов и кандидатов до 3,2 мил. Такой рост таил в себѣ много опасно-

стей. Сталин характеризовал эти опасности на 17-м с'ѣздѣ (январь 1934 года) в слѣдующих, болѣе или менѣе иносказательных, но достаточно прозрачных выраженіях: 1) «Было бы наивно думать, что можно побороть трудности при помощи резолюцій и постановленій, на которых *бюрократы и канцеляристы* набили себѣ руку, 2) *Зазнавшіеся вельможи думают, что они незамѣнимы.* Их надо без колебаній снимать с руководящих постов, снять с них слѣсь и поставить их на мѣсто. 3) Есть тип честных *болтунов, преданных, но не способных руководить.* Если оставить их на работѣ, то они способны потопить любое дѣло. Их надо снимать».

Начали «снимать». Партійныя чистки производились в ВКП и раньше неоднократно. Онѣ каждый раз сопровождали какой-нибудь поворот политики и вызывались этим поворотом. Так, первая чистка, под названіем «перерегистраціи», была произведена в 1920 году, когда ликвидировался «военный коммунизм». Вторая чистка имѣла мѣсто в 1921 году, в связи с введеніем нэпа. Частичныя чистки: 1924 г. — «чистка непроизводственных ячеек» — и 1925 года — «провѣрка деревенских ячеек», были явно приурочены к шатаніям власти послѣ смерти Ленина. И наконец, была произведена чистка в 1929 - 30 г. при вступленіи в первую пятилѣтку. Всѣ указанныя чистки длились сравнительно недолго, ампутировали относительно небольшія части партійнаго организма, велись преимущественно под лозунгом «идейнаго» очищенія партіи и, во всяком случаѣ, не имѣли характера карательно-истребительной экспедиціи. «Регулированіе», начатое в 1933 году, не имѣло прецедентов в прошлом ни по длительности, ни по радикальности, ни по послѣдствіям.

Вмѣсто шести мѣсяцев, как было указано в постановленіи о чисткѣ, послѣдняя, под разными названіями: собственно чистка, провѣрка партійных билетов, обмѣн партійных билетов, — длилась три с половиною года. «Массовый наплыв в партію, — сказал Сталин на 18-м с'ѣздѣ, — в условіях 1930 - 1933 года, являлся нездоровым и нежелательным. В связи с этим встал вопрос о регулированіи состава партіи. Было рѣшено продолжать чистку до мая 1935 года, прекратить пріем до 1 ноября 1936 года. В связи с убійством Кирова, было рѣшено провести провѣрку и обмѣн партбилетов до сентября 1936 года». Таким образом Сталин держал членов партіи в теченіе трех с половиною лѣтъ в состояніи напряженія, под страхом быть снова и снова «урегулированными», уст-

рашая храбрецов оппозиции и разлагая безответную массу. К концу этого длинного периода «регулирование» дало нужные результаты.

Точная статистика сталинского «регулирования» не опубликована. О размѣрах «операции» можно, однако, составить представление по разрозненным и косвенным данным. Так, уже через полгода послѣ начала чистки, на 17-м с'ѣздѣ, ея будущая жертва, тогда еще председатель комиссіи по чисткѣ, Рудзутак, опредѣлил процент вычищенных к тому времени в 16,8. Но это было еще начало. По разрозненным свѣдѣніям, появлявшимся в сов. печати в разное время, процент вычищенных членов и кандидатов в члены партіи можно было опредѣлить в 35. Сталин в своем докладѣ на 18-м с'ѣздѣ жонглирует цифрами, умышленно затемняя картину. Он вовсе не говорит о кандидатах в члены партіи. Что же касается самих членов, то он ограничивается ничего не говорящим сопоставленіем числа их к 17-му и 18-му с'ѣздам, и из этого сопоставленія вытекает, что партія уменьшилась между двумя с'ѣздами всего на 300 тыс. Однако, с ноября 1936 года, когда возобновился прием в партію, было принято опредѣленное количество новых членов. Таким образом, приходится считать, на основаніи выше указанных свѣдѣній, что не меньше трети членов партіи, находившихся там до середины 1933 года, было «отрегулировано» и частично замѣнено новыми.

Однако, гораздо болѣе существенным, чѣм количественное отсѣкновение трети партійнаго организма, представляется специфическій *качественный отбор*, произведенный чисткой. На этот счет мы имѣем почти исчерпывающія и краснорѣчивыя данныя, оглашенныя на 18-м с'ѣздѣ ближайшим сотрудником и выдвиженцем Сталина, Маленковым. Членов партіи «октябрьскаго» набора осталось всего... 0,3%, что означает в абсолютных цифрах 700 человек. К концу 1920 года, когда партія и новая власть стабилизировались, в партіи было 730.000 человек. По данным Маленкова осталось теперь 8,3%. Трудно допустить, что за 18 лѣт умерло 670 тысяч ленинских большевиков: процент смертности был бы слишком велик. Таким образом, громадная часть «регулирования» падает, именно, на ленинскій «костяк». И в самом дѣлѣ, *70% теперешняго состава партійной массы пришли в партію послѣ 29 года*. Это и есть сталинскій набор. Иначе сказать: маневр Сталина, позволившій ему создать спокойную обстановку нераздѣльна-

го владычества, заключался в том, что он *за 5 мѣт подобрал себѣ партію*. Подобранныя партія поставила Сталину абсолютно законопослушный с'ѣзд: из 1574 делегатов с рѣшающим голосом 969 — двѣ трети — состояли из высших чинов партіи, комсомола и арміи, многія груди коих были украшены депутатскими значками верховных совѣтов (606 человек) и всевозможными орденами (484), громадная же масса щеголяла новыми казенными мундирами, будучи «выдвинуты на руководящую работу» между двумя с'ѣздами (618 делегатов). Неудивительно, что такой «поравненный» с'ѣзд дал и подлинно сталинскій ЦК, в котором уже нѣтъ и намек на какую бы то ни было оппозиціонность. В самом дѣлѣ, из 71 члена ЦК одних только наркомов, замнаркомов и равных им по положенію особ, и притом свѣже испеченных незадолго перед с'ѣздом, — 32 человек; к ним присоединяются проверенные секретари крупнѣйших партійных комитетов, которые в свою очередь обвалакиваются ближайшим сталинским окруженіем: упомянутый Маленков, новѣйшій «идеолог» Митин, допущенный к трону Ярославскій и др. Пятилѣтніе труды по «регулированію» партіи и «вытѣсненію» вольнаго духа принесли Сталину свои плоды.

Однако, опытный стратег знает, что вырванную побѣду надо закреплять. Необходимо принять такія «организаціонныя» мѣры, которыя раз и навсегда устраняли бы возможность в будущем повторенія пятилѣтней борьбы с партійными верховниками. Рѣшеніе всемірно - исторических задач строительства социализма и охраны завоеваній побѣдившаго социализма от капиталистическаго окруженія и его агентуры внутри СССР потребовало от партіи коренной перестройки партійно - политической и организаціонной работы». Этими многозначительными словами начал на с'ѣздѣ ближайшій соратник Сталина, член политбюро Жданов, свой доклад об измѣненіях в уставѣ ВКП. Введеніе новаго устава на самом дѣлѣ составило главное, если не единственное, по существу, содержаніе 18-го с'ѣзда.

Как и партійныя чистки, измѣненія партустава являлись издавна спутниками партійных поворотов ВКП. За 21 год легальнаго существованія этой партіи она имѣет теперь уже шестой по счету устав. Так, по указанію Жданова, основныя измѣненія устава, произведенныя в 1922 году, были вызваны нѣпом, новый устав 1925 года был приурочен к переходу на рельсы «социалистической индустриализаціи» и — прибавим от себя — к обостренію

борьбы с Троцким, а последний устав, выработанный по докладу Кагановича на 17-м съезде, был подогнан к «историческим задачам» второй пятилетки, по Жданову, к ликвидации ленинизма — по действительному положению вещей. Анализ нового устава, принятого ныне на 18-м съезде, показывает ясно его задачу: закрепление победы Сталина в смысле перехода от диктатуры партии к единодержавию вождя.

Организационным принципом большевизма является, по официальной доктрине, «демократический централизм». Маневр Сталина в организационной области заключается в том, чтобы обратить первую часть этой формулы в демагогическую фикцию и одновременно усилить вторую часть. Этот маневр полностью и проведен в новом уставе.

Во главу угла устава ставится, разумеется, демократизм. Он должен найти свое выражение в трех кардинальных пунктах: приеме в партию, права членов партии, выборы партийных органов.

В доисторические времена подпольного большевизма членом партии мог стать «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие, под руководством одной из ее организаций». Это правило «боевого» в свое время пункта первого устава 1903 года (от которого большевизм ведет свое происхождение) оставалось в силе до 1922 года, когда впервые были приняты меры против «засорения» партии нежелательными элементами. Устав 1922 года вводит, при приеме в партию, деление на три категории, соответственно классовому происхождению кандидатов: рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян, крестьяне и кулаки и — «прочие», то-есть интеллигенция. Для каждой из категорий установлены были особые правила приема, отличавшиеся, главным образом, по количеству необходимых рекомендаций и по стажу рекомендуемых. Цель этого классового начала была ясна: став генсекретарем и начав подготовку ко вступлению в права наследства безнадежно заблудившего тогда Ленина, Сталин хотел опираться в своей борьбе с «гвардией» на массы, предоставляя им все привилегии при приеме в партию. Панацея казалась достаточной в течение 12-ти лет. В 1934 году, на 17-м съезде, когда выяснилось просачивание нежелательных элементов через три категории, было установлено деление на четыре категории, с дифференцированием рабочих по стажу и с выделением колхозников. Для всех катего-

рій, кромѣ первой (рабочіе с 5-лѣтним стажем), были введены усиленныя рекомендаціи. Тут никакому «демократизму» не было мѣста.

Новый устав, с первого взгляда, похож на революцію: отми-няются вовсе категоріи. П. 4 устава впервые ставит знак равенства между всѣми социальными группами: «В члены партіи принимаются сознательные, активные и преданные дѣлу коммунизма рабочіе, крестьяне и интеллигенты». Правила приема для всѣх одинаковыя и облегченныя. Откуда такой либерализм? Отвѣтъ на этот естественный вопрос содержится в удареніи на словѣ «интеллигенція», которая кстати — по далеко не случайно — впервые появляется в уставѣ партіи, как официальный термин. Чтобы понять значеніе этой реформы, необходимо принять во вниманіе, что в докладѣ о строеніи партіи Сталин удѣлил много вниманія интеллигенціи. Миѣ уже приходилось указывать на этих страницах на роль, которая отводится нынѣ «совѣтской интеллигенціи» в ея специфическом составѣ и служебно - государственной роли. Сталин с особой силой подчеркивает в своем докладѣ, что *«для нашей интеллигенціи нужна новая теорія, указывающая на необходимость дружескаго отношенія к ней, заботы о ней, уваженія к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочаго класса и крестьянства»*. Совершенно очевидно, что, *создав «свою» интеллигенцію, Сталин желает опираться именно на нее, оттъснивъ прежнюю опору — рабочія массы*. И именно поэтому рабочая масса, не желающая разставаться со своими многолѣтними привилегіями, оказывает большое сопротивленіе новой опорѣ диктатуры вождя. Это сопротивленіе достигает наибольшей остроты в нѣдрах партіи: «У нас в партіи еще имѣются, оказывается, люди, пытающіеся старую теорію, направленную против буржуазной интеллигенціи, примѣнить к нашей новой, совѣтской интеллигенціи». Эту интеллигенцію, и особенно ту часть ея, которая, работая «стахановскими» локтями, пробралась на верх, рабочая партійная масса пытается отбросить. «Утверждают, — продолжает Сталин, — что рабочіе и крестьяне, недавно еще работавшіе по-стахановски на заводах и колхозах, а потом направленные в вузы для получения образованія, перестают быть тѣм самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта»... Новыя правила устава о приемѣ в партію «интеллигентов» Сталина, наравнѣ с потомственными пролетаріями, и должны подчеркнуть перевод новой интеллигенціи из

второго сорта в первый. Таким образом, видимый демократизм пункта устава о приѣмѣ в партію оказывается направленным к основной цѣли: закрѣпленію партійной базы тѣми, кто обязан своим возвышеніем и привилегіями вождю.

Такое же устремленіе и значеніе имѣет и вторая новелла — о правах членов партіи. Подобных постановленій в прежних уставах вовсе не было: члены партіи имѣли обязанности, но были лишены уставно - конституціонных прав. Опять — революція: какія такія «права» могут быть у члена партіи, в которой «железная дисциплина» является единственным законом? А вот какія: участвовать на собраніях в обсужденіи «практических вопросов партійной политики», *«критиковать на партсобраніях любого работника партіи»*, избирать и быть избранным в парторганы, требовать личнаго участія при обсужденіи его дѣятельности, *«обращаться с любым вопросом и заявленіем в любую партистанцію, вплоть до ЦК»*. Если отбросить такія, само собою разумѣющіяся и «голыя» права, как участіе в собраніях и пассивное избирательное право в парторганы, то смысл этого «либеральнаго» пункта устава становится ясным: он ведет все к той же цѣли — усиленія власти верхов. В самом дѣлѣ, право свободной «критики», в условіях сталинскаго режима, означает, как показывает практика, поощреніе «склоки», необходимой вождю для того, чтобы «разыгрывать» одних против других. Это право критики есть одна из самых дѣйственных педалей, нажимая на которую Сталин всегда натравливал одну часть партіи против другой. Чтобы придать этой педали большую силу, вводится третье право — право непосредственных доносов в ЦК. Сталин явно не довѣряет засидѣвшимся секретарям, которые и «срастаются», и «вельможничают». Отмѣна «средостѣнія» между партійной массой и вождем — вот к чему сводится второй пункт «хартіи» демократизма.

Третій пункт — демократическіе выборы во всѣ партійные органы. И тут, с перваго взгляда, революція: компартія отказывается от одного из священных принципов — открытаго голосованія и усваивает для партвыборов тайное голосованіе. Однако, тайному голосованію предшествует «неограниченное право отвода кандидатов и критики послѣдних», производимое именно открыто на собраніях. Тайное голосованіе обращается в фикцію. Результаты его заранѣе преопредѣлены, как это провѣрено прочно на выборах в сов. парламенты.

На этом кончается претворение в уставѣ перваго члена формулы — демократизма. И засим всѣ нововведения сосредоточены цѣликом уже на втором членѣ — на централизмѣ. Здѣсь Сталин по-настоящему закрѣпляет свои позиціи и боится себя против возможности повторения прошлых «промахов». Остановимся вкратцѣ на этой части реформы.

Основная тенденція этой реформы сводится к еще большему усилению власти ЦК, который, как мы видѣли, подобран так тщательно, что от него как будто не предвидится неприятностей для единодержавія вождя. Первая позиція, на которой закрѣпляется ЦК, это — чистка. *Отменяются массовыя чистки.* Жданов мотивирует это слѣдующим образом: «Метод массовых чисток, введенный в началѣ нэпа, чтобы оградить партію от проникновения в ея ряды людей, разлагавшихся в связи с нэпом, потерял почву для нынѣшней обстановки, когда капиталистическіе элементы ликвидированы». Опять — таки, на первый взгляд, и либерализм, и демократизм, и, вообще, почти что отказ от террористических методов. Но... «массовыя чистки» умерли — да здравствует просто чистка! И Сталин, и особенно Жданов очень много распространялись о послѣдней чисткѣ. Выяснилась такая картина, которая сама по себѣ заслуживала бы особаго разсмотрѣнія. Суть в том, что «метод массовых чисток» предоставлял слишком большой простор «периферіи», ослабляя надзор центра. Появились «клеветники», под покровом «бдительности» ведшіе свои собственные интриги, часто не совпадающія с «линейей» верхов. Теперь эти бывшіе враги врагов объявлены сами врагами. ЦК берет чистку в свои руки. Чистка не прекратится, но она превратится из періодическаго явления в постоянное: *«Партія может в обычном порядкѣ очищать свои ряды от людей, нарушающих программу и устав партіи».* «Обычный порядок» — это *постоянная чистка* силами аппарата ЦК, который, таким образом, еще болѣе усиливается.

Новый устав реформирует в корнѣ орган, который был введен всего 5 лѣтъ назад, на 17-м с'ѣздѣ, — комиссію партійнаго контроля (КПК). Уже в 1934 году, введя этот орган, Сталин освободил себя от болѣе неудобнаго для него — от центральной контрольной комиссіи (ЦКК), которая, по уставу, стояла над ЦК и над самим диктатором. Права комиссіи партконтроля, замѣнившей ЦКК, были значительно уже прав ея предшественницы. Но эта комиссія выбиралась партс'ѣздом и была ему непосредственно

подчинена. Стало быть, она могла, при определенных основаніях, стать партійным «государством в государствѣ». Новый устав отмѣняет выборы ЦК с'ѣздом, предоставляя назначеніе членов ея ЦК. Таким образом, послѣдній является единовластным, сосредоточивая в своих руках и исполненіе, и контроль над исполненіем, то-есть контролирует самого себя.

Упомянем о двух других пунктах устава, открыто провозглашающих усиленіе централизма ЦК партіи. Создаются два «Управленія» — кадров и пропаганды. Раньше командные штабы по кадрам и по пропагандѣ были болѣе или менѣе распылены по так называемым «производственно - отраслевым» отдѣлам мѣстных комитетов. Теперь Сталин открыто признает в своем докладѣ, что это ему не подходит: «Задача состоит в том, чтобы *взять полностью в однь руки дѣло подбора кадров снизу доверху*. И точно также необходимо *сосредоточить в одном мѣстѣ дѣло партійной пропаганды и агитаціи*». Сталин так произвольно мѣняет «теоріи», в мѣру практической надобности, что за пропагандой этих теорій нужен глаз да глаз.

Все направлено к одному: «подобрать вожжи», находящіеся в руках преданнаго вождю ЦК партіи. Однако, и насчет преданности ЦК имѣется опыт прошлаго, который многому научил. В сущности, и ЦК 17-го с'ѣзда был вѣдь предан и, за вычетом нѣскольких одіозных фигур, хорошо подобран. А между тѣм пришлось его перетасовывать всѣ 5 лѣт. Дѣлалось это в совершенно незаконном порядкѣ, ибо нигдѣ в уставѣ не было предусмотрено право членов ЦК «выводить» из этого учрежденія друг друга. Сталин исправляет этот «организационный» недосмотр в новом уставѣ. Он снова вводит институт, который когда-то существовал, но был отмѣнен в 1934 году, а именно *партійныя конференціи*. Но вводя его, он радикально мѣняет его функціи и правовое положеніе, приспособляя его все к той же единственной цѣли — укрѣпленію своей власти. Конференція созывается без всяких «демократических» четыреххвосток, путем назначенія ея членов из мѣстных аппаратчиков, по указкѣ центра, и получает право «вывода» из ЦК до одной пятой части его членов. Это право конференціи — дискреціонное, а в остальном ея рѣшенія подлежат утвержденію со стороны ЦК. Таким образом одновременно создается суррогат партс'ѣзда, находящійся, однако, в полном подчиненіи ЦК, и, вмѣстѣ с тѣм, кнут над самим ЦК, в руках генсека. Этот маневр Сталина является едва ли не самым ловким.

И еще один опыт прошлого учел Сталин. Комсомол находился, конечно, всегда под полным влиянием ЦК ВКП. Но у него существовала видимость автономии. По прежним уставам и ВКП, и комсомола, последний был связан с партией идейно, но не организационно. 18-й партс'езд ввел в устав новую главу: «Партия и комсомол». И в этой короткой главѣ из четырех пунктов содержится еще болѣе краткое *coup d'état*: «ВЛКСМ проводит свою работу под руководством ВКП. ЦК ВЛКСМ, являясь руководящим органом комсомола, подчинен ЦК ВКП». Если находились еще до сих пор люди, которые вѣрили, что комсомол является «безпартийной» организацией молодежи, то отнынѣ такіе оптимисты должны окончательно умолкнуть. Комсомол — один из отдѣлов ЦК партии, открыто подчиненный генсеку этого ЦК — Сталину.

18-й с'езд, как известно, имѣл очень серьезную программу: выработку и утверждение плана третьей пятилѣтки. В порядкѣ «разговоров» этому пункту было удѣлено большое внимание. Но это были именно только разговоры. А настоящая «дѣловая» работа заключалась в утверждении новаго устава. Попутно было постановлено пересмотрѣть программу партии, которая оставалась неизмѣнной с 1919 года. По этому пункту с'езд ограничился краткой резолюціей, передоверив свои права по измененію программы все тому же ЦК, то-есть Сталину, который в своем докладѣ и дал уже общую «наметку» будущей новой программы. Не трудно предвидѣть, в каком направленіи будет изменена «идеологія» ВКП, которая имѣет одну ясную тенденцію: «пересмотрѣть» Маркса, утвердив единодержавіе Сталина и в плоскости идеологической. В той части доклада генсекретаря, которая была посвящена «нѣкоторым вопросам теории», «ревізія» большевизма в указанном направленіи была намѣчена довольно ясно.

Покончив с двумя китами стараго большевизма: диктатурой пролетаріата и господством его «авангарда» — партии, Сталин должен, в силу вещей, разоблачить третью фикцію — «научнаго социализма» по Марксу. Тоталитарный строй — это вождизм, а вождизм требует своих организационных форм и своей авторитарической идеологии.

Л. Горопецкій

Что и как должно быть подготовлено в каждом домѣ на случай внезапнаго воздушнаго нападенія?

1. — ДЛЯ УКРЫТІЯ СЛАБЫХ

Современная Европа находится, можно сказать без преувеличенія, на «осадном положеніи». Напряженное предгрозовое состояніе насыщает воздух. Бациллы войны отравляют его. И сам собою нарождается вопрос: с чего начнется столкновеніе тоталитарнаго и демократическаго блоков?

Вѣроятно же всего, оно начнется совершенно внезапно — «молніей в ночи», с массовых воздушных боев и взаимных безпощадных *разрушеній глубоких тылов*. Вот приблизительная картина подобной «внезапности», нарисованная в совѣтской «Красной Звѣздѣ» (ноябрь 1938 г.). «В случаѣ возникновенія войны между СССР и Германіей немедленно отдается приказ совершить налет на Кенигсберг, Гдыню (хотя это и не нѣмецкій, а польскій порт) и Киль. Наши аэропланы проносятся над Нѣманом, Вислой и Познанью. Мы приближаемся к Кюстрину и Франкфурту - на - Одерѣ. Мы сбрасываем бомбы вѣсом в тонну. Взрываются непріятельскіе нефтяные бассейны, ангары, аэродромы. Нам навстрѣчу вылетают непріятельскіе истребители, но они не могут остановить наших бомбовозов. В Бернау у нѣмцев есть подземный аэродром. Мы взрываем и его. Пролетѣвъ над желѣзнодорожным узлом Лихтенберг, мы воздерживаемся от искушенія превратить в развалины Берлин: наши воины не истребляют мирнаго населенія (! Н. И.). Они летят дальше к Ганноверу. Город погружен во мрак, но наши ребята на мѣстных заводах подают нам сигналы. Несмотря на всѣ попытки нѣмцев остановить нас, мы несемся к крупновским заводам и сносим их с лица земли»...

Войсковые фронты, — арміи «прикрытія», — в линіях Зигфрида и Мажино будут временно взаимно скованы. Заблаговременно стянутыя к границам ударныя мотомеханизированныя ча-

сти будут искать возможности пробить бреши - выходы для своих молниеносных дѣйствій или сдѣлать диверсію через малыя страны, имѣя объектами своих дѣйствій главные невралгическіе тыловые центры вражеской страны. Высшіе военные руководители оси Берлин - Рим до сих пор дѣлают свою ставку на войну, молниеносную во всѣх отношеніях, — и в воздухѣ, и на землѣ, — оканчивающуюся полной тоталитарной побѣдой над совершенно деморализованным врагом. Год тому назад, во время обсуждения в итальянской палатѣ военнаго бюджета, генерал Альберто Паріани, товарищ военнаго министра (Муссолини), котораго в Италіи считают великим техником современной войны на скорость и неожиданность нападенія, заявил, что генеральный штаб окончательно остановился на планѣ «молниеносной» войны: ряд мгновенных ударов в отдѣльные пункты непріятельской линіи, проникновеніе за ея предѣлы и разрушеніе жизненных центров врага, в соотвѣтствіи с чѣм было частично измѣнено вооруженіе итальянской арміи (новые типы танков и пр.). Но еще болѣе вышло и совершенно недвусмысленно было заявленіе в том же засѣданіи палаты главнаго начальника авіаціоннаго вѣдомства, генерала Валла, который указал, что генеральный штаб отводит в своих планах первенствующее мѣсто авіаціи. — «Опыт показал, что «фронтальная» война, неизбежно переходящая в статическую фазу, затягивает борьбу. Лучшій способ «очеловѣчить» войну, — как это ни звучит странно, — это сдѣлать ее возможно болѣе быстрой, даже если бы для этого нужно было прибѣгнуть к очень жестоким методам. Долбить с воздуха жизненные центры врага — вот путь къ побѣдѣ».

Защитники гуманных способов войны должны раз и навсегда забыть об «открытых мирных городах и их мирном населеніи». Романтизм войны кончился уже давно. Апокалиптическій звѣрь будет выпущен из бездны со всѣми его атрибутами...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что глубокіе тыловые авіаціонные, мобилизационные, желѣзнодорожные, военно-оборонные и административно - политическіе центры, столицы и их населеніе, — примут на себя самые первые воздушные вражескіе удары. Первые разрушенія, отравленія и пожарища, первыя жертвы и кровь — будут в тылах...

Тыловая армія граждан пассивной обороны, — с момента перваго налета и до дня окончательнаго перемирія, — будет иг-

рать огромную, исключительную роль, о чем мы подробно говорили на страницах февральской книжки «Русских Записок». Там мы дѣлали особый упор (и подтверждали примѣрами) — на необходимость организаци *домовой самообороны*, как на первичную ячейку и молекулу всей системы временной ПВХО большого тылового центра.

Настоящая статья посвящается расшифровке того, что и как должно быть сдѣлано и подготовлено в каждом домѣ и в предѣлах его территории, дабы при внезапном вражеском налетѣ можно было быстро и надежно укрыть и сохранить всѣх беспомощных и слабых и дать в руки сильных все необходимое для самой энергичной и дѣйственной борьбы. Отнюдь не претендуя на безспорность и исчерпывающую полноту, мы постараемся посильно и, так сказать, академически отвѣтить на тревожный и беспомощный вопрос рядового обывателя, который так панически звучал почти в каждой семьѣ и доминировал над всѣм в напряженные дни истекшаго сентябрьскаго кризиса: «что же нам нужно дѣлать?»...

Прежде всего в каждом домѣ такого большого города, как столица, должно быть сдѣлано раздѣленіе жильцов, путем личного их опроса, на категоріи: а) подлежащіе мобилизаци, б) работающіе на военно - оборонных заводах, в) желающіе эвакуироваться и г) всѣ остальные жильцы обоого пола, которые твердо рѣшают оставаться в городѣ и своем домѣ, заранее соглашаясь на возможный риск и тяготы, связанные с послѣдствіями воздушных налетов. Каждая категорія жильцов должна быть занесена в особый список, и списки эти должны постоянно исправляться владѣльцами домов, консьержами или особо назначенными лицами.

Чрезвычайно желательно и, даже можно сказать определеннѣе, необходимо, чтобы возможно большее число граждан, не связанных обязательной необходимостью оставаться в городѣ, — покинуло его. Извѣстно, что в послѣдніе дни сентября прошлаго года из пяти милліонов обитателей Парижа выѣхало около милліона. Этого количества, конечно, недостаточно; но на вопрос: кака я часть жителей столицы должна, в среднем, подлежать эвакуаци? — мнѣнія авторитетов расходятся. Генерал итальянской службы Лавіано говорит, что город должна покинуть большая часть жителей; б. австріец, генерал Эйб, считает, что $\frac{2}{3}$ населенія большого города — городу вовсе не нужны; англійскій специалист по ПВХО — Рійс Дженкинс требует, чтобы обязательно были уда-

лены всё «безполезные рты». Столь же категоричны мнѣнія французскихъ руководителей пассивной обороны страны — маршала Петэна, генералов Нисселя, Дюшена, Серриньи и полк. Карвиль. Мы упоминаемъ объ этомъ лишь вскользь, ибо вопросъ о своевременной и планомѣрной эвакуаціи и «распыленіи» столичнаго населенія являетъ собою проблему первостепенной важности, требующую всесторонняго освѣщенія, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ, въ связи съ вновь обострившейся и напряженной международной обстановкой, — вопросъ этотъ приобрѣлъ остро - злободневное и, да прости меня читатель за грубость, самое шкурное значеніе для многихъ сотенъ тысячъ и *даже миллионовъ людей.*

Домовой списокъ остающихся жильцовъ долженъ быть раздѣленъ на двѣ категоріи: 1) *слабыхъ* и не могущихъ носить противогазы, какъ-то: дѣтей, больных, глубокихъ стариковъ, отъ которыхъ нельзя требовать не только никакой активной помощи въ дѣлѣ будущей защиты дома, но которые должны быть сами куда-то укрыты и охраняемы и 2) *сильныхъ*, т. е. могущихъ работать въ противогазахъ и, если понадобится, въ защитныхъ костюмахъ и нести на своихъ плечахъ тяготы по противовоздушной оборонѣ дома, — женщинъ, подростковъ, бодрыхъ стариковъ, инвалидов и т. д. Изъ отбора сильныхъ образуется группа домовой самозащиты (подробная организація этой группы была указана въ вышеупомянутой книжкѣ «Р. З.»). Но если не представляется возможнымъ осуществить эту организацію въ дѣлѣ, — то обязательной является хотя бы зачаточная ея форма, въ видѣ *домовыхъ сторожей - наблюдателей.* Безъ этого предѣльнаго минимума, какъ начальнаго момента ПВХО, немыслима, вообще говоря, никакая система пассивной защиты большого тылового города, разбросаннаго иногда на значительной территоріи (Берлинъ — 300 кв. килом.; Парижъ — свыше 400 кв. кил. и т. п.).

Что должно быть заблаговременно сдѣлано въ каждомъ большомъ городскомъ домѣ для укрытія и защиты слабыхъ? Здѣсь должны быть примѣнены, главнымъ образомъ, мѣры коллективной защиты.

Во-первыхъ, — одно *общее домовое газозубжище* и, во-вторыхъ, — *защитная комната* (или нѣсколько ихъ), изъ расчета размѣщенія въ этихъ специальныхъ помѣщеніяхъ всего списочнаго числа слабыхъ даннаго большого дома (или 2-3 малыхъ сосѣднихъ домовъ) плюсъ нѣкоторый запасъ (до 25%) для размѣщенія лицъ, которыя при внезапномъ налетѣ будутъ искать защиты и укрытія съ улицы. Такъ, напр., если по домовому списку жилого массива нужно укрыть при

воздушной атакѣ, примѣрно, 100 «своих» слабых, то общая вмѣстимость всѣх домашних укрытій должна быть рассчитана на $100 + 25 = 125$ (130) чел. Если в домашнем газобѣжищѣ возможно размѣстить до 80 чел., то для укрытія остальных 45 - 50 чел. Нужно подготовить 3 защитных комнаты, т.к. в обычную среднюю жилую комнату, оборудованную как защитную, нормально размѣщается до 15 человек. Минимальное время укрытія во всѣх таких помѣщеніях слабых — должно приниматься в 3 часа, ибо нужно заранее считаться с неизбежностью повторных налетов. Об устройствѣ нормального домашнего газобѣжища, обеспечивающаго защиту слабых от осколочнаго дѣйствія фугасных аэробомб и проникновенія отравляющих веществ, будет сказано в слѣдующей статьѣ: «Что должно уйти под землю в предвидѣніи будущей войны?» Здѣсь же мы конспективно опишем лишь подготовку и оборудованіе подручными средствами *защитной комнаты*.

Защитныя комнаты, в зависимости от системы их оборудованія, могут быть двух типов: 1) герметического, совершенно без доступа наружнаго воздуха в період химической тревоги в районѣ даннаго дома, и 2) вентиляціоннаго, с особым (весьма простым) угольно - земляным фильтром, накачивающим в такой період в защитную комнату наружный воздух и, если он отравлен газами, автоматически и нацѣло очищающим его от вредных химических примѣсей. И в том, и в другом случаѣ общей идеей является, — чтобы всѣ размѣщенные в подобных защитных комнатах находились *без противогазов* и спокойно дышали нормальным воздухом во весь період времени от поданнаго сигнала «химической тревоги» до сигнала «отбой», когда минет всякая опасность газовых отравленій на территоріи даннаго дома. Исходной нормой вмѣстимости в герметически оборудованной комнатѣ принимается 2 кубич. метра воздуха на 1 человек в 1 час; в комнатѣ, оборудованной вентиляціонным фильтром, рассчитывается не об'ем воздуха, а площадь пола, — по 1 квадр. метру на 1 человек, при чем площадь, занятая вещами и мебелью, в расчет не принимается. В комнатѣ, оборудованной вентиляціонно, обычно можно помѣстить людей в полтора раза больше, чѣм в герметической.

Под защитныя комнаты приспособляются обыкновенныя жилия помѣщенія, преимущественно с наименьшим количеством окон и дверей; с прочными, по возможности, капитальными стѣнами, оштукатуренными с обѣих сторон, с возможно плотным полом

и потолком, — ибо все дальнѣйшее приспособленіе такой комнаты под «защитную» будет итти под одним основным требованіем — *предельной герметичности*. Защитныя комнаты рекомендуется располагать, по возможности, в средних этажах зданій (напр., — в 3-м или 4-м этажѣ шестиэтажнаго дома), так как газовыя облака от разрывов ударных химических аэробомб и взрывныя волны фугасных бомб не смогут подняться на такую высоту, а зажигательныя аэробомбы малаго и средняго калибра не смогут пробить перекрытій верхних этажей и зажечь пожар; остается лишь угроза разрушенія дома от прямого попаданія тяжелой фугасной бомбы, но вѣроятность такого попаданія очень мала и защитных мѣр от подобной угрозы все равно нѣтъ никаких. Если же защитныя комнаты приходится оборудовать в нижних этажах, — необходимо обращать особое вниманіе на защиту окон от осколков и взрывной волны близко разрывающихся фугасных бомб и от возможнаго затѣм проникновенія боевых газов. Над защитной комнатой, как правило, не должны находиться кухни, ванныя комнаты и уборныя, ибо, в случаѣ даже незначительнаго промоканія потолка или стѣн, от небольшого сотрясенія может отвалиться штукатурка, и главное защитное качество — герметизація комнаты — нарушится. Вход в защитную комнату ни в коем случаѣ не должен быть прямо со двора или улицы, но из коридора или смежной комнаты; а так как вход в большинствѣ комнат служит и выходом, то является совершенно необходимым, чтобы такой вход - выход был неподалеку от общей домовою лѣстницы, дабы имѣть вполнѣ обезпеченную и быструю возможность вывода размѣщенных в комнату людей в случаѣ необходимости (обвал части дома; разгорѣвшійся сосѣдній пожар и т. п.).

При подготовкѣ защитной комнаты — полностью и тщательно, с величайшим вниманіем, герметизируются пол, стѣны и потолок; задѣлываются малѣйшія замѣтныя в них щели и трещины, а также щели под плинтусом, в полотнѣ двери и в оконных рамах; особенное вниманіе обращается на всѣ углы и стыки. Большія щели задѣлываются при помощи пакли, войлока и деревянных реек и планок на клею; малыя — шпаклюются и заклеиваются в двз слоя бумажными полосами; затѣм всѣ задѣланныя мѣста прокрашиваются *).

---

*) Хорошую герметизацію пола дает тщательно настланный и хорошо пригнанный по стыкам — линолеум.

Но чуть ли не самым важным вопросом является, — как сделать газонепроницаемыми окна и двери? В окнах — слабым местом являются стекла, которые могут легко полопаться от взрывной волны, даже отдаленной. Для защиты их необходимо с наружной и внутренней стороны делать железные или деревянные ставни или навешивать заранее заготовленные с'емные щиты. Между наружным ставнем (щитом) и рамой — полезно в'шать тонкий, но плотный веревочный мат, а на самыя стекла наклеивать по диагоналям полоски бумаги. Всѣ щели в рамах должны быть тщательно промазаны обыкновенной замазкой и обязательно заклеены затѣм двумя или тремя слоями бумаги на мучном клейстерѣ. На газонепроницаемость двери должно быть обращено особое вниманіе. Полотно двери тщательно шпаклюется и прокрашивается масляной краской. Замочныя скважины дважды изнутри и снаружи заклеиваются плотной бумагой. К ребрам двери и дверной коробки прибиваются полоски из сукна, резины и т. под. матеріалов. На полу под дверью полезно сдѣлать невысокій порог, дабы добиться возможной газонепроницаемости снизу (постоянная тяга болѣе холодного наружного воздуха). Как общее правило, — слѣдует во всѣх случаях добиваться плотнаго прилеганія к дверной рамѣ прокладки по всему периметру двери. Для усиленія подготовленной, таким образом, герметизаціи окон и двери защитной комнаты в період самой газовой опасности (по сигналу химич. тревоги и до сигнала «отбой») на окна и дверь навешивают заранее заготовленные и пригнанные по своим мѣстам плотныя, толстыя занавѣси или одѣяла, смоченныя водой.

Послѣ того как достигнута газонепроницаемость и возможная защита от волны взрыва и осколков, — защитная комната должна быть оборудована необходимыми приборами и инвентарем (до періода надобности хранимыми, как и оконныя щиты, маты и пр., в особом помѣщеніи). В герметически оборудованной комнатѣ (без доступа наружного воздуха) должны быть спеціальныя приборы для автоматическаго освѣженія воздуха (регенерациі), — т. е. приборы, вырабатывающіе кислород, и приборы, поглощающіе избыток углекислоты и влаги.

Приборы эти весьма просты и представляют собою небольшіе, с под'емными крышками, деревянные ящики, которые заблаговременно покупаются в готовом видѣ или изготовляются домашним способом, хранятся затѣм в особом помѣщеніи и в'шаются на стѣ-

нах защитных комнат при угрозе возможных воздушных нападений, как то было, напр., в дни сентябрьскаго кризиса. Крышки ящиков открываются лишь в период газовой опасности для даннаго дома, — т. е. в период химической тревоги. Для получения добавочнаго кислорода подобный ящик заполняется особым химическим составом — оксплитом (иногда называется — проксиленом или проксилитом), состоящим из перекиси натрия и перекиси марганца, с небольшим (6%) добавленіем воды. Такой ящик обычно содержит 4,6 килогр. оксилита, который, согласно нормы — 1 кил. оксилита выдѣляет 75 литров кислорода—дает возможность ввести в комнатный воздух 350 литров чистаго кислорода, что совершенно достаточно для нормальнаго дыханія 15 человекъ слабых, находящихся предѣльно в защитной комнатѣ, в теченіе 1 часа (15 чел. $\times$ 23 литра кисл. в 1 ч. = 345 л. ч.). А так как минимальным сроком пребыванія в такой комнатѣ людей является 3 часа, то на стѣнах комнаты нужно имѣть не один, а три подобных оксилитных ящика. Для поглощенія выдыхаемой углекислоты примѣняются ящики с ѣдким натром; каждый ящик заключает 6,6 килогр. натра, каковое количество по нормѣ: 1 кил. поглощает 100 литров углекислоты — в состояніи поглотить всего до 700 литров углекислоты. Если принять теперь во вниманіе, что 1 чел. в час выдыхает 21 литр углекислоты, а 15 чел., слѣдовательно, выдѣлят 300 литров, — то полезное дѣйствіе одного ящика с ѣдким натром будет равно $700 : 300 = 2\frac{1}{3}$ часа. Это показывает, что подобных ящиков для полнаго поглощенія избытка углекислоты в защитной комнатѣ в теченіе трех часов нужно два, — что и надлежит заготовить заранее. Все сказанное касается защитных комнат герметическаго типа, т. е. совершенно без доступа наружнаго воздуха.

В защитных комнатах второго типа, предварительно также герметизированных в отношеніи стѣн, потолка, пола, окон и дверей, — все основано на автоматической подачѣ во весь период газовой опасности для даннаго дома в необходимом количествѣ наружнаго атмосфернаго воздуха, предварительно очищеннаго от всѣх вредоносных химических примѣсей, т. е. отравляющих веществ и дымов. Этот очищенный воздух должен с силой и напором циркулировать по комнатѣ и, таким образом, непрерывно вентилировать ее. Для сего в защитной комнатѣ должен быть установлен специальный прибор - фильтр поглотитель с вентилятором. Такой прибор, заключающій в себѣ очищающія химическія и механиче-

скія вещества и противодымный фильтр (как в людском противогазѣ), может быть приобрѣтен в готовом видѣ (что, сравнительно, дорого) и затѣм установлен в защитной комнатѣ; но он - же может быть изготовлен и домашним способом, подручными средствами и из подручных матеріалов, ибо устройство его весьма просто и вполне доступно самим домохозяевам и жильцам. Прежде всего, из полудюймовых досок или толстой фанеры прочно и плотно сколачивается ящик кубической формы с величиной ведущаго ребра в $\frac{1}{2}$ метра. На разстояніи 10 сант. от дна ящика устанавливается (на вертикальныя угольныя стойки) второе дно — или из легкой металлической стѣжки, или из фанеры с мелкими дырочками (подобно фанерному сидѣнію обыкновеннаго стула); поверх этого дна постилается в 2 - 3 слоя марля или тонкій (1 сант.) слой соломы. Крышка ящика — вкладная и должна пригоняться к стѣнкам очень плотно с помощью войлочной или суконной прокладки; в крышкѣ дѣлается отверстіе в 10 сант. ширины и такое же отверстіе в боковой стѣнкѣ ящика — между первым и вторым (вставным) дном. Такой ящик снаряжается двумя поглотителями — *землей* (торфом) и обыкновенным древесным, хорошо обожженным *углем*; землю лучше всего брать черноземную — садовую, огородную, лѣсную, — хорошо высушенную и просѣянную; уголь дробится на кусочки около 1 сант. На вставное дырчатое дно ящика насыпается слой приготовленной таким образом земли, высотой в 25 сант.; затѣм, поверх, тонкій слой соломы и слой угля в 10 сант., прикрываемый марлей в нѣсколько слоев. Крышка ящика плотно закрывается, но так, чтобы она не доходила до слоя угля на 5 сант., упираясь на угольныя стойки. Над отверстіем крышки прочно (винтами) и герметично укрѣпляется вентилятор или обыкновенные мѣхи, раскачиваемые затѣм вручную; соединеніе это хорошо промазывается замазкой. Изготовленный таким образом фильтр - вентилятор устанавливается (когда будет то необходимо) у той стѣны защитной комнаты, к которой ближе и удобнѣе всего можно подвести (через отверстіе в стѣнѣ) высокую желѣзную, забирающую воздух трубу; труба вставляется в нижнее боковое отверстіе ящика, и соединеніе это тщательно герметизируется, как и соединеніе в стѣнѣ комнаты.

При мѣстной газовой опасности, по сигналу химической тревоги, двери защитной комнаты плотно закрываются и занавѣшиваются мокрыми полотнищами; начинают непрерывно (по очере-

ди, установленной завѣдывающим комнатой) качать мѣхи фильтра - поглотителя. Наружный отравленный воздух засасывается в высокую наружную трубу; входит и заполняет пустоту между днищами; протягивается сквозь слои земли и угля и, очищенный, входит и циркулирует по защитной комнатѣ. Так продолжается, — пока не будет подан сигнал «отбой», когда для данного дома миновала химическая опасность. Подобный «домашний» фильтр - поглотитель может очищать и подавать в защитную комнату до 30 куб. метров воздуха в 1 час, что совершенно достаточно для тѣх 15 человекъ слабых, которые могут здѣсь быть предѣльно размѣщены.

Инвентарь каждой защитной комнаты должен состоять из слѣдующих предметов: скамейки или стулья по числу людей, приписанных к данной комнатѣ; плотно закрывающійся сосуд с кипяченой питьевой водой из расчета $\frac{1}{2}$ литра на человекъ; одѣяла или занавѣси для закрыванія окон и дверей по сигналу химической тревоги; ведро с водой и лейка для быстрого смачиванія одѣяла или занавѣсей; электрической карманный фонарь, свѣчи и спички; огнетушитель; веревочная лѣстница; выносное ведро; запасные — гвозди, полосы бумаги, рейки, молоток, топор, клещи, клейстер; аптечка; диван или кровать — для почувствовавших недомоганіе. Над входом в защитную комнату должен висѣть небольшой синий фонарь - лампочка. Указанный инвентарь должен быть заготовлен заранее и должен храниться в особом помѣщеніи до очередной угрозы возможных воздушных нападений.

Теперь остается сказать нѣсколько слов о тѣх обязательных правилах, которыя должны соблюдаться всѣми слабыми в період нахождения их в защитной комнатѣ. Комната занимается по сигналу ВГ (возд. тревоги) — напр., реву сирен—только тѣми слабыми, которые приписаны именно к этой комнатѣ. С этого момента всѣ, находящіеся в комнатѣ, поступают в полное подчиненіе заранее назначенному завѣдывающему комнатой и выполняют его распоряженія. Комната должна заполняться спокойно, без суеты и проявленій паники, за чѣм особенно должен наблюдать завѣдывающій в этот критическій момент. Громоздких вещей и большого количества сѣстных припасов приносить в комнату нельзя. Люди размѣщаются на стульях, скамейках и т. д. Нужно стараться сохранять спокойствіе и возможную тишину. Необходимо всѣми возможными мѣрами (особенно в комнатах герметического типа) ох-

равнять воздух от обѣдненія кислородом и загрязненія углекислотой, посторонними запахами и т. д., для чего категорически запрещается: курить; зажигать спиртовки, лампы и свѣчи (последнія — в случаѣ крайней необходимости); ходить без надобности по комнатамъ; производить, вообще, такія работы и дѣйствія, которыя могут вызвать порчу столь драгоценнаго в такой обстановкѣ воздуха. За всѣмъ этимъ должен неослабно наблюдать завѣдывающій комнатой и в корнѣ пресѣкать начинающійся беспорядок и, самое главное, проявленіе паники. Двери защитной комнаты остаются полукрѣпы до момента подачи домовой «химической тревоги» (заранѣе установленнаго сигнала). С момента же этого сигнала и до новаго сигнала — «отбой» — дверь плотно закрывается, и внутри на нее и на окно немедленно навѣшиваются намоченныя водою занавѣси или одѣяла. Выходят люди из комнаты лишь с разрѣшенія завѣдывающаго послѣ того, как будет подан общій сигнал ПВО об окончаніи налета.

Так, в немногих словах, происходит укрытіе «слабых». О том, что и как должно быть заготовлено в каждом домѣ для борьбы с воздушной опасностью «сильных», — мы поговорим в слѣдующей статьѣ.

Н. Иванов

Сербо - Хорватская проблема

Разногласія между сербами и хорватами, которыя с самага дня созданія королевства сербов, хорватов и словен отравляли политическую жизнь Югославіи, в ближайшем будущем будут, по всей вѣроятности, улажены. Смѣнившій Стоядиновича новый глава югославскаго правительства Цвѣткович, послѣ первой, давшей благоприятные результаты, бесѣды с предсѣдателем сербо - хорватской коалиціи д-ром Мачеком, вновь поѣхал в Загреб, чтобы окончательно договориться с вождем хорватов об образованіи кабинета національнаго объединенія, задачей котораго будет подготовить переустройство югославскаго государства на федеративных началах. Как возник и в чем заключался конфликт между сербами и хорватами, благополучное разрѣшеніе котораго должно явиться залогом развитія и укрѣпленія Югославіи, оплота славянства на Балканах?

I.

В момент распада австро - венгерской монархіи Хорватія, автономная часть венгерскаго королевства, включала, собственно, Хорватію, Славонію и Далмацію. В теченіе вѣков границы Хорватіи неоднократно мѣнялись. Так, до завоеванія ея турками, независимое хорватское государство состояло из трех провинцій: Красной Хорватіи, которая включала Далмацію, и части Босніи и Герцеговины; бѣлой Хорватіи, соотвѣтствовавшей теперешней Хорватіи, и Славоніи. Послѣ освобожденія от турецкаго ига и овладѣнія Габсбургами Далмаціей, Хорватія (без Босніи и Герцеговины, оставшихся во владѣніи турок до 1878 г.) приняла имя тріединаго королевства Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Хорваты сами всегда считали и продолжают считать Далмацію составной и неотъемлемой частью хорватской территоріи и требуют поэтому включенія в будущую автономную Хорватію всѣх земель бывшаго тріединаго королевства, то есть и Далмаціи.

Населеніе Хорватіи, Славоніи и Далмаціи насчитывает нѣсколько болѣе пяти милліонов; большинство населенія исповѣдует католицизм; меньшинство принадлежит к православному вѣроисповѣданію. Это меньшинство считает себя с точки зрѣнія національной сербами; хорваты же считают их хорватами православнаго вѣроисповѣданія («Православни Хорваты»); язык у сербов и хорватов один и тот же. Никакой разницы между нарѣчіями сербским и хорватским нѣтъ; единственная разница в алфавитѣ, которым пользуются сербы и хорваты: первые пользуются русским алфавитом (кириллицей), а вторые — латинским.

Было бы большою ошибкой думать, что сербы или хорваты были угнетаемы венграми или разсматривались как граждане второго сорта. Сербскіе и хорватскіе политическіе дѣятели, наиболѣе враждебно относившіеся к австро - венгерской монархіи и в немалой степени содѣйствовавшіе ея разрушенію, как Прибичевич и Трумбич, и тѣ признавали, что юго-славяне пользовались в Австріи и Венгріи всѣми политическими свободами и всѣ их гражданскія права тщательно охранялись. «Южные славяне в Австро-Венгріи, — пишет Прибичевич, — не имѣли національнаго государства; высшая власть в монархіи принадлежала нѣмцам и венграм, и это было невыносимо и тягостно для славян по соображеніям національным и моральным».

Национальное чувство, стремленіе к об'единенію и к государственной самостоятельности возникло среди южных славян поѣтому вовсе не вслѣдствіе политических преслѣдованій и плохой администраціи, а в видѣ протеста против господства в австро - венгерской монархіи нѣмецкаго и венгерскаго элемента. Что же касается управленія, то Австро - Венгрія имѣла всѣ основанія гордиться своей администраціей, одной из лучших в довоенной Европѣ.

Может быть, превращеніе Австро - Венгріи в тройную или четверную (путем образованія четвертаго государства Чехо - Моравскаго) конфедерацію и могло бы спасти ее от развала, но венгры и слышать не хотѣли об отдѣленіи Хорватіи. Для Будапешта Хорватія была одной из земель короны Св. Стефана, от господства над которой венгры не считали возможным отказаться. За нѣсколько мѣсяцев до разгрома Австро - Венгріи два хорватских политических дѣятеля, Стефан Радич и д-р Хорват, убѣдили императора Карла согласиться на выдѣленіе южных славянских земель в осо-

бое государство. Император, однако, добавил, что осуществление этого плана зависит не столько от него, сколько от венгерскаго министра председателя гр. Тиссы.

Покойный Радич рассказал мнѣ как-то трагическую сцену, произошедшую между хорватскими представителями и Тиссой. На всѣ убѣждения хорватских политиков, что осуществление идеи федерализма единственное средство спасти Австро - Венгрію от гибели и распада, Тисса отвѣтил, что, может быть, Венгрія и будет разбита, но у нея всегда будет еще достаточно сил, чтобы раздавить Хорватію.

II.

С образованием между 1898 и 1903 г. г. трех новых партій: независимой сербской, во главѣ с Прибичевичем, крестьянской, во главѣ с Радичем, и прогрессистской, во главѣ с Лорковичем, закончилось безраздѣльное господство в Хорватіи партіи права. К тому же, послѣ смерти Старчевича, основанная им партія раскололась: меньшинство, во главѣ с д-ром Франком, продолжало настаивать на соглашеніи с Будапештом на основѣ федерализма и равенства прав славян с венграми и нѣмцами, большинство же примкнуло к программѣ слиянія всѣх южных славян, то есть, включая и сербов Сербскаго и Черногорскаго Королевств, в единое государство, хотя бы и под скипетром Габсбургов. Еще в 1897 году три молодых студента, будущіе вожди партій, Прибичевич, Радич и Лоркович, опубликовали манифест, в котором заявляли, что сербы и хорваты один и тот же народ. Единство южных славян не может быть поэтому достигнуто в рамках Австро - Венгрии, и единственное возможное рѣшеніе югославской проблемы это — отдѣленіе всѣх хорватско - сербских земель от габсбургской монархіи и образование из них, а также и Сербіи с Черногоріей, единого независимаго югославскаго государства. Но чтобы эта программа, к которой примкнули и словены, осуществилась, — понадобилась европейская война и разгром Австро - Венгрии.

Первым официальным документом, в котором говорится о соединеніи Хорватіи и Словеніи с Сербіей, является подписанная лѣтом 1917 г. на о. Корфу Пашичем и Трумбичем декларация, в которой воззвѣщается воля «народа с тремя именами» образовать единое королевство сербов, хорватов и словен.

19 октября 1918 г. національный югославский совет, в который входили представители Хорватии, Боснии, Далмации, Истрии и Словении, принял резолюцию о разрыве этих земель с монархией и династией Габсбургов и об образовании из южных славянских провинций Австро - Венгрии суверенного и независимого государства хорватов, словен и сербов.

29 октября того же года хорватский сейм (Сабор) единогласно утвердил эту резолюцию и уполномочил Национальный Совет привести в исполнение решение Сабора об образовании из Хорватии, Славонии, Далмации (о Словении и Боснии в резолюции Сабора не говорилось, ибо его компетенция не распространялась на эти страны) общего государства с Сербией и Черногорией; при этом Сабор указал, что будущая Югославия должна быть образована из соединения *суверенного* государства Хорватии, Далмации, Славонии, Истрии и Боснии с другим *суверенным* государством, Сербией и Черногорией, на равных правах.

9 ноября 1918 г. сербский министр председатель Пашич и представители Загребского Национального Совета заключили в Женеве соглашение, по которому было решено, что сербское правительство и Национальный Совет будут каждый продолжать управлять и впредь территориями, на которые распространялась в момент подписания соглашения их власть, до принятия Учредительным Собранием Конституции, имющей установить окончательно организацию государства.

Первого декабря 1918 г. состоялось официальное объединение и образование королевства сербов, хорватов и словен. Двое представителей Хорватии, Трумбич и Прибичевич, вошли в состав нового правительства и получили: первый портфель министра иностранных дел, а второй — внутренних.

III.

Выборы в Учредительное Собрание состоялись только через два года, 28 ноября 1920 г. В течение этих двух лет во всех вновь присоединенных провинциях велась страстная агитация и борьба вокруг вопроса, будет ли королевство сербов, хорватов и словен государством унитарным или федеративным. Хорватская крестьянская партия, которая с 1919 г. начинает играть господствующую роль в Хорватии, выдвинула наиболее радикальную програм-

му, потребовав созданія независимой нейтральной хорватской крестьянской республики. Правда, глава партіи Ст. Радич соглашался сохранить какую-то связь с Сербіей и Словеніей и не настаивал на отмѣнѣ монархіи в этих странах, но было ясно, что осуществленіе программы крестьянской партіи было возможно лишь при условіи замѣны в Сербіи монархіи республикой.

Партія права (франкисты) требовала полной независимости Хорватіи, совершенно умалчивая о связи Хорватской республики с Сербіей и Словеніей. Всѣ же остальные хорватскія и словенскія партіи, кромѣ независимой сербской, требовали образованія триалистической сербо - хорвато - словенской монархіи, в которой каждая из трех стран будет пользоваться полной независимостью в своих внутренних дѣлах. По существу это свелось бы к перенесенію на новую почву системы, существовавшей в Австро - Венгріи.

Одна только независимая сербская партія, во главѣ которой стоял Прибичевич, высказалась в пользу унитарнаго сербо - хорвато - словенскаго государства, так как, по мнѣнію Прибичевича, только общее законодательство и общая администрація могут сблизить всѣ три вѣтви сербскаго народа, об'единить их и дать таким образом возможность создать единую и сильную Юго-Славию.

Политическіе противники Прибичевича утверждали, что Прибичевич защищал идею унитаріума исключительно по личным и партійным соображеніям. Я думаю, что это невѣрно. Правда, очень крупный политическій дѣятель, Прибичевич был вмѣстѣ с тѣм человеком огромнаго самолюбія, упорно цѣплявшимся за власть. Как православный серб, он не очень довѣрял хорватам - католикам, не чувствовал к ним симпатій и предпочитал для хорватских сербов унитарный режим, который мог бы их больше обезпечить от господства хорватов - католиков, чѣм режим федеративный. Но Прибичевич был в то же время искренним и убѣжденным демократом и столь же убѣжденным сторонником югославской идеи. Прибичевич, дѣйствительно, хотѣл создать единую, сильную, демократическую и свободную Югославию, каковой, по его мнѣнію, могло быть только унитарное, а не федеративное королевство сербов, хорватов и словен. Вся драма, и личная, Прибичевича, в послѣдніе годы его жизни, и, отчасти, и сербо - хорватская, возникла и приняла такіа трагическія формы вслѣдствіе того, что Прибичевич и его сторонники и сербскіе государственные дѣятели, с

королем Александром во главѣ, по разному понимали идею единства Югославіи. Прибичевич силился создать единое *югославское* государство, в кот. сербы, хорваты и словены должны были пользоваться одинаковыми правами и в котором ни один из трех народов не должен был господствовать над другими, тогда как сербы и, в частности, король Александр, понимали под Югославіей — Великую Сербію, что совершенно не одно и то же, так как идея Великой Сербіи означала господство и гегемонію сербскаго элемента стараго сербскаго королевства и предоставленіе ему главных постов в арміи, дипломатіи, администраціи и так далѣе. Вся власть должна была быть сосредоточена в руках сербов стараго королевства. И, дѣйствительно, с 1920 г. всѣ крупные чиновники хорваты были замѣнены сербами. Армія осталась сербской, и ни один хорват не мог дослужиться до чина генерала. Полиція и администрація в Хорватіи были сербизованы. Государственный дѣятель, самолюбивый, упорный и одаренный твердой волей, Прибичевич в первые годы настойчиво добивался осуществленія своего идеала, и, в процессѣ борьбы с своими противниками в Хорватіи, не хотѣл замѣтить, а может быть и не замѣтил, постепенной замѣны идеи югославскаго унитарнаго государства идеей государства великосербскаго. Он беспощадно преслѣдовал Радича, его сторонников и федералистов и, по его инициативѣ, Радич был в 1924 г. арестован. А когда Прибичевич убѣдился, наконец, что, отчасти при его содѣйствіи, Юго-Славія превратилась в Великую Сербію, управляемую исключительно сербами стараго королевства, то было уже поздно исправить допущенныя им же ошибки. Вождю сербской независимой партіи и одному из создателей унитарнаго королевства сербов, хорватов и словен ничего не осталось, как перейти в оппозицію и заключить союз с тѣм же самым Радичем, котораго он так упорно преслѣдовал с 1920 по 1925 год. И нужно признать, что в свою борьбу против унитаризма и за переустройство Юго-Славіи на федеративных основах Прибичевич внес столько же страстности, искренности и упорства, сколько и в свою дѣятельность по созданію унитарнаго королевства сербов, хорватов и словен.

Что же касается Радича, то он был совершенно исключительно народным оратором и агитатором, но довольно посредственным государственным дѣятелем.

IV.

На выборах в Учредительную Скупщину хорватская крестьянская партия одержала блестящую победу, получив 230.000 голосов, из 440.000 поданных в Хорватии, и 49 мандатов из 93.

28 июня 1921 г., в годовщину битвы при Коссове, где в 1389 г. сербы были раздавлены турками, Учредительная Скупщина приняла новую унитарную конституцию, прозванную Видовданской по дню ее голосования. Огромное большинство хорватских депутатов голосовало против конституции и после ее принятия торжественно протестовало против отмены автономии Хорватии.

Видовданская конституция оставалась в силе семь с половиной лет, до провозглашения в январе 1929 г. королем Александром диктатуры.

Введение в действие конституции, связанное с усиленной сербизацией всего управления государством, вызвало в Хорватии резкую оппозицию и сопротивление, — правда, в формах легальных. В беседах со мной в 1923 г. Радич охарактеризовал создавшееся в Хорватии положение следующей фразой:

— Раньше мы были авангардом Европы в Азии, а теперь стали арьергардом Азии в Европе.

В этой фразе было, конечно, некоторое преувеличение, но она правильно определяла общее настроение в Хорватии, крайне враждебное унитаризму или, точнее, сербизации всей администрации края.

В начале 1925 г. Радич, только что вернувшийся из Москвы, где он примкнул к Зеленому (крестьянскому) Интернационалу, был по настоянию Прибичевича арестован «за его деятельность за-границей». На основании найденных при обыске у Радича документов, не трудно было самым законным образом отправить главу крестьянской хорватской партии на каторгу, но так как на произошедших в этом же году выборах в Скупщину партия Радича одержала новую блистательную победу, то Пашич предпочел вступить с сидевшим в тюрьме Радичем в переговоры. 27 марта 1925 г. Павел Радич, племянник вождя крестьянской партии, огласил в Скупщине написанную Ст. Радичем декларацию, в которой заявлялось, что хорватская крестьянская партия принимает Видовданскую конституцию и признает династию Карагеоргиевичей. После этой декларации стовориться было не трудно. Радич не только был

выпущен на свободу, но в новом кабинетѣ, образованном главой демократической партіи Давидовичем, послѣ неожиданнаго и поразившаго всѣх удаленія Палпича от власти, представители крестьянской партіи получили нѣсколько портфелей, причем сам Радич был назначен министром народнаго просвѣщенія.

Насколько я могу судить, Радич согласился на признаніе Видовданской конституціи и династии вовсе не потому, что, как тогда говорили в Бѣлградѣ, он боялся суда и хотѣл выйти из тюрьмы, а потому, что он искренно желал путем мирнаго и лойальнаго сотрудничества с сербами разрѣшить хорватскую проблему и построить, как он мнѣ сам говорил, общій дом, гдѣ всѣ могли бы свободно жить и работать.

К сожалѣнію, этот первый опыт сотрудничества сербов с хорватами закончился очень неудачно. У Давидовича не оказалось достаточнаго авторитета, чтобы добиться уступок для хорватов, а руководящіе сербскіе круги просто хотѣли прикрыть престижем Радича политику сербизаціи. Присутствіе Радича и его сторонников в кабинетѣ ничего хорватам, кромѣ разочарованій, не принесло, и в началѣ 1926 г. представители хорватской крестьянской партіи в министерствѣ подали в отставку. Переход Радича снова в оппозицію положил начало к сближенію его с отстраненным от власти и разочаровавшимся в осуществимости и спасительности унитарнаго режима Прибичевичем.

Переговоры между двумя бывшими непримиримыми врагами длились больше года и закончились соглашеніем. 10 ноября 1927 г. в Загребѣ была образована крестьянско - демократическая коалиція со слѣдующей программой:

1) Равенство в правах Хорватии и всѣх земель, входивших в состав прежней Австро - Венгрии, с Сербіей.

2) Установленіе во всѣх частях Юго-Славіи демократическаго режима.

3) Расширеніе областной и коммунальной автономіи.

Эта, по существу, очень умѣренная программа (в ней не упоминалось даже о политической автономіи Хорватии) показалась, однако, королю Александру совершенно неприемлемой. Отношенія между сербскими и хорватскими депутатами в Скупщинѣ стали все болѣе и болѣе обостряться, и, наконец, 20 іюня 1928 г. в Скупщинѣ разыгралась страшная сцена, вырывшая глубокую пропасть между Бѣлградом и Загребом. В этот злосчастный для Юго-Сла-

вн день сербскій радикальный депутат Пуниша Рачич в пьяном видѣ выстрѣлами из револьвера убил в самой Скупщинѣ, во время засѣданія двух членов хорватской крестьянской партіи, Павла Радича и Георгія Бассаричека и тяжело ранил Ст. Радича, который два мѣсяца спустя скончался от полученных им ран.

Крестьянско - демократическая коалиція рѣшила послѣ этой трагической сцены покинуть Скупщину и не принимать участія в ея работах, пока не будет образовано нейтральное правительство (стоявшій у власти во время стрѣльбы в Скупщинѣ кабинет Вукичевича был радикальным) и не будут произведены новые свободные выборы.

4 июля 1928 г. кабинет подал в отставку. Король Александр, послѣ нѣскольких неудачных попыток образовать правительство, к которому коалиція отнеслась бы, если не доброжелательно, то нейтрально, и отказа поручить составленіе кабинета Радичу, пригласил 7 июля Прибичевича и заявил ему, что он рѣшил отказаться от своих прав на Хорватию и вернуть ей независимость. «Раз мы не можем ужиться, — сказал, по свидѣтельству Прибичевича, ему король, — то лучше нам разойтись мирно, как Швеція и Норвегія». Король добавил, что он никогда не согласится превратить королевство С. - Х. - С. в федеративное государство. Нужно сказать, что идея отдѣленія Хорватіи от Сербіи или, как тогда говорили, ампутаціи была впервые выдвинута Пашичем еще в 1924 г. Эта идея была тогда отвергнута хорватами, так как Пашич имѣл в виду отдѣленіе одной только католической части Хорватіи без Далмаціи и без Славоніи.

В 1928 г. Прибичевич принципиально отверг, от своего имени и от имени лежавшаго в больницѣ Радича, предложеніе короля Александра, как совершенно неприемлемое, даже не спрашивая о том, имѣл ли в виду монарх отдѣленіе одной только католической Хорватіи, как Пашич четыре года назад, или и Славоніи.

Король Александр составил тогда переходное министерство под предсѣдательством главы словенской клерикальной партіи аббата Корошеца, которое просуществовало шесть мѣсяцев.

У.

В началѣ января 1929 г., послѣ отставки кабинета Корошеца, король Александр пригласил новаго главу крестьянской партіи

Мачека, чтобы обсудить положение. Мачек посовѣтовал королю распустить Скупщину и произвести выборы в Учредительную Скупщину, которая пересмотрѣла бы Видовданскую конституцію в смыслѣ переустройства королевства на «автономных» началах. На вопрос короля, на какія «автономныя» единицы крестьянско - демократическая коалиція предполагает раздѣлить государство, Мачек отвѣтил, что такими «автономными» единицами должны стать Словенія, Хорватія со включеніем Далмаціи и Славоніи, Боснія, Войводина, Сербія, Черногорія и Македонія.

Естественно, что эта программа, которая, по толкованію опрошеннаго монархом профессора государственнаго права в бѣлградском университетѣ Іовановича, установила бы в Юго-Славіи режим реальной уніи, аналогичный существовавшему в Австро-Венгріи, показала королю Александру совершенно неприемлемой, и он рѣшил разрубить Гордіев узел силой путем переворота. 6 января 1929 г. был опубликован королевскій манифест, отмѣнявшій конституцію и устанавливавшій диктатуру монарха, который принимал на одного себя всю отвѣтственность за переворот и за всѣ будущія мѣры. Во главѣ кабинета король поставил преданнаго ему душой и тѣлом генерала Перу Живковича. Началась эра диктатуры, цѣлью которой было добиться полного об'единенія королевства в унитарное государство. Чтобы уничтожить всѣ слѣды прошлаго, королевство сербов, хорватов и словен было переименовано в Юго-Славію, которая была раздѣлена в административном отношеніи на бановины (департаменты), ничего общаго ни по своим наименованіям, ни по границам не имѣвшія с историческими именами и границами входивших в состав государства провинцій. Самыя имена Хорватіи, Словеніи, Сербіи, Босніи, Черногоріи и т. д., исчезли из официальнаго административнаго и географическаго словаря и замѣнены именами рѣк, омывавших новыя административныя единицы, как бановина Савье для Хорватіи, Дравы для Словеніи и т. д.

Чтобы сломить сопротивление хорватов, в Хорватіи был установлен тяжелый полицейскій режим. Прибичевич, больной, с язвой в желудкѣ, был сослан в маленькую деревушку Брусу, лишен медицинскои помощи, и потребовались голодная забастовка его и кампанія во французскои и англійскои лѣвой печати, чтобы бывшій министр внутренних дѣл получил разрѣшеніе выѣхать за-границу.

Что касается Мачека, то он был арестован в 1930 г. и предан суду специального трибунала для защиты государства, который приговорил его к пожизненному заключению. Несмотря, однако, на всё преследования, крестьянско - демократическая коалиция не выходила в своей борьбе против диктатуры из легальных рамок, ограничиваясь пропагандой и пассивным сопротивлением.

Напротив, правые элементы, во главѣ с бывшим загребским депутатом Павеличем, основали революционную террористическую организацию «Усташей» (инсургентов), которая, пользуясь активной поддержкой деньгами, оружием, фальшивыми паспортами со стороны итальянского и венгерского правительств, устроила цѣлый ряд террористических покушений и актов и настоящее возстаніе в Лѣкѣ. Усташа совершили два неудавшихся покушенія на короля Александра в Загребѣ и они же, наконец, организовали убійство короля в Марселѣ, которое вызвало единодушный взрыв негодованія и осужденія во всей Хорватіи и погубило усташей в глазах хорватского народа, тѣм болѣе, что слѣдствіе установило зависимость их от Италіи и Венгріи, не пользовавшихся никогда и не пользующихся и теперь никакими симпатіями в Хорватіи. Трагически погибшему королю не удалось об'единить югославское государство и слить всѣ населяющія его славянскія народности в единый югославскій народ вовсе не потому, что эта задача превышала его государственныя способности, а потому, что она в настоящее время вообще неосуществима. С точки зрѣнія этнической, сербы и хорваты принадлежат, конечно, к одной и той же вѣтви славянской расы, но, раздѣленные друг от друга в теченіе вѣков, они глубоко отличаются друг от друга по культурѣ, религіи, традиціям и обычаям. Хорваты считают себя отдѣльной національностью; да и, дѣйствительно, они в теченіе сотен лѣт находились под сильным вліяніем католицизма и западной цивилизаціи, тогда как сербы находились под вліяніем византійскаго православія, изнывали под игом турок и были отрѣзаны от Запада. К этому надо добавить, что хорваты, которые побѣдоносно защищались от мадьяризаціи и сохранили свои національныя особенности и автономію, упорно стремятся сохранить их и впредь. Сербская гегемонія и идея унитаризма неизбѣжно должны были натолкнуться на пассивное, но рѣшительное, сопротивленіе хорватов, которое силой было очень трудно, если не невозможно, сломить.

Запрещеніе всѣх политических партій кромѣ одной, — юго-

славскаго единства, — и дарованіе новой конституціи в 1932 г. должны были, по мысли короля Александра, тоже содѣйствовать об'единенію государства. Но и эти политическія мѣры, как и административныя реформы, никаких ощутительных положительных результатов не дали.

Задача регентства, на которую легло управление государством на время малолѣтства короля Петра II, оказалась тѣм болѣе трудной, что и об'единившаяся сербская оппозиція, в которую вошли три историческія партіи: радикальная, демократическая и аграрная, в свою очередь — против политики насильственной унификаціи короля Александра. И в 1936 г. сербская об'единенная оппозиція заключила соглашеніе с крестьянско - демократической хорватской коалиціей. По этому соглашенію сербская оппозиція присоединилась к программѣ коалиціи о переустройствѣ государства на федеративных началах.

VI.

Послѣдній кабинет короля Александра, Ефтича, остался у власти только нѣсколько мѣсяцев послѣ убійства монарха. Глава регентства, принц Павел, поручил послѣ выборов составленіе министерства новому человѣку, бывшему члену радикальной партіи и ученику Пашича, Стоядиновичу, образовавшему партію радикальнаго об'единенія, к которой примкнуло большинство бывших сторонников Ефтича. Стоядинович принадлежит к числу тѣх государственных дѣятелей, которых принято теперь называть «реалистами», — повидимому потому, что они очень мало руководятся в своей политической дѣятельности какими бы то ни было принципами.

Я оставляю в сторонѣ внѣшнюю политику Стоядиновича. Что же касается внутренней его политики, то она мало чѣм отличалась от политики его предшественника. Это был тот же слегка ослабленный полицейскій режим. Этот режим не помѣшал, однако, демократически - крестьянской коалиціи одержать на выборах 1935 г. блестящую побѣду. Лист Мачека получил 1.076.000 голосов. Если принять во вниманіе, что в Юго-Славіи голосованіе открытое, а не тайное, и что выборы производятся под усиленным полицейским давленіем, при наличности котораго, в особенности на Балканах, надо имѣть много гражданскаго мужества, чтобы голосовать за оп-

позицію, то надо признать, что побѣда Мачека была болѣе, чѣм внушительной.

Убѣдившись, что Мачек является истинным хозяином в Хорватіи и Далмаціи, Стоядинович, по порученію принца Павла, попытался договориться с главой хорватской коалиціи. Свиданіе между Мачеком и Стоядиновичем состоялось в Словеніи, длилось пять часов и никаких результатов не дало, да и дать не могло. Как политик «реальный», Стоядинович предложил Мачеку войти в состав его кабинета, согласившись отдать ему и его сторонникам четыре или даже пять портфелей, в том числѣ портфель внутренних дѣл. Мачек отвѣтил, что он требует не портфелей, а переустройства государства на федеративных началах, причем он снова подтвердил, что коалиція признает единство и неприкосновенность территоріи Юго-Славіи в ея существующих границах и династію Карагеоргіевичей, как символ единства государства и как связь между отдѣльными его частями. Но в рамках этого государства всѣ народности должны быть уравнены в правах и пользоваться автономіей.

На требованіе Мачека Стоядинович возразил, что переустройство государства на федеративных началах связано с пересмотром конституціи, каковой станет возможным лишь послѣ совершеннолѣтія малолѣтняго короля Петра.

Мачек заявил тогда, что хорваты, ждущіе 17 лѣт, могут подождать еще нѣсколько лѣт. Событія, однако, развиваются очень быстро, и содѣйствіе хорватов может понадобиться раньше совершеннолѣтія короля Петра. Не будет ли поздно вести с ними переговоры, когда король достигнет совершеннолѣтія?

В сущности Стоядинович не хотѣл понять Мачека, программа котораго, однако, ясна и проста. Мачек согласен вести переговоры с той партіей или тѣми партіями, которыя будут имѣть право по своей силѣ и численности принять обязательства от имени сербскаго народа. Чтобы опредѣлить, какая или какія партіи являются наиболѣе сильными в Сербіи, нужно произвести новые свободные выборы на основѣ всеобщаго и тайнаго голосованія. Хорватская коалиція согласна вступить в переговоры с партіей или партіями, которыя побѣдят на таких выборах, о пересмотрѣ конституціи. Мачек отрицает, однако, за сербским народом и даже большинством будущей Учредительной Скупщины право навязать Хорватіи снова унитарный режим. Мачек ставит, таким образом, два условія

для достиженія соглашения между сербами и хорватами: принятіе первыми заранѣ принципа федеративнаго устройства государства и предоставленіе Хорватіи в ея исторических границах (Хорватіи-Славоніи - Далмаціи) политической автономіи, для чего свободно - избранной Учредительной Скупщиной и должен быть произведен пересмотр конституціи.

Симпатіи Стоядиновича к фашистскому режиму, его стремленіе установить в Юго-Славіи режим личной его диктатуры, внѣшняя политика главы правительства, шедшая вразрѣз с чувствами и интересами хорватов, и, наконец, личные качества премьера вынудили Мачека публично заявить еще весной 1938 г., что ни в какіе переговоры он с Стоядиновичем больше не вступит.

Выборы 11 декабря 1938 г. дали Мачеку еще болѣе рѣшительную побѣду, чѣм выборы 1935 г. Лист Мачека собрал 1.360.000 голосов (при открытом голосованіи). Лист Стоядиновича получил 1.630.000 голосов. Если исключить из числа этих голосов голоса чиновников, желѣзнодорожных служащих, поставщиков государства и т. д., то станет ясным, что при свободных выборах Стоядинович не собрал бы и половины полученных им голосов. Стоядинович реорганизовал, тѣм не менѣе, свой кабинет и готовился править и далѣе. Он согласился, правда, вести переговоры с Мачеком, но послѣдній рѣшительно отказался от свиданія с премьером.

Создавшееся, таким образом, положеніе становилось крайне опасным, тѣм болѣе, что у принца Павла никакого желанія установить в Юго-Славіи фашистскій режим нѣтъ. Да и внѣшнее положеніе становилось угрожающим и требовало подлиннаго, а не фиктивного единства всѣх населяющих Юго-Славію народностей. По инициативѣ аббата Корошеца, не вошедшаго в состав новаго министерства Стоядиновича, и главы боснійских мусульман Спано, четыре министра подали в отставку, что вызвало паденіе кабинета и образованіе новаго, с одним из вышедших в отставку министров, Цвѣтковичем, во главѣ.

Министерство Цвѣтковича является переходным. Мы присутствуем теперь при послѣднем актѣ благополучно, к счастью для Юго-Славіи, заканчивающейся сербо - хорватской драмы. Длившійся 18 лѣтъ конфликт между сербами и хорватами в близком будущем разрѣшится побѣдой хорватов. По проникшим в печать свѣдѣніям, подтверждаемым и имѣющей у меня из очень авто-

ритетнаго источника інформаціей, предполагается образование коалиціоннаго правительства, в которое войдут представители и сербской оппозиціи, и хорватской коалиціи. Это министерство восстановит всѣ демократическія свободы и подготовит созыв Учредительной Скупщины, которая будет избрана на основѣ всеобщаго и тайнаго голосованія и которая предпримет пересмотр конституціи и переустройство государства на федеративных началах.

Другого рѣшенія сербо - хорватской проблемы, впрочем, и быть не могло. Трудно было себѣ представить, что развитый политически народ, как хорваты, 50 лѣтъ пользовавшийся широкой автономіей и имѣвшій національное управление, согласится добровольно пожертвовать своим самоуправленіем, своей администраціей и стать не суб'ектом, а об'ектом управления. Нѣтъ сомнѣнія, что продолженіе политики насильственной унификаціи привело бы фатально к распаду югославскаго государства.

С точки зрѣнія интересов славянства и сопротивления германо - итальянской экспансіи и гегемоніи нѣмцев на Балканах, слѣдует только порадоваться тому, что наиболѣе сильное теперь славянское государство в юго - восточной Европѣ станет послѣ рѣшенія сербо - хорватской проблемы дѣйствительно единым, способным защитить и сохранить идею независимости славянских народов в ожиданіи, пока не воскреснет и подлинная демократическая національная Россія, историческая задача которой была и будет быть оплотом славянства в Европѣ.

Л. Неманов

ДРАМА РУССКАГО ГЕНІЯ

Со страницъ безчисленныхъ юбилейныхъ статей, прославляющихъ міровую славу Мусоргскаго, смотритъ на насъ больное, опухшее лицо алкоголика, увѣковѣченное, за двѣ недѣли до смерти, другимъ русскимъ геніемъ, Рѣпинымъ. Юбилейныя статьи подводятъ итогъ его небывалаго всесвѣтнаго успѣха, а портретъ Рѣпина изображаетъ намъ итогъ неудачной жизни, преждевременно сломившейся въ борьбѣ — какъ разъ тогда, когда отъ геніальнаго творца «Бориса Годунова», уже поднимавшагося еще выше въ незаконченной имъ «Хованщинѣ», можно было ожидать еще многихъ и многихъ зрѣлыхъ произведеній неумирающаго вдохновенія. Вглянитесь въ этотъ портретъ, въ эти неподвижные и ясные глаза, отъ которыхъ нельзя оторваться. Въ нихъ свѣтитсѣ горькій укоръ, и точно хочетъ открыть себя жизненная загадка приговореннаго къ смерти. Портретъ какъ бы говоритъ художнику: вотъ ты пришелъ меня рисовать; въ *этомъ* видѣ ты меня передашь потомству; а гдѣ былъ ты, когда я смотрѣлъ на міръ другимъ, полнымъ радости, взглядомъ? Гдѣ мои старые друзья, меня покинувшіе? Я зналъ, что буду «умирать одинъ», — и говорилъ это. Но кто привелъ меня на эту казенную постель? Друзья, которые меня не поняли и отвернулись въ самую трудную минуту? Враги, злобные и тупые, нападки которыхъ не прекращались и въ конецъ разбили мои нервы? Равнодушіе публики, которой меня не дали узнать — и которой не могли замѣнить музыкальные вечера у добрыхъ друзей, гдѣ я только и могъ показать самого себя во весь ростъ? И, наконецъ, послѣдній ужасный удар: снятіе «Бориса Годунова» съ репертуара дирекціей императорскаго театра, послѣ рѣзкихъ отзывовъ критики — въ томъ числѣ и дружеской — и послѣ безспорнаго успѣха у публики, которая сумѣла сразу оцѣнить оперу. Именно тогда, когда трудъ всей жизни долженъ былъ увѣнчаться публичнымъ признаніемъ, Мусоргскій снова и навсегда былъ брошенъ въ свое одиночество.

И однако же, богато одаренный отъ природы, брызжущій талантомъ и разбрасывавшій его безъ счета и мѣры, Мусоргскій былъ

полон жизнерадостности, не видѣл зла, открытой душой любил людей и природу, знал лишь свою цѣль и к ней неустанно стремился, не склоняясь перед препятствіями и оставаясь вѣрен своей идеѣ до конца жизни. Мусоргскій смѣло «шел на суд» с своим «Борисом», предвидѣл приговор «музыкальных фарисеев» и на ожидаемое их осужденіе: «вас скоро навсегда забудут» готов был отвѣтить: «non, non et non, Madame». И за год до смерти он повторял Стасову то, что писал ему в 1872 г.: он не уступит малодушію; его лозунгом остается — смѣло идти «к новым берегам».

Чего добивался Мусоргскій? Он не теоретизировал над музыкой, как Шуман и Вагнер; никакой «сложной системы» от него не осталось. Он непосредственно реагировал на впечатлѣнія жизни и просто примкнул к тому «реалистическому» теченію, которое в тѣ годы господствовало в русском искусствѣ. Никакія позднѣйшія толкованія, связанные с совпадением его творчества с заграничной музыкальной модой, этого основного факта измѣнить не могут. Новая національная школа, которую строила в музыкѣ «кучка», была уже раньше построена в литературѣ и живописи. Мусоргскій, в поясненіе своего лозунга, мог прямо сослаться на «Бурлаков» Рѣпина. «Вот работы пионеров, которыя ведут к новым странам, новым берегам». Недаром и той іерихонской трубой, которая предвѣщала и возвѣщала музыкальные успѣхи Мусоргскаго, был тот же Стасов, который вообще служил признанным глашатаем триумфов новой русской національной школы во всѣх родах искусства. Он и отдалился от Мусоргскаго, когда его міровоззрѣніе в послѣдніе годы жизни начало усложняться.

Мусоргскій стремился устранить преграду между звуком и жизнью, как передвижники — жанристы уничтожали такую же преграду между жизнью и красками. Звук тѣм легче мог и должен был изображать дѣйствительную жизнь, что между музыкальным звуком и жизнью стояло посредником слово. И усилія Мусоргскаго направились в сторону приближенія музыки к стиху, прозѣ или произносимой рѣчи. Отсюда был неизбежен переход от музыкальных красот условнаго *bel canto* к свободному речитативу, столь же гибкому, как живая рѣчь со всѣми ея преходящими оттѣнками, шутливыми и серьезными, веселыми и мрачными, комическими и трагическими. Отсюда же и упорное сознательное пренебреженіе к тайнам музыкальной техники: звук, одиночный звук — или, как позже говорили, линейный стиль музыки — развѣ:

не был уже достаточен для отклика на жизнь? Отсюда и уклонение от всяких «шкульмейстеров»: как старого ментора - Балакирева, так и молодого Римскаго - Корсакова. Отсюда, конечно, и ссоры, расхождений с друзьями, их упреки в невежестве и неграмотности, в излишней самоуверенности и новаторской «дерзости».

Взаимн легкой работы и быстро признания перед Мусоргским, при таком подходе к музыке, открывался необозримый простор житейских впечатлений, требовавших для усвоения неустанного труда. Навстречу им открывалась богатая, готовая к восприятию душа Мусоргскаго. «Жизнь, где бы она ни сказалась, правда, как бы она ни была солона, смелость, искренняя речь к людям — вот моя закваска, вот чего я хочу». Как известно, Мусоргский был не только музыкантом и композитором. Он обладал выдающимся талантом певца и актера, — и это облегчало ему применение на практике его жизненной задачи. Артистическая натура Мусоргскаго особенно ярко развертывалась в дружеских кружках, на музыкальных вечерах, где часто импровизировалось исполнение какой-нибудь очередной театральной пьесы, где Мусоргский пел и свои собственные песни. Надо прочесть у Стасова описание того, с какой живостью и юмором, с какой декламацией, позами, жестами и движениями двадцатилетний Мусоргский изображал чиновника Пролетова в «Тяжбе» Гоголя и мандарина Кау - Чинга в пьесе Кюи, при непрерывном хохоте присутствующих. Или — вот свидетельство дочери Д. В. Стасова, Комаровой, о том, с каким выражением, жестами и меняющимися интонациями голоса Мусоргский, под собственный аккомпанемент рояля, пел арию Кончака из «Князя Игоря». Невольно вспоминается Шаляпин, созвучная душа, вдохновенный исполнитель музыки самого Мусоргскаго. В их талантах есть что-то общее, и они оба приобрели всемирную славу именно потому, что до глубины были искренни в своей национальной природе. Конечно, из всей «кучки», создававшей национальную школу, наиболее ярко национальным и наименее европеизировавшимся был Мусоргский. Это была одна из причин, почему Европа и весь мир так его выдвинули, когда его узнали.

Где брал Мусоргский свои мотивы? Откуда лился неистощимый источник его мелодий? Верный своему взгляду, он их подслушивал у жизни — иногда даже в буквальном смысле слова. Такова его «Детская». Та же Комарова вспоминает, как, в годы детства, Мусоргский зачастил к ним на дачу в Заманиловку, воз-

лѣ Парголова, и подружился с дѣтьми Д. В., забавляя их рассказами, улавливая отклики дѣтской души и провѣряя на них номера своей серіи. Нечего и говорить о народных и церковных мелодіях, которыя Мусоргскій со слуха или из старых сборников цѣликом пересаживал в свои оперы. Впрочем, в народных мотивах «Хованщины» Мусоргскій уже настолько освоился с народным стилем и ритмом національной музыки, что свободно пользовался этим матеріалом для созданія своих собственных твореній.

Особенно ярко отразилось у Мусоргскаго слѣдованіе своему основному принципу музыкальной правды в его пѣснях. Связь с жизнью сказалась тут в необходимости их *цельнаго драматическаго* исполненія — со всѣми интонаціями, фразировкой и всякаго рода приближеніями к разговорной рѣчи. А связь с современной литературой отразилась в выборѣ словеснаго матеріала для пѣсни. В Гоголѣ Мусоргскій цѣнил тонкую юмористическую обрисовку характеров и увлекся «Женитьбой». «С своим неподражаемым талантом», записывает Римскій - Корсаков, «Мусоргскій сам пѣлъ Подколесина. Даргомыжскій выписал себѣ партію Кочкарева и пѣлъ ее с одушевленіем». Но дальше перваго акта дѣло не пошло, ибо, попробовавъ себя на «Женитьбѣ», Мусоргскій смѣлѣе перешел к болѣе сложным задачам «Бориса» и «Хованщины». Простой комизм в музыкѣ не перестал его привлекать; но он осложнился передачей острой горечи сатиры и соціального протеста, соотвѣтственно гражданским настроеніям литературы. Мусоргскій чувствовал себя в унисон с Некрасовым, взял у него своего «Калистратуху» и «Колыбельную Еремухи»; сам сочинил в том же духѣ «Свѣтика Савишну» и «Озорника». Подлинныя народные типы он не уставал наблюдать вездѣ, гдѣ встрѣчал, в деревнѣ и на улицах Петербурга. Как извѣстно, обѣ свои оперы он назвал «народными драмами», ввел самостоятельно народныя сцены в рамки пушкинскаго текста и широко развернул картину народнаго протеста в эпопеѣ «Хованщины». Это стоило ему столкновеній с цензурой, а театральная дирекція подозрительно смотрѣла на «революціонную» подкладку его опер и тормозила появленіе их на сценѣ. Многія темы его пѣсен были недопустимы в петербургских аристократических и просто - буржуазных салонах. Так он сам подготовлялъ свое расхожденіе с друзьями и свое соціальное одиночество. У него почти нѣтъ лирических и любовных пѣсен, и только образ Марфы в «Хованщинѣ» составляет яркое исключеніе. За

исключеніем какой-то равней любви, нераздѣленной и оборванной смертью, его отношенія к женщинам были крайне сдержаны. На совѣты немногих женских друзей — сестры Глинки, Шестаковой, г-жи Опочининой — жениться и окружить себя семейным уютом — Мусоргскій отвѣтил в одном письмѣ: «если вы узнаете, что я застрѣлился или повѣсился, — это значит, что я наканунѣ женился». Женитьбы друзей были поводом к расхожденію с ними. Словом, Мусоргскій остался в душѣ и в жизни — богомой. Мало - по - малу житейская обстановка сложилась для него трагически. Совершенно лишенный, к концу жизни, матеріальных средств, он кое - как ютился у новых друзей, которых завел послѣ расхожденія с старыми; но они только помогли сгустить мрак его жизни. Сожительство с молодым поэтом гр. Голенищевым - Кутузовым, в котором он находил теперь, в противоположность Некрасову, не «искусственнаго», а прирожденнаго поэта, разбудило созвучныя струны в душѣ Мусоргскаго. Но этот послѣдній порыв вдохновенія был уже иначе окрашен. Он отразился в осеннем настроеніи цикла «Пѣсен без солнца». Послѣдняя из цикла — «У рѣчки» рисует то настроеніе, с которым вѣроятно Шуман бросился в Рейн. Одновременно с циклом «Без солнца» Мусоргскій писал свой послѣдній цикл — «Пѣсен и плясок смерти», тот самый, который Шаляпин пѣлъ в послѣднем концертѣ перед своей кончиной. Картина Верещагина внушила Мусоргскому еще одну тему этого же похороннаго рода: балладу «Забутый». Забутый на полѣ битвы труп отца, котораго тщетно ждет дома семья.

Жизненные обстоятельства Мусоргскаго соотвѣтствовали этому настроенію — и его усиливали.

В ночь перед свадьбой гр. Голенищева - Кутузова Мусоргскій ушел из общей квартиры. Это тогда он писал Стасову: «Умереть мнѣ придется одному». Средств к существованію не было. Одно время он еще жил у художника Наумова, который своей склонностью к выпивкѣ усилил у Мусоргскаго потребность забыться в винѣ. Его старая болѣзнь стала развиваться быстрыми шагами. Прежніе друзья о нем жалѣли, но помощи не оказали и махнули на него рукой. Дошло, наконец, до сцены, описанной пѣвицей Леоновой, которую он сопровождал в турнѣ по югу Россіи: это был послѣдній человѣкъ, который — правда в своих интересах — хоть сколько - нибудь о нем заботился. Мусоргскій пришел к Леоновой, нервно возбужденный, сказал, что лишен всяких средств и не зна-

ет, что дѣлать: остается просить милостыни на улицѣ. Она его кое как успокоила и в тот же вечер повезла в частный дом — аккомпанировать своей ученицѣ. Она вообще распорядилась им по домашнему в эти послѣдніе мѣслцы. Там с ним случился припадок; придя в себя, он просился переночевать у Леоновой, чтобы преодолѣть состояніе безотчетнаго страха. На слѣдующій день припадок трижды возвращался; к вечеру друзья рѣшили отвезти его в клинику. Римскій - Корсаков называл эту болѣзнь — бѣлой горячкой; позднѣе французскій специалист догадывался, что это была послѣдняя стадія хроническаго нефрита. Мусоргскій умер 16 марта 1881 года. вмѣстѣ с ним забыта была и его музыка. Поколѣніе его сверстников перемерло; новое поколѣніе его не знало. О нем вспоминали как о примѣрѣ, не заслуживающем подражанія.

Едва-ли есть надобность напомнить, как и почему посмертная слава Мусоргскаго пришла в Россію из Парижа. Не говоря о русских посредниках, о Мусоргском узнал Сен - Санс, потом Дебюсси стал ему подражать. Шаляпин пробудил своим исполненіем интерес к «Борису» и к пѣсням — в Россіи на рубежѣ столѣтій. Пришло, наконец, — в Россіи и за-границей — новое поколѣніе новаторов, для котораго знамя Мусоргскаго было, как это было и при жизни мастера, — знаменем протеста. Но протест, вмѣстѣ с молодостью, придет и уйдет. Время отсѣет из творчества Мусоргскаго то, что в нем было случайнаго или черезчур тѣсно связаннаго с тремя десятилѣтіями, когда он жил и творил. Замолкнут и споры о том, какого Мусоргскаго нужно цѣнить и любить: оригинальнаго, с его недостатками, или препарированнаго Римским - Корсаковым, в доступном для непосвященной публики видѣ. Остается то, что уже не умрет; можно даже сказать, что столѣтній срок был для этого достаточным испытаніем. Забыты критики Мусоргскаго; плохо помнят и его товарищей по «кучкѣ», за исключеніем звѣзды первой величины — Римскаго - Корсакова, заговорившаго на доступном языкѣ для Европы. Но «Бориса Годунова» знает каждый. К нѣкоторому удивленію мы слышим с камерных эстрад и радіо, что слова «Nianouchka» и «Kalistrat» сдѣлались достояніем французскаго языка, вмѣстѣ с трудно - переводимыми особенностями русскаго ритма и декламации. И нам почти жаль отдавать этого, *нашего* Мусоргскаго, такого индивидуальнаго и неподражаемаго, такого *русскаго* — в полное распоряженіе иностраннаго штампа.

П. М.

Х Р О Н И К А

Разстановка фигур

За истекшій мѣсяцъ вопросъ о войнѣ не только перешелъ окончательно съ газетныхъ передовицъ въ рѣчи руководящихъ государственныхъ дѣятелей, но и отъ этихъ рѣчей къ ускореннымъ дипломатическимъ и военнымъ подготовительнымъ мѣрамъ. Изъ вопроса дня война стала вопросомъ факта, и не напрасно въ печати появились утверженія, что, въ сущности, война уже ведется. Это безкровное пока «веденіе» войны было окончательно признано единственнымъ средствомъ для ея «предупрежденія», какое осталось въ рукахъ демократій.

Мартъ закончился обмѣномъ декларацій трехъ главныхъ дѣятелей развернувшейся драмы: Муссолини, Даладе и Чемберлена. Тонъ и содержаніе этихъ заявленій не оставляли никакого сомнѣнія въ рѣшимости демократій дать отпоръ шантажу и блеффу тоталитарныхъ державъ. На приговоренныхъ Муссолини (26 марта) имена: Тунис, Джибути, Суэцъ — Даладе отвѣтилъ (29 марта): ни пяди земли, никакой уступки правъ, а Чемберленъ (31 марта) открылъ серію конкретныхъ мѣропріятій, заявивъ о рѣшеніи Франціи и Англій оказать Польшѣ военную поддержку въ случаѣ очередной угрозы ея «независимости», о чемъ имѣлись достаточно достовѣрные свѣдѣнія. Одновременно онъ заявилъ и о переговорахъ съ «другими державами». Началось то, что Германія объявила «окруженіемъ» себя — и что демократическія державы могли бы назвать «законной обороной». И оборонительная граница Англій передвинулась съ Рейна на Вислу. Въ своей дополнительной рѣчи 5 апрѣля Чемберленъ подчеркнул, что британское правительство было «вынуждено пойти по этому пути» не просто въ связи съ какимъ-нибудь «пограничнымъ инцидентомъ», а въ результатѣ того «новаго факта», что «германскія завѣренія теперь развѣяны по вѣтру» и «довѣріе уничтожено». Онъ затѣмъ объединилъ подъ выраженіемъ «нашей» политики — «всѣ тѣ государ-

ства, которым угрожает нападеніе в результатѣ упомянутой (германской) политики».

Однако, послѣдствія Мюнхена продолжали сказываться. Переговоры со «всеми» этими государствами затянулись в виду неопредѣленности создававшегося в Европѣ положенія. Легче всего было закончить переговоры с Польшей, наиболѣе непосредственно угрожаемой и проявившей готовность защищаться самостоятельно, что соотвѣтствовало и ярко выраженному настроенію польскаго общественнаго мнѣнія и народа. 3 апрѣля полк. Бек пріѣхал в Лондон, минуя Берлин. В результатѣ этого визита Польша предложила обратить англо - французскую гарантію в двухстороннюю и распространить ее на Данциг. Послѣдствія этого соглашенія тотчас сказались на извѣстной сдержанности Германіи по отношенію к Польшѣ. Германскія предложенія о постройкѣ внѣтерриториальной автострады через «коридор» и о германской гарантіи уже не были приняты.

Дальнѣйшія мѣры для созданія антитоталитарнаго блока были приняты в восточной сферѣ Средиземнаго моря послѣ сюрприза, приготовленнаго Италіей, с очевиднаго попущенія Гитлера. Чѣм - нибудь Муссолини должен был себя вознаградить за даровые захваты Гитлера. Он выбрал добычу, по видимости, не требовавшую большого риска. 7 апрѣля 170 итальянских судов подошли к берегам незащитной Албаніи и начали, без всякаго вызова и предупрежденія, бомбардировать адриатическія гавани.

Албанія и без того находилась в полнѣйшей зависимости от Италиі, и в этом актѣ насилія не было никакой надобности. Тѣм не менѣе Муссолини хотѣл скопировать Гитлера во всѣх подробностях: сперва неприемлемый ультиматум, потом военная прогулка и, наконец, визит в столицу захваченной страны. Правда, карикатуру не удалось довести до конца: Муссолини сообщили, что албанцы — хорошіе стрѣлки, и от поѣздки в Тирану пришлось отказаться. Но захват Албаніи нарушал англо - итальянскій договор, а формальный переход албанских портов в руки Италиі был равносителен закрытію Адриатическаго моря, угрозѣ ближайшей морской стоянкѣ Англии на о-вѣ Корфу и возросшей опасности для сообщеній в восточной половинѣ Средиземнаго моря. Чемберлен рѣшил, все же, не разрывать договора, чтобы имѣть его в руках до выясненія вопроса об эвакуаціи итальянцами Испаніи. Но в рѣчи 13 апрѣля он заявил, что для того, чтобы предупредить насиль-

ственное нарушение статус-кво (уже, в сущности, нарушенное), Англія «обязуется придти на помощь Греції и Румыніи всѣми своими силами, если произойдут дѣйствія, явно им угрожающія, и если греческое и румынское правительства признают необходимым оказать им сопротивление». Об этом «доведено было до свѣдѣнія Турціи». В тот же день это подтвердил и Даладье. Гарантія Румыніи и была дана именно по настоянію Франціи; но, в противоположность польской, она осталась односторонней. С этого момента оживились переговоры с Турціей для выясненія ея позиціи и возможности повліять через нее на Балканскую Антанту. Был также поставлен на очередь вопрос о соглашеніи с СССР на случай европейских агрессій и о содѣйствіи ея авіаціи. Однако же, всѣ эти переговоры натолкнулись на различнаго рода затрудненія и загнулись. Мюнхен не был забыт.

Тѣм временем и Гитлер начал принимать мѣры против созданія анти - тоталитарнаго блока. С этой стороны тоже началась разстановка фигур. Прежде всего, выяснилось, что надежды на примирительную политику Франко по окончаніи войны были очень преувеличены. Диктатор Испаніи, очевидно, был слишком тѣсно связан с своими союзниками. Продолженіе прежней политики сказалось, прежде всего, в его согласіи присоединиться к анти - коминтернскому пакту. Затѣм, Испанія начала играть очень двушмысленную роль в подготовкѣ германо - итальянской акціи против Гибралтара и Танжера. Франко имѣл законную отговорку — в возвращеніи своих африканских войск в испанское Марокко. Но отговорка была слишком прозрачна. Англичанам пришлось снѣшно укрѣплять Гибралтар, а французы послали туда эскадру военных судов. Британскій флот сосредоточивался на Мальтѣ.

Слѣдом за Англіей Гитлер обращался с контр - предложеніями ко всѣм участникам предполагавшагося блока — и имѣл нѣкоторый успѣх. Румынія, угрожаемая Венгріей, не могла дѣйствовать так рѣшительно, как Польша. Приняв пассивно англо - французскую гарантію, она не хотѣла идти дальше. Как и Польша, она отказывалась пропустить совѣтскіе войска и аэропланы. Гафенке, прежде чѣм пріѣхать в Париж, побывал в Берлинѣ. Еще труднѣе было положеніе Югославіи между Германіей и Италіей. Министерство Цвѣтковича спѣшило закрѣпить единство государства уступками хорватской оппозиціи. К концу мѣсяца оно, наконец, договорилось с Мачеком, но югославскій министр иностранных дѣл Мар-

кович, все же, счел нужным совершить паломничество к Гитлеру. Наконец, Болгарія, ограбленная в свое время Греціей и Румыніей, не могла добиться возвращенія ей хотя бы Добруджи, и была связана огромными размѣрами своего экспорта в Германію. То и другое исключало ее из участія в блокѣ.

В разгарѣ этих переговоров совершилось событіе идеологическаго характера, встряхнувшее на нѣсколько моментов Европу, но безсильное остановить далеко зашедшій процесс подготовки к войнѣ. 15 апрѣля Рузвельт обратился к Гитлеру, так сказать, в послѣдній час, с предложеніем «дать завѣреніе, что его вооруженныя силы не вторгнутся на территорію и на владѣнія независимых стран». Перечень этих угрожаемых стран, в количествѣ болѣе тридцати, тут же прилагался. То была, в сущности, вся Европа, за исключеніем Германіи и Италіи. Рузвельт предлагал Гитлеру дать требуемое завѣреніе на 10 лѣт, «дабы обезпечить возможность мирной работы и мирнаго состоянія болѣе постояннаго характера». В случаѣ согласія Рузвельт обѣщает сдѣлать «в мирной атмосферѣ, которая тогда установится», два дальнѣйших предложенія: о сокращеніи вооруженій и о возстановленіи торговли. «Вожди великих государств в настоящее время», заканчивал президент С. Ш., «буквально несут на себѣ отвѣтственность за участь человѣчества в ближайшіе годы. Они не могут остаться глухи к голосу своих народов. Исторія будет считать их отвѣтственными за жизнь и благополучіе всѣх». И он высказывал надежду, что отвѣтъ Гитлера «дастъ основаніе человѣчеству надѣяться на окончаніе тревоги».

Конечно, вожди демократій руководствовались тѣми же самыми соображеніями, когда, со времени Версальскаго конгресса и Локарнских соглашеній, культивировали миролюбивыя настроенія и запустили свои вооруженія, дав Германіи возможность вооружаться. Но теперь они были вынуждены слѣшно наверстывать упущенное и усиливать средства обороны, чтобы не быть застигнутыми врасплох политикой насилія, смысл которой стал, наконец, ясен для самых упорных. Англія и Франція, разумѣется, встрѣтили предложеніе Рузвельта полным согласіем, не скрывая от себя слабости его практическаго значенія. Да и сам Рузвельт одновременно отдал приказ американскому флоту в Тихом океанѣ немедленно вернуться к своим базам. Этим он усиливал положеніе Англіи в тихоокеанских водах против японской агрессіи, а, главное, его об-

ращеніе к Гитлеру развязывало ему руки и обезоруживало его американских противников на случай, если война начнется. В Европѣ его призыв прозвучал, не столько как шаг профессиональнаго дипломата, сколько как голос исторіи. Германия и Италия, послѣ обычных бранных выходов печати, поняли, что на такой голос нельзя отвѣчать одной грубой насмѣшкой. Гитлер хотѣл выждать — и об'явил, что отвѣтит Рузвельту 28 апрѣля в засѣданіи спеціально для этого собраннаго рейхстага. В ожиданіи выступленія он предпринял шаг, который своим лицомѣріем и безстыдством ярко контрастировал с благородным тоном американскаго обращенія. 22 апрѣля он обратился к поименованным в спискѣ Рузвельта малым странам с строгим запросом, инквизиціоннаго характера: «Вызвали-ли они сами обращеніе Рузвельта? Были-ли они о нем предупреждены? Считаю-ли они себя находящимися под угрозой»? Естественно было, конечно, отвѣтить, что «соучастія» в преступленіи не было, а на послѣдній вопрос Румынія основательно возразила, что Германиі самой лучше извѣстно, кому она угрожает. Но, вообще, отвѣты запрошенных государств были или уклончивы, или просто отрицательны: страх разсердить фюрера в них сказался, и діалог волка с овечкой принял обычное направленіе. Отвѣтили отрицательно и Швейцарія, передвигавшая войска к границам, и Бельгія, укрьплявшая свои границы, и Голландія, принявшая героическое рѣшеніе затопить свою страну, как бывало в ХУІ в. против Филиппа II испанскаго. Недурная историческая параллель!...

Поведеніе демократических держав в ожиданіи рѣчи Гитлера в рейхстагѣ показало, что никаких надежд на переимѣну планов Гитлера онѣ не питают. Подготовка к войнѣ продолжалась ускоренным темпом. Франція приняла цѣлый ряд декретов-законов о воинской повинности иностранцев, об усиленіи военнаго производства и об увеличеніи финансовых средств на веденіе войны. Англія, наконец, послѣ долгих колебаній Чемберлена, рѣшилась ввести обязательную воинскую повинность, призвав на 6-мѣсячный курс обученія молодых людей 20 - 21 лѣтняго возраста. Ряд других мѣр намѣчен. Общее число призываемых составит 310.000 чел. Чемберлен в засѣданіи 26 апрѣля мотивировал эту мѣру новыми обязательствами, принятыми Англіей на континентѣ, необходимостью их выполненія и недостаточной обеспеченностью обороны. Прежнія мѣры «были рассчитаны на обстановку, при которой вой-

на не может возникнуть внезапно; теперь положеніе измѣнилось». Чемберлен признал также, что при этом «принята во вниманіе точка зрѣнія других демократических государств», считавших, что принятіе обязательной повинности «явилось бы лучшим доказательством рѣшимости Англій оказать должное сопротивленіе агрессіям». В засѣданіи палаты 27 апрѣля Чемберлен высказался еще откровеннѣе. Военская повинность должна быть принята парламентом немедленно, чтобы предупредить рѣчь Гитлера. Никто в Европѣ не должен усумниться в готовности Англій примѣнить силу против силы. Мы живем в період «не мира и не войны». Необходимо было «успокоить всѣх друзей Англій в Европѣ».

Однако, с другой стороны, Чемберлен не преминул в первой рѣчи подчеркнуть, что «цѣль гарантій, предоставленных Англій нѣкоторым государствам, не в том, чтобы вызвать войну, а чтобы ее предотвратить». В то же время отозванный из Германіи посол Сесиль Гендерсон вернулся в Берлин, «чтобы держать германское правительство в курсѣ эволюціи британской внѣшней политики», по уклончивому об'ясненію Чемберлена в палатѣ. Гитлер воспользовался этим случаем, чтобы унижить «выразителя англійской угрозы». Не только он сам, но и Риббентроп отказали Гендерсону в свиданіи, и принял его товарищ министра. Оба были «очень заняты» — приемом Марковича. Так об'яснил Чемберлен члену палаты — социалисту, спросившему его «не является-ли отказ в приемѣ оскорбленіем».

Переговоры с СССР усиленно велись в послѣдніе дни. Майскій ѣздил в Москву и вернулся в Лондон. Но СССР, видимо, продолжает занимать уклончивую позицію. Москва все еще требует возвращенія к системѣ коллективной безопасности, что, очевидно, невозможно, и ставит вопросы, на которые нельзя ждать удовлетворительнаго отвѣта. «Какую конкретную помощь Великобританія намѣрена оказать СССР, в случаѣ нападенія Японіи? Как сможет СССР конкретно помочь Англій в виду отказа Польши, Румыніи и Балтійских государств пропустить совѣтскія войска и разрѣшить перелет совѣтских аэропланов?»

Что касается, в частности, балтійских государств, СССР уже в началѣ мѣсяца предупредил Латвію и Эстонію, что, если онѣ откажутся, хотя бы, от части своего суверенитета в пользу другого государства, то он аннулирует акты о ненападеніи и будет считать себя свободным в выборѣ средств для защиты своих жизненных интересов.

Прїзд Гафенко в Лондон и Париж, повидимому, почти не измѣнил сдержанной позиціи Румыніи. Не измѣнилась и позиція Югославіи послѣ посѣщенія Марковичем Чіано в Венеціи. «Сердечных прїемов» и «полнаго единодушія», сколько угодно; но ... «воз и нынѣ там». Возможно, что поѣздка Потемкина, попутно посѣтившаго Бухарест и Софію, в Анкару, будет имѣть болѣе опредѣленные результаты: рѣчь идет о неприкосновенности Дарданелл. Но в Анкарѣ уже сидит вытасченный из забвенія фон - Папен, в Бухарест собирается ѣхать Риббентроп, а в Берлин приглашен регент, кн. Павел.

Рѣчи Гитлера ждали с понятным нетерпѣніем. Будет он грозить или пойдет на мировую? Или же будет отступать, отстрѣливаясь? Война или мир, — сейчас или когда? Издѣвательства германской печати над Рузвельтом и Чемберленом найдут-ли отраженіе в рѣчи? Издѣвательств было болѣе, чѣм достаточно, хотя словесных угроз — меньше, нежели обыкновенно. Выводить отсюда, что рѣчь Гитлера «ничего не измѣнила», было бы нѣсколько преждевременно. Дѣло в том, что — как-то между строк, и совсѣм «логично», даже с сокрушеніем душевным — Гитлер самовольно отмѣнил еще два договора: с Англїей и Польшей. Если первая отмѣна ни к чему не ведет, то нельзя того же сказать о второй. Здѣсь Гитлер сдѣлал еще один шаг к открытію конфликта. Или он Польшу поставит на колѣни, или... На этих нѣскольких точках мы можем остановить обзор; ближайшіе дни покажут, кончена-ли «разстановка фигур» или же она будет продолжаться.

Важнѣйшія событія

А П Р Ъ Л Ъ

1. Гитлер заявил в вильгельмсгафенской рѣчи, что «союз между Германіей и Италіей — нѣчто болѣе возвышенное и болѣе прочное, чѣм союз между Англїей и большевиками». Намекая на Польшу, он сказал, что «тот, кто намѣрен таскать из огня каштаны для других, рискует обжечь себя пальцы».

2. На бельгійских выборах рекси-

сты разгромлены. Их мѣста достались католикам и либералам.

— Словацко-венгерскій конфликт ликвидирован за счет словаков: граница перемѣщается на 20 кл. вглубь Венгрии.

3. Чемберлен заявил в палатѣ, что «слово Германіи развѣяно по вѣтру», и что вслѣдствіе этого Англія вынуждена измѣнить свою политику. Гарантія, данная Польшѣ, будет

распространена на другія страны.

— В Лондон прибыл полк. Бек.

4. Гази I, король Ирака, погиб ночью в автомобильной катастрофѣ. В странѣ вспыхнули беспорядки. Убит англійскій консул в Багдадѣ.

5. Альбер Лебрэн вторично избран президентом Французской республики (596 голосов из 910).

— В Инсбрукѣ происходит совѣщаніе представителей германскаго и итальянскаго генеральнаго штабов.

— Франко обязался, в случаѣ войны, предоставить всѣ испанскія морскія базы в распоряженіе итальянскаго флота.

6. Англійская гарантія Польшѣ превращена в двухсторонній англо-польскій пакт. Германская официальная печать яростно нападает на Польшу, указывая, что путем уступки Данцига и восстановления связи между рейхом и восточной Пруссіей, Польша могла бы совершенно обезопасить себя со стороны Германіи.

— Итальянская эскадра прибыла в Дураццо. Отвѣчая на запрос по этому поводу в палатѣ, Чемберлэн заявил: «Положеніе спокойно. Мы слѣдим за развитіем событій».

7. Итальянскія войска высадились в нѣскольких пунктах албанскаго побережья. Эскадра обстрѣливает Дураццо. Албанцы оказывают сопротивление, но вынуждены отступить вглубь страны.

— Испанія примкнула к анти-коминтернскому пакту.

8. Итальянцы заняли Тирану и главные населенные центры Албаніи. Король Зогу укрылся на греческой территоріи. Рим объясняет оккупацию Албаніи тѣм, что итальянцы, там проживавшіе, подвергались притѣсненіям.

— Англійскій кабинет. обсудив

событія в Албаніи, признал положеніе «еще недостаточно выяснившимся». Югославія отнеслась к оккупации Албаніи пассивно.

9. Итальянскій посол в Лондонѣ завѣрил Галифакса, что оккупация Албаніи — «мѣстная операція».

— В связи с передвиженіями войск внутри Германіи, Голландія и Швейцарія принимают оборонительныя мѣры на границах.

10. В засѣданіи англійскаго кабинета рѣшено воздержаться от выступления по поводу оккупации Албаніи, но принять мѣры к обезпеченію Греціи.

11. В Италіи мобилизовано еще 300 тыс. человекъ; под ружьем находится, в общем, 1 миллион солдат.

12. Польскій посол в Берлинѣ, Липскій, повез в Варшаву условія Германіи: 1) урегулированіе положенія нѣмецкаго меньшинства в Польшѣ, 2) возвращеніе Данцига нѣмцам, 3) устройство автострады через «коридор» и 4) уступка Германіи нѣкоторых пунктов в Тешенѣ, населенных нѣмцами.

13. Даладье и Чемберлэн сдѣлали одновременно идентичную декларацию: всякая попытка нападенія на Грецію и Румынію вызовет вмѣшательство Англии и Франціи (при условіи, что греки и румыны окажут сопротивление).

— Франко придвинул к самой границѣ британской территоріи у Гибралтара артиллерию, пулеметы и танки.

— Албанская корона предложена Виктору - Эммануилу III, который согласился ее принять.

— Германскія силы сосредоточиваются на линіи Зигфрида.

15. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланіем, в котором предлагает обоим диктаторам воздержаться в теченіе 10 или 25 лѣт

от нападения на другія государства и дать в том формальную гарантію. За это время соберутся экономическая конференція и конференція по разоруженію, для урегулированія всѣх спорныхъ вопросовъ.

— Германская печать отвѣтила на посланіе потоками брани. Италия заняла болѣе сдержанную позицію.

16. В Гибралтар прибыли французскія военныя суда. Свыше 100 инженеровъ (в том числѣ, французскіе) работают над укрѣпленіемъ гибралтарской зоны.

— Иностранцы, проживающіе во Франціи на положеніи политическихъ эмигрантовъ, особымъ декретомъ приравнены к коренному населенію в смыслѣ воинской и трудовой повинности.

17. В Гибралтар прибыла французская эскадра.

— Гитлер рѣшил отвѣтить Рузвельту 28 апрѣля в рейхстагѣ.

18. Ликвидирован международный комитет невмѣшательства в испанскія дѣла.

— Берлинскій полпред Мерекалов имѣл продолжительную бесѣду с тов. министра ин. дѣл Вейцекером. В Лондонѣ получены сообщенія, что Гитлер зондируетъ почву на предметъ заключенія соглашения с СССР.

19. В Гаврѣ сгорѣл французскій трансатлантической пароход «Пари». Установлен фактъ поджога. Подозрѣваются агенты иностранной державы.

20. Муссолини отвѣтил на предложеніе Рузвельта: «ос» не желаетъ войны, но не вѣрит в конференціи.

21. Во Франціи опубликованы декреты - законы, упраздняющіе 40-часовую недѣлю на предпріятіяхъ, работающихъ на оборону. Вводятся новые налоги.

— Гитлер опрашиваетъ всѣ госу-

дарства, перечисленныя в призывѣ Рузвельта, знали-ли они о предстоящемъ нападении и боятся-ли германскаго нападенія. Румынія отвѣтила, что «Германіи должно быть об этомъ лучше извѣстно». Другія столицы отвѣтили уклончиво или отрицательно.

22. Англія ведетъ активныя переговоры с совѣтской Россіей о сотрудничествѣ. Майскій, выѣзжавшій в Москву, возвратился в Лондон.

23. В Венеціи состоялась встрѣча Марковича с Чіано. Попытки Италиі привлечь Югославію к антикоммунистическому пакту не увѣнчались успѣхомъ.

24. Англійскій посолъ Гендерсон, покинувшій Берлин послѣ занятія нѣмцами Праги, возвратился к мѣсту службы.

25. Англійское правительство единогласно постановило внести в парламентъ проектъ закона о воинской повинности.

26. Риббентроп не принялъ Гендерсона, желавшаго сдѣлать ему заявленіе от имени британскаго правительства. Англійскаго посла принялъ товарищъ министра, которому Гендерсон сообщил: 1) о введеніи в Англіи воинской повинности и 2) об «эволюціи англійской политики».

27. Палата общинъ приняла законъ о воинской повинности большинствомъ 380 голосовъ противъ 143. Соціалисты голосовали противъ.

28. Гитлер произнесъ в рейхстагѣ рѣчь, в которой заявилъ о расторженіи германско - польскаго пакта и англо - германскаго морскаго соглашения. Онъ напомнилъ о требованіи Германіи ея прежнихъ колоній и рѣзко раскритиковалъ воззваніе Рузвельта.

29. Ватиканъ вступилъ в переговоры с правительствомъ рейха о новомъ соглашеніи.

— Венгерскіе министры Телеки и Чаки прибыли в Берлин.

— Германскій главнокомандующій ген. Браухич прибыл в Рим для совѣщанія и совмѣстной с начальником итальянскаго генеральнаго штаба ген. Паріани поѣздки в Ливію.

— Вернувшійся из Москвы полпред Майскій представил Галифаксу новыя предложенія.

— На мѣсто Фриновскаго, наркомвоенмором назначен командовавший тихоокеанским флотом Кузнецов.

— Совершавшіе полет из Москвы

в Нью - Йорк Коккинаки и Гордіенко вынуждены были снизиться в Канадѣ, покрыв 8 тыс. килом.

— Коммюникэ об итогах посѣщенія Парижа румынским министром иностр. дѣл Гафенко носит общій и неопредѣленный характер.

30. Гафенко прибыл в Рим.

— Потемкин прибыл в Анкару.

— Берлин и Рим обсуждают вопрос о присоединеніи Словакіи к Венгрии.

— Рузвельт открыл в Нью - Йоркѣ всемірную выставку — «Мір завтра»: в ней принимают участіе 62 націи.

По поводу писем Н. А. Герцен

Недавно, перечитывая Герцена, я обратил вниманіе, до какой степени язык его интимнаго, не предназначеннаго для печати, дневника и его писем совпадает с языком его журнальных статей, его «Былого и Дум», — случай, если не единственный, то все-же рѣдчайшій в исторіи литературы. В большей или меньшей степени, писатель, сколь бы он ни был «поэт», сколь-бы ни стремился в своих произведеніях раскрыть свою душу, выразить себя, все-же, когда он пишет для других, обычно как-то себя сдерживает, себя ограничивает, ищет «общаго» с читателем языка, и тѣм самым от чего - то «своего» отказывается. Когда он пишет исключительно для себя или для своих близких, он, может быть, выражается небрежнѣе, сбивчивѣе, но — свободнѣе, легче «проговаривается». С этой точки зрѣнія духовная цѣлостность человѣческой личности является лишь относительной. Исключительность Герцена в том, что для него, когда он высказывается, словно не существует различія между ним самым, его друзьями и читательским «анонимом»: во всѣх сферах общенія и высказыванія он выступает в одном и том-же «лицѣ». Герцен — *individuum* в точнѣйшем смыслѣ слова; абсолютно «недѣлим».

Смысл и значеніе этого раскрываются во всей полнотѣ при сопоставленіи рѣчи самого Герцена с рѣчью его жены в ея, напечатанных в «Русск. Зап» (1939, февраль), письмах. Язык этих писем — тот-же самый, что язык всего писаннаго Герценом. Дѣло идет, конечно, не о каких-нибудь, самих по себѣ безразличных, особенностях всякаго бытового, семейнаго, кружковаго и т. д. «argot», а о том, что в герценовской рѣчи единственно, неповторимо, что дѣлает ее, по выраженію Тур-генева о ней, настоящим «живым тѣлом»: о ея страстном, напряженном

и вмѣстѣ величественном — каком-то бетховенском — **ритмѣ**, образуемом своеобразным, специфически герценовским, построением сложных рѣчевых цѣлых, слагающихся из коротких рѣчевых единиц, выражающих, каждая, отдѣльное впечатлѣніе, отдѣльную эмоцію, так что ощущается послѣдовательное нарастаніе нѣкоторой **общей**, сложной, сопутствующей развитію высказываемой мысли, эмоции, ощущается **жизнь**, владѣющей всѣм цѣлостным сознанием говорящаго, **идеи** во всем ея богатствѣ и в ея неудержимом стремленіи к самораскрытію. Если-бы мнѣ прочли, не называя автора, мѣсто из письма Н. А. Герцена к Астраковой (Іюнь, 1848 г. — «Р. Зап.», стр. 108) — «перед революціей становилось свободнѣе дышать...», я бы утверждал, что это — из «Былого и Дум», или «С того берега».

Эти наблюденія служат подтвержденіем глубокой истинности того, что незадолго до своей кончины, подводя итоги прожитой жизни, писала Н. А. Герцен (к Маріи К. Рейхель, 1852, с. 112 слл.) о своих отношеніях к ружу: «... нравственных сил у меня много, непреоборимых, сила моя — моя любовь к Ал., опора моя — его любовь ко мнѣ, никогда... мы не были так проникнуты друг другом, никогда не были так воедино...» «...Береги дѣтей, чтоб клевета на наш союз не коснулась их, они могут и должны только благословлять его. На них я надѣюсь, на дѣтей, на них так ясна печать истинности полноты этого союза...» И в другом письмѣ к ней-же (6 марта 52, с. 114 сл.): «Когда бы прекратилась эти внѣшнія дрязи — сколько у нас с А. матеріалу на прекрасную жизнь, жизнь полную, глубокою, мудрую, гармоническую. Хоть у меня и не было со встрѣчи с ним ни одного мгновенія, в которое я не чувствовала болѣе или менѣе одного кровообращенія с ним, как с сросшимся близнецом, но — при всем была Фома невѣрный, наконец, как он-же, вложила персты...» — Почему, касаясь вопроса о том, что было предметом семейной драмы Герценов, она, обращаясь к человѣку, которому всѣ обстоятельства их жизни были превосходно извѣстны, все же употребила слово «клевета»? Потому, что здѣсь она имѣет в виду именно «обстоятельства», то, что относится к «эмпири», к области «случайнаго», и что по существу ея союз с Герценом был именно таким, как она его охарактеризовала: полная сросченность воедино, «одно кровообращеніе», **проникнутость** друг другом, при которой два человѣка чувствуют, мыслятъ, а потому и **говорят**, как один человѣкъ.

Разумѣется, в жизни оба плана, «эмпири» и «умопостижимаго», сливаются в один план — и уже в силу этого союз Герцена и его жены меньше всего был идилліей, — не говоря о том, что и духовное развитіе обоих протекало далеко по одной и той-же линіи, — как это прекрасно показано у П. Н. Милюкова в его статьѣ «Любовь у идеалистов тридцатых годов» (Сборн. «Из исторіи русской интеллигенціи»). Иначе и не могло быть. Чѣм значительнѣе человѣческая личность, тѣм **трагичнѣе** ея жизненный путь. Отношенія между Герценом и его женою — независимо от того, что Н. А. относит к области «клеветы», — с самаго начала их союза и до конца, носят трагическій характер. Но смысл всякой жизни раскрывается в момент ея **сверженія**, — говоря словами Милюкова. в развязкѣ трагедіи. И с этой точки зрѣнія на рѣдкость по-

казательно, что развязку эту сам Герцен (там, гдѣ он, в цитированном у Милюкова мѣстѣ, говорит о своей встрѣчѣ с Н. А. в 1851 г. в Туринѣ, послѣ тѣх событій, которыя составляли кульминационную точку их трагедіи) характеризует так-же, и почти в тѣх-же словах, как и Н. А. Трагедія изжита, но это не значит, что она цѣликом отошла в прошлое: «Прошедшее имѣет свои права, оно факт, с ним надобно сладить, а не забыть его, — и мы шли к этому дружными шагами... Вновь отправляясь в путь, мы, не считаясь, раздѣлили печальную ношу былого... Внутри наболѣвших душ сохранилось все для возмужалаго, отстоявшагося счастья. По ужасу и тупой боли еще яснѣе разглядѣли мы, как мы **неразнимчато срослись** годами, обстоятельствами, чужбиной, дѣтьми...»

В основѣ трагедіи лежало еще до брака их осознанная Герценом и мучившая Н. А. истина: «Я — не ты», писал он ей. «Я не могу выносить этого я не ты...» — отвѣчала она (цит. у Милюкова). Развязка была преодоленіем этой двойственности. То, что это «человѣческое слишком человѣческое» воспринималось ими обоими так трагически, причиняло им такія душевныя терзанія, обусловлено природой их жизнепониманія и жизнеощущенія, их **персонализмом**. И им-же обусловлено то подлинное чудо сращенія «Я» и «Ты» в одно, реальность котораго завидѣтельствована письмами Н. А.

Герценовское чудо, повторяю, — предѣльный случай. Но никакой подобный случай не бывает чистой случайностью. Он всегда — **историческій факт**, в том смыслѣ, что является наиболѣе яркой и в этой своей яркости, неожиданной, изумляющей реализаціей общих духовных тенденцій своего времени. И дѣйствительно, персоналистическое сознание, имѣющее свой источник в раннем христіанствѣ, в августинизмѣ и возродившееся в Европѣ со времени Руссо, было сознанием всѣх выдающихся людей герценовскаго времени, лежит в основѣ всей той идеалистической философіи, на которой были взращены всѣ они, — сколько бы далеко иные из них (и прежде всего сам Герцен) ни отошли затѣм от нея. И это еще не все. Не случайно и то, что «чудо» осуществилось на **русской почвѣ**. Если обратимся к перепискѣ Бакуниных, к записям Ив. Кирѣевскаго, приводимым Гершензоном в его «Исторических Записках», к стольким еще другим матеріалам по исторіи «замѣчательнаго десятилѣтія», то убѣдимся, что проблема личности, ея духовной свободы, ея цѣлостности, нигдѣ не выдвигалась с такой остротой и так не владѣла сознанием, как в кругах тогдашней русской интеллигенціи.

П. Бицилли

ПОПРАВКА

В предыдущей книгѣ журнала. в статьѣ о покойном Е. И. Замятинѣ. днем его похорон указано 2-ое марта, вмѣсто 12-го.

БИБЛИОГРАФІЯ

Н. Туровѣров. Стихи. — Безансон, 1939 г.

Л. Хаиндрова. Ступени. Стихи. — Харбин, 1939 г.

А. Ачаир. Тропы. Стихи. — Харбин, 1939 г.

А. Жемчужный. Сѣверные отблески. — Стихи. Тяньцзинь, 1938 г.

Писать стихи, которые никому или почти никому не нужны, тратить послѣднія деньги на изданіе тоненьких сборников, не мечтая о славѣ, ибо какая же может быть в эмиграціи «слава», но все же писать и печатать во что бы то ни стало, и это уже не в ранней молодости, когда все кажется доступным, а уже искусившись в жизненных неудачах, — в этом есть большая сила, поневолѣ располагающая к себѣ.

Четыре книжки четырех различных поэтов. Всѣ четверо, повидимому, уже не новички в литературѣ: в стихах видна опредѣленная грамотность, иногда формальныя исканія, иногда подлинное поэтическое волненіе, не искаженное грубыми ошибками стихосложенія. И в то же время нигдѣ с такою отчетливостью не сказывается распыленіе и разобщенность русской эмиграціи, отсутствіе литературной воспитывающей среды, как в стихах русских заграничных поэтов. При чтеніи все время нельзя отдѣлаться от досадливой двойственности — стихи были бы совсѣм хороши, если бы.. Если бы Туровѣров, одаренный очень рѣдкой в наши дни способностью свободно и легко писать стихи, — пишет, как на коньках катается,—был менѣе самоувѣрен и меньше выставлял на показ свою казачью удаль; если бы Хаиндрова, продолжающая Ахматовскую линію русской поэзіи, не впадая, однако, в простое подражаніе, была менѣе расплывчата и туманна; если бы Ачаир, человекъ безусловно одаренный, хоть на время забыл о том, что он «поэт» и что «кто ему ласково приказывает»:

— Пиши!

И я пишу про бред и небыль

Сомнамбулической души.

Наконец, если бы у А. Жемчужного, надѣленного настоящим ощущеніем природы и чувством стиха, не было совершенно трагических срывов вкуса:

...Как тамбурины мягкіе на сказочном Востокѣ,

Льют ритмикой в сердца любовный яд.

Трудно повѣрить, что автор «мягких тамбуринов», «люющеййся ритмики» и «любовнаго яда» мог написать такія прекрасныя строчки об осени:

Серебряныя нити тянутся тончайшей паутины —

Сентябрь свои узоры по дубравам вьет;

Дымят, суша хлѣба, высокіе овны

И галочій шумлив над гумнами полет.

Причин, объясняющих неравноценность стихов одного и того же поэта, много, но хотелось бы отметить две, наиболее характерные и, к сожалению, наиболее трудно исправимые — 1) отсутствие настоящей поэтической среды, которая вела бы всех пишущих стихи, интересовалась бы их творчеством, пручала бы их с большей строгостью относиться к своим произведениям и, 2) отсутствие настоящей большей темы, вне которой стихи становятся случайными, ни для кого не обязательными упражнениями.

Любопытно, что почти все стихи поэтов, пишущих за-границею о Россіи, сводятся к болѣе или менѣе блѣдным воспоминаніям о гражданской войнѣ и сентиментальным вздохам: «по тебѣ, березанька кудрявая, тоскую». Казалось бы, что именно здѣсь, за-границею, в условіях абсолютной свободы, которая и не снилась нашим отцам и дѣдам, можно было бы найти настоящія слова, увидѣть и услышать Россію так, как никто до революціи не мог ее ощутить. Но на дѣлѣ этого нѣтъ, и поневолѣ начинает закрадываться сомнѣніе в том, что эмигрантская поэзія сможет справиться с основною своею задачею — рассказать о себѣ и о Россіи так, чтобы потом, через десятки лѣтъ, эти стихи можно было бы читать... и любить.

Сергій Осокин

Hilaire Belloc. Pour mieux comprendre l'Angleterre contemporaine. (Desclée de Brouwer, Paris).

Книга эта написана знаменитым англійским писателем специально для читателей - французов, и, как видно из ея заглавія, стремится содѣйствовать лучшему пониманію, с их стороны, современной Англии, а также, скажем мы, Англии вообще, тѣм болѣе, что одна от другой не отдѣлима. Лучшаго руководителя к познанію Англии для французов и в самом дѣлѣ желать нельзя: Беллок всю свою долгую жизнь размышляя над исторіею своею страны и над особенностями ея государственнаго строя, и сам он — человекъ наполовину французской крови и французской культуры, которому нетрудно поэтому перенестись во французскую психологію и французскими глазами взглянуть на Англію. Его любовь к конкретному и юмор — англійскія черты, но от Франціи у него отчетливость мысли и склонность к строго - логическим построениям. Талант и какая-то особая жизненность его ума сказались в этой небольшой книжкѣ с той же силой, что и в его других писаніях, будь то историческія, біографическія, публицистическія книги или тѣ свирѣпо - сатирическіе стихи — яко бы для дѣтей — которые впервые прославили его среди взрослых.

По Беллоку, Англія послѣдних трех вѣков, послѣ Кромвелля и пуританской революціи, покоится цѣликом на трех принципах: аристократизмѣ, протестантизмѣ и меркантилизмѣ. Конечно, он понимает, что Англія — «живой организм и, слѣдовательно, ее нельзя опредѣлить простою формулою», но все же он считает, что ея единственность среди современных націй вытекает из сочетанія трех указанных им принципов. Прежде всего Англія, по Беллоку, — страна демократических учрежденій при аристократическом принципѣ власти или, как выразился

кто-то до него, «демократія аристократов». Почти столь же существенно для всего англійскаго строя сочетание протестантизма с преобладаніем коммерческих интересов и связанных с ними тенденцій внѣшней политики и соціальной жизни. «Француз, итальянец, испанец сохраняют извѣстную связь со средневѣковым міром; англичанин так же его не знает, как можно не знать чужую страну». Связь эта была порвана религіозной революціей пуританизма болѣе радикально, чѣм политической революціей во Франціи.

Таковы основныя точки зрѣнія Беллока, развиваемыя им с большим остроуміем и блеском. Конечно, как и всѣ книги такого рода, его опыт нѣсколько односторонен и оставляет много вопросов неразрѣшенными. Так, напримѣр, самое важное, пожалуй, было бы попытаться объяснить, почему «всѣ граждане» мирятся с англійским аристократическим демократизмом и каким образом англійскій правящій класс сумѣл завоевать довѣріе страны? В. В.

Albert Grzesinski. Inside Germany, — Dutton Co. 1939.

На англійском языкѣ в Америкѣ появилась очень интересная книга бывшаго министра внутренних дѣл Пруссіи и берлинскаго полицейскаго президента эпохи веймарской конституціи — Альберта Гжезинскаго. Книга интересна, как компетентное свидѣтельство о Германіи послѣдних двух десятилѣтій, исходящее от виднаго участника событій 1919 — 1933 г. г. Для русскаго читателя она интересна вдвойнѣ, ибо он не может не сравнивать и не проводить параллели между развитіем революціи и утвержденіем сначала республики, а потом диктатуры «одного и единственнаго» — и в Россіи, и в Германіи.

Автор издавна принадлежал к правому крылу германской социал - демократіи. Но ему многократно случалось расходиться с ближайшими соратниками по вопросу о мѣрах защиты демократическаго режима. Гжезинскій настаивал на основательной «чисткѣ» кадров германской арміи и суда, враждебных новому строю. Он требовал энергичнаго подавленія коммунистических и нац. - социалистических заговоров и в свое время подписал приказ об арестѣ Гитлера и высылкѣ его из предѣлов Пруссіи; приказ этот был отмѣнен правительством.

«Смѣшно думать, что революція 18 года была заранѣе задумана», — замѣчает автор. «Ничего не было заготовлено. Все произошло неожиданно. Даже социалистическое руководство не замышляло разрушить полностью прежнюю систему управленія и установить на ея мѣстѣ демократическую республику». Ни народ, ни вожди не были готовы к революціи и республикѣ. Но старый порядок так быстро ликвидировался, начальство так молніеносно исчезло, что социалисты вынуждены были взять управленіе в свои руки и только «послѣ того, как Шейдеман провозгласил республику, мы отбросили свои сомнѣнія и принялись водворять новый порядок».

Нужны были годы спокойствія и экономическаго благополучія, чтобы страна приспособилась к новому положенію. Этого не случилось; внѣшне - политическія условія, меж-партійныя и экономическія создали с перваго же дня республики очень тяжелое для нея положеніе. И по-

слѣдующія событія отнюдь его не облегчили, а, наоборот, только способствовали подрыву в массах довѣрія к прочности режима. Соціалисты не могли дѣйствовать по своему усмотрѣнію, так как не были в большинствѣ ни в веймарском учредительном собраніи, ни в рейхстагѣ. Коммунисты же, а потом наци, подрывали авторитет демократии и в рабочей средѣ, и на государственной и международной аренѣ. Гжезинскій лучше других был освѣдомлен о вредительской работѣ коммунистов и наци. «Коммунистическая партія кишѣла шпіонами. Видные члены компартіи предлагали полиціи свои услуги за вознагражденіе. Я знал все, что происходит у коммунистов. Через нѣсколько часов послѣ секретнаго засѣданія партіи на моем столѣ уже лежал доклад с изложеніем всего происходившаго на собраніи».

Естественное недоумѣніе — как же в таком случаѣ, если все так хорошо «освѣщалось» изнутри, могло все же случиться то, что случилось, — автор отводит ссылок на «демократическую терпимость», при которой власть относилась слишком снисходительно даже к отъявленным своим врагам. «Да, надо опять и опять указать, что у нас не было нужной «железной воли», чтобы укрѣпить авторитет государственной власти и повести борьбу с тѣми, кто стремился уничтожить демократію и создать диктатуру».

Во второй части Гжезинскій рисует то, что пришло на смѣну веймарской Германіи. Оказывается, что при всей централизациі третьяго рейха, стянущаго все и вся к волѣ «одного и единственнаго», — террористическая система все же нѣсколько децентрализована, имѣет свои развѣтвленія. Так, «крупныя промышленныя предпріятія в современной Германіи обладают собственными полицейскими органами и даже тюрьмами. «Юнкер», изготовляющій авіоны в Дассау, арестовал и бросил в собственныя тюрьмы за время с 33 по 36 год 380 рабочих». То же право суда и заключенія в собственныя тюрьмы своих рабочих предоставлено в гитлеровской Германіи и крупным химическим и иным заводам.

Гжезинскій не тѣшит ни себя, ни других отрадными перспективами: «Нацизм означает войну. Гитлер ведет Германію, всю Европу и весь мір на путь уничтоженія... Не может быть мира на землѣ, не может быть экономическаго оздоровленія, пока над Германіей развѣвается свастика».

М. В.

The Coming Struggle for Latin America. By Carleton Beals. — Philadelphia, 1938.

Американскій писатель Карльтон Билс, проведшій свыше двадцати лѣтъ в разных странах Южной Америки, рассказывает много интересных подробностей о тамошней дѣятельности нѣмцев, итальянцев и японцев.

В большинствѣ стран латинской Америки нѣмцы по численности превышают сѣверо - американцев. Со времени же прихода к власти Гитлера нѣмецкая колонизація стала еще болѣе интенсивной, и во многих странах нѣмцы заняли господствующее положеніе. В Центральной

Америкѣ и Бразиліи нѣмцам принадлежат кофейныя плантаціи, а в Мексикѣ, Перу и других странах им принадлежат почти всѣ текстильныя фабрики. В Мексикѣ Германія отодвинула на рынкѣ Англію на третье мѣсто. В Чили всѣ военные заводы выстроены Круппом.

Одновременно ведется самая яростная антисемитская пропаганда. В Арктикѣ вышла книга Гуго Васта «Золото», в которой без всяких обиняков автор призывает к полному истребленію евреев. Приняты мѣры для распространенія этой книги по всему матеріку. Почти круглыя сутки ведется антисемитская пропаганда по радіо. Группы бразильских и аргентинских офицеров ежегодно отправляются в германскую военную академію и возвращаются оттуда влюбленными в «гусиный шаг», в свастику и идеи наци.

Из латинской Америки нѣмцы предполагают создать новую оборонительную линію. Из Аргентины Англія получает большую часть пшеницы и мороженого мяса, а Венецуэла и Мексика поставляют нефть. Сохраненіе этих поставщиков во время войны — жизненный вопрос для Англіи. Германія не стремится к тому, чтобы страны Южной Америки приняли активное участіе в будущей войнѣ; будет достаточно, если эти страны откажутся от роли поставщиков Англіи. Если фюреру не удастся захватить в свои руки контроль по вывозу товаров, он всегда сумѣет вызвать в рядѣ южно - американских стран гражданскую войну, и тогда экспорт остановится сам собою.

Не менѣе чревата послѣдствіями и дѣятельность Италіи, которая за 75 лѣт вывезла в Америку пять миллионов человек. Дѣятельность Италіи направлена на то, прежде всего, чтобы превратить всѣх американских итальянцев в фашистов. Это достигается с помощью разнаго рода репрессій, бойкота и даже матеріальных подачек. Сейчас итальянское вліяніе очень сильно в Бразиліи, Перу, в Аргентинѣ и еще в нѣкоторых южно - американских странах.

Третьим фактором являются японцы. Они обладают широко разбросанной сѣтью шпионов. Японцы владѣют монопольно рыбными промыслами по побережью почти всей Южной Америки; в особенности, они развивают дѣятельность у берегов Мексики, и их рыбацья флотилія почти всегда можно встрѣтить у Панамскаго канала. Молодые морскіе офицеры, находясь на рыбацких судах, практически изучают весь этот край. Кромѣ того, японцы владѣют там обширными плантаціями, а в Бразиліи у них до шести миллионов акров засѣяно хлопком. В настоящее время Японія почти прекратила закупки хлопка в Сѣверной Америкѣ.

Для Англіи латинская Америка имѣет жизненное значеніе. Во время минувшей войны она получала большую часть своего продовольствія и сырья из Южной Америки. В будущей войнѣ, когда Италія будет блокировать Средиземное море, Англія окажется отрѣзанной от румынской и месопотамской нефти. Пшеница Румыніи и Украины окажется недоступной для нея, и Англіи, волей неволей, всѣ свои надежды придется возлагать на Южную Америку.

Между тѣм, британскій престиж в странах латинской Америки

сильно упал. Главной причиной являются неустойчивость британской дипломатии, ея колебанія в испанском конфликтѣ и уступки фашистским правительствам.

А. Швыров

Alexandre Barmin. Vingt ans au service de l'URRS. (Souvenirs d'un diplomate soviétique). — Edit. Albin Michel. Paris, 1939.

Автор воспоминаній — не только совѣтскій дипломат; он и совѣтскій генерал, и сановник внѣшторга. Читателям памятна исторія его разрыва с совѣтской властью, в декабрь 1937 г., когда он занимал должность повѣреннаго дѣлах в Афинах. Тогда А. Бармину было 38 лѣт. В исторіи всякой революціи бывають головокружительныя карьеры. Не часты; однако, случаются, когда такая карьера дѣлается сразу в трех областях: военной, хозяйственной и дипломатической. Об этом своем опытѣ автор рассказывает с подкупающей искренностью, добросовѣстностью и откровенностью человѣка, впервые остановившагося на двадцатилѣтнем бѣгу и оглянувшася назад. Его книга не просто воспоминанія, а — исповѣдь.

Первыя двѣ главы составляют как бы предисловіе; это — повѣсть о том, что переживал в Афинах совѣтскій дипломат, оторванный от родины, забытый своим наркомом (Литвинов перестал отвѣчать на дѣловыя письма), читая газетныя сообщенія о московских процессах; как вдруг он почувствовал, что сам взят под подозрѣніе; как чекисты пытались заплучить его на совѣтскій пароход в Пирей, угрожали (за чашкой кофе на рыбной ловлѣ) расправиться с ним при помощи наемнаго убійцы («здѣсь, в Греціи, это будет стоить от 5 до 10 тысяч драхм, и полиція никогда ничего не узнает»), подсылали убійц или похитителей на загородную дачу в Каламаках... Читателя увлекут эти страницы, как отличный уголовный роман.

Не в этих главах, однако, центр тяжести книги. С несомнѣнным литературным даром, автор рассказывает затѣм свою жизнь «средняго русскаго человѣка», надѣясь, что его «опыт и воспоминанія помогут понять, что произошло, что мы всѣ дѣлали, зачѣм и почему...» Задача удалась отлично. Мы не ошибемся, если скажем, что за двадцать лѣт не было еще столь яркаго **внутренняго** свидѣтельства о русской революціи, столь важнаго **человѣческаго документа**.

«Я принадлежал к русскому поколѣнію, выросшему под диктатурой преемств, незнакому ни с какими иными идеями, ни с какими другими доктринами или убѣжденіями, кромѣ большевистских. Я вырос, не слыша чужого голоса, в глубокой увѣренности, что только мы одни владѣем полной и окончательной истиной, и что учиться у противников нам нечему», — признается автор. Да и когда было учиться? Революція застигла Бармина на гимназической скамьѣ. Семейная жизнь родителей сложилась неудачно: с малых лѣт он был предоставлен самому себѣ. Впервые он увидѣл «живого большевика» в Гомелѣ в 1917 году и тогда же впервые услышал имя Ленина. Чѣм проще и короче была большевистская доктрина, тѣм убѣдительнѣе она звучала.

Очертя голову, юноша бросился в революцію. Свое боевое крещеніе он получил в боях с партизанами Струка и Зеленаго под Киевом и

18-ти лѣт от роду был политруком батальона, потом полка. Гражданскими боями прерывалось обучение в минской школѣ «курсантов», потом в военной академіи в Москвѣ. С горячим увлечением молодой коммунист изучает военное искусство и восточные языки, мечтая о революціи в Персіи и в Индіи. Но незамѣтно для него самого судьба превращает его из революціонера в чиновника. Первое столкновение с совѣстью происходит в Персіи, гдѣ безумному консулу на Рештѣ полпред велит поддерживать «купцов - капиталистов», продолжая традиціонную имперскую политику на Ближнем Востокаѣ.

С трогательной и наивной искренностью автор повѣствует о том, каким тяжелым испытаніям подвергалась затѣм его вѣра, как преодолѣвала сомнѣнія, ища самозабвенія в трудѣ. Неискушенный в доктринѣ, он, подобно своим сверстникам, предоставлял вождям заниматься «диалектикой», вѣря, что они честно сумѣют рѣшить всѣ споры, и принадлежа к «сталинскому большинству», потому что в атмосферѣ разрухи и отчаянія только Сталин казался твердой скалой. Одного за другим рука «отца народов» вырывала из жизни бывших товарищей и личных друзей Бармина, героев гражданской войны, наивных и восторженных идеалистов, своею кровью строивших «соціализм в одной странѣ». Потрясенный казнями, он продолжал все-таки вѣрить, не смѣл измѣнить. Расправа с Тухачевским и лучшими полководцами революціи вырвала послѣднюю соломинку, за которую держалась рука утопавшаго.

Книга А. Бармина не содержит ни сенсационных разоблаченій, ни гражданских обличеній. Читается она, однако, с неослабным, захватывающим интересом. Будто живыя встают тѣни загубленных Сталиным душ: Тухачевского, Розенгольца, Федько, Дыбенко, Чичерина, Юренева, Алксниса, Дм. Шмидта, Шумяцкаго, Фейсулы, Ходжаева, Стецкаго, Гая, Зотова, Матусенко, Карахана и сотни других. С ними Бармин встрѣчался и работал на разных этапах своей карьеры.

«Их больше нѣт. Режим, который они хотѣли построить, существует только по имени. Они боролись за то, чтобы уничтожить эксплуатацію человѣка человѣком, чтобы построить общество болѣе справедливое, болѣе свободное, гдѣ каждому был бы обезпечен максимум благополучія. Сталин разстрѣлял их. Наединѣ со страхом, он царствует в одиноком Кремлѣ над соціализмом, построенном на крови братьев, для него самого и его полицейских...»

Н. П. В.

Еврейскій Мір. — Ежегодник на 1939 год. — Париж. Об'единеніе русско - еврейской интеллигенціи.

Самый факт появленія этой книги является манифестаціей опредѣленнаго — положительнаго — взгляда на существованіе русскаго еврейства, как особаго соціально - историческаго явленія. Такое свидѣтельство — или манифестація — приобретает сугубое значеніе, когда отрицается не только цѣлесообразность, но даже факт существованія русскаго еврейства, как особой соціально - психологической категоріи. А отрицаніе идет сейчас с двух противоположных флангов: ассимиляторы по убѣжденію отрекаются от всякой духовной связи с еврейством в силу своей связанности с русской культурой, а воинствующие націо-

налисты, даже из «лѣваго», идишистскаго лагеря, уже в употребленіи русскаго языка склонны видѣть отступничество и покушеніе на національное самосознаніе. Между тѣм, как убѣдительно возражает (в Ежегодникѣ) «противникам многоязычія» проф. Дубнов, — пока существовало, существует и будет существовать еврейское разсѣяніе, неизбывно и «неоспоримо» многоязычное развитіе еврейской культуры: не только на библейском и разговорно - еврейском языках, но и на других и, в частности, на русском.

Солидный, в 385 стр., Ежегодник представляет об'ективную цѣнность: он поучителен для всѣх интересующихся «еврейским міром», безотносительно к их оцѣнкѣ этого міра по существу; и начитанные в литературѣ предмета найдут для себя небезынтересный матеріал. Наряду с обзорам; фактическаго положенія евреев в разных странах и справочными таблицами и данными (о движеніи населенія, эмиграціи, личном составѣ евреев - парламентаріев, евреев - лауреатах нобелевскаго комитета и т. д.), читатель найдет здѣсь ряд самостоятельных статей и очерков, посвященных важнѣйшим проблемам современности и «извѣчным вопросам нашего національнаго бытія: откуда пошли мы, русскіе евреи, как жили наши предки, чѣм была в прошлом наша интеллигенція» и т. д.

Из статей о современности в первую очередь заслуживает вниманія превосходная статья Ст. Ивановича: «Евреи и совѣтская диктатура», в которой лишній раз развѣнчивается широко распространенный миф о національной эмансипаціи, якобы принесенной евреям большевиками. Автор справедливо отмѣчает, что «русское еврейство всегда умѣло связывать свои интересы с интересами всего русскаго народа; и это было не от благородства характера и не из чувства признательности, а из ощущенія исторических реальностей. Вот это ощущеніе должно играть доминирующую роль и в отвѣтѣ на вопрос о евреях и о совѣтской Россіи». Одинаково вѣрно и замѣчаніе Ст. Ивановича, что «ставка на большевизм по еврейской линіи, совмѣщающаяся как-то с отрицаніем большевизма по линіи общечеловѣческой, легче всего находит себѣ пріют в сознаніи тѣх евреев, которые внутренне оторвались от Россіи».

Из статей на «извѣчныя» темы надлежит, прежде всего, отмѣтить, конечно, статью С. Дубнова; насыщенный и оригинальный очерк Ю. Бруцкуса об «Истоках русскаго еврейства»; «родословную» русско - еврейскаго интеллигента в 19-ом вѣкѣ, принадлежащую перу С. Гинзбурга; статью М. Кроля и др. Не весь матеріал Ежегодника равноцѣнен. В нем имѣются статьи на частныя и, я бы сказал, случайныя темы; имѣются статьи, требующія непременно ссылок на первоисточники и их лишеныя (та же статья Бруцкуса), и статьи в изобилии подстрочными примѣчаніями снабженныя, без особой к тому необходимости; имѣются обзоры анонимные и авторами подписанныя; наконец, — статьи разной политической установки. Так, в обзорѣ о положеніи евреев в СССР отмѣчается «несомнѣнное» экономическое оздоровленіе, а среди других «утѣшительных» итогов в актив еврейству засчитываются такіе, болѣе чѣм сомнительныя по своему морально - политическому

облику, герои совѣтской печати и литературы, как Бабель, Эренбург, Левидовъ и т. п.; одновременно с этим дѣлается несоотвѣтствующая предыдущим утверждениям ссылка на слова Дубнова о том, что «еврейство в сов. Россіи в настоящее время само не творит своей исторіи», ибо лишено «динамики, свободного развитія, вольнаго воздуха, исторической жизни».

Не будем критиковать Ежегодник за то, чего в нем нѣтъ, — например, данных о современной еврейской молодежи, о еврейском спортѣ, музыкѣ, театрѣ и т. п. Составители Ежегодника, конечно, и сами о том сожальют. Укажем только, что в будущем, поскольку издатели Ежегодника считают свой «опыт» первым, но не послѣдним, желательно, чтобы направляющая рука редактора чувствовалась болѣе определенно.

М. Вишняк

Финансы и кредит СССР. Учебное пособие для финансово - экономических институтов. — Москва, 1938 г., стр. 452.

В области экономических, финансовых, статистических изслѣдованій, как и в других, в СССР сейчас фактически приостановлена вся работа. Нѣтъ ни малѣйшаго проявленія мысли, убитой навязанными свыше формулами. Царит такая пустота и нищета, что появленіе какой-либо книги, хотя-бы отдаленно похожей на научное изслѣдованіе, производит сенсацию. Названный труд о совѣтских финансах, составленный под редакціей проф. Козлова, «авторским коллективом», с участіем проф. Дьяченко, проф. Ровинскаго, доцентов Дымшица, Гурвича, Залѣскаго, Геращенко, Костромина (ни одного стараго, извѣстнаго имени), очевидно, явился тоже сенсацией, раз его содержаніе долго разбиралось и обсуждалось на специально для этого созванных собраніях научных работников.

Г-н Злобин, директор Научно - Изслѣдовательскаго Института при наркомфинѣ, резюмируя дебаты и отзывы, дал труду сдержанную, и скорѣе кислую, оцѣнку (см. «Финансовая Газета» ном. 4, за январь 1939 г.). Его основное критическое указаніе заключается в том, что авторы «Финансы и Кредит СССР» теоретически неправильно представляют себѣ значеніе совѣтскаго «налога с оборота» в народно - хозяйственной системѣ СССР. Указаніе справедливо... «Налог с оборота» играет в финансах СССР **главенствующую** роль. В 1937 г. доходы союзнаго бюджета в суммѣ 96,5 миллиардов были покрыты на 75,9 миллиардов рублей, т. е. на **78,6%** налогом с оборота. Но что такое собою представляет этот «налог»?

Авторы рецензируемаго труда помѣщают его почти рядом с такими ординарными налогами, как подоходный налог! Это несомнѣнная ошибка, и г. Злобин прав, когда пишет, что «налог с оборота, по существу своему, **не есть налог**». Налог с оборота есть **указная, обязательная, декретированная** прибыль, в дополненіе и в отличіе от коммерческой прибыли, приносящей совѣтскому хозяйству в пять раз меньше. Авторы «Финансы и Кредит СССР», очевидно, боятся проанализировать глубже природу главенствующей статьи дохода СССР. Вѣроятно поэтому, они отводят ей непропорціонально малое мѣсто в работѣ, находя

возможность посвящать десятки страниц маленьким вопросам. Недостаточное внимание удѣлено ими и коммерческой прибыли. Они даже не указали, сколько в 1937 г. этой прибыли и в каких областях она накоплена вообще и, в частности, что особенно интересно, — в промышленности. Можно указать и на другие дефекты книги, напимѣр, на отсутствие указаний о величинѣ прямых налогов, падающих на население. Однако, не нужно быть особенно строгими к авторам «Финансы и Кредит СССР»; пока это **единственная** работа, дающая общее представление о сложной финансовой системѣ СССР, в том видѣ, какой она получила послѣ налоговой реформы 1930 г. Нельзя все-таки не отмѣтить, что критика финансов капиталистических стран и довоенной Россіи дана в ней в духѣ самой низкопробной, улично - коммунистической агитки. Маленькій примѣр: «Сберегательныя кассы капиталистических стран являются орудіем капитала для усиленія эксплуатаціи трудящихся. Вклады трудящихся носят вынужденный характер. Увеличеніе мелких вкладов является показателем роста бѣдности». Мы не хотим думать, что таковы подлинныя мысли совѣтских профессоров и доцентов, изслѣдующих финансово - экономическіе вопросы. Иначе пришлось бы впасть в полное отчаяніе от безмѣрнаго, катастрофическаго, паденія научной мысли в нашей странѣ. Что же касается ежеминутнаго колѣнопреклоненія авторов пред «великим Сталиным» и их проклятій по адресу «выкорчеванных славной совѣтской развѣдкой» — «троцкистско - бухаринских фашистских вредителей», пробравшихся в управление финансами СССР, — об этом говорить не приходится. Это стиль, ритуал, обязательный для всѣх, нежелающих попасть в политизолятор...

Е. Юрьевскій

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ В РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

- Вл. Крымов. — В царствѣ дураков. Изд. «Д. Книги», Париж, 1939.
И. А. Дьяков. — «Здѣсь» и «Там». Роман. Изд. «Новая Жизнь». Шанхай, 1938.
А. Гингер. — Жалоба и торжество. Третья книга стихов. Париж, 1939.
Весенній сборник Литературно - художественнаго кружка. — Монархическое объединеніе. Харбин, 1939.
С. Барт. — Ворошители соломы. Пятая книга стихов. Варшава, 1939.
С. Л. Франк. — «Непостижимое». Русская научная бібліотека. Изд. «Совр. Записки». Париж, 1939.
Еврейскій Мір. — Ежегодник на 1939 г. Об'единеніе русско - еврейской интеллигенціи, Париж. 1939.
Соціалистическій Вѣстник. — № 6. 1939.
«Бодрость». №№ 221 и 222.

Непринятія рукописи Редакція не возвращает.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1939-й год

на ежемѣсячный журнал

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“

выходящій в Парижѣ под редакціей П. Н. Милюкова.

«Русскія Записки» выходят регулярно в первых числах каждого мѣсяца. Преслѣдуя цѣль — держать русскаго читателя в курсѣ событий во всѣх областях жизни и знанія — «Русскія Записки» дают из книги в книгу фактической перечень важнѣйшихъ событий, происшедших в теченіе истекшаго мѣсяца, равно как и обзоры — международной политики, «Из міра литературы», «Из міра науки».

Подписка принимается в почтовыхъ отдѣленіяхъ, в конторѣ журнала, в отдѣленіяхъ газ. «Посл. Нов.» во Франціи и за-границей и в русск. книжныхъ магазинахъ. В нижеперечисленныхъ странахъ подписка принимается и в почтов. отдѣленіяхъ: Австрія, Бельгія, Венгрія, Германія, Данія, Дания, Италия и ея колоніи, Латвія, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегія, Португалія и ея колоніи, Финляндія, Франція и Марокко, Румынія, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія.

Подписка в почт. отдѣленіяхъ обходится много дешевле, так как почта принимает на себя значительную часть расходов по пересылкѣ журнала.

Подписная цѣна:	во Франціи	В странах с понижен. почт. тарифом *)	В странах с полным почт. тарифом
На 3 мѣсяца	35 фр.	амер. \$ 1.50	амер. \$ 1.80
На 6 мѣсяцев	65 фр.	амер. \$ 2.75	амер. \$ 3.25
На 12 мѣсяцев	125 фр.	амер. \$ 5.00	амер. \$ 6.00

*) Страны с понижен. почт. тар.: Австрія, Аргентина, Бельгія, Бразилія, Болгарія, Венгрія, Германія, Голландія, Греція, Египет, Испанія, Канада, Конго (бельг.), Куба, Латвія, Литва, Мексика, Парагвай, Персія, Португалія и ея колоніи, Румынія, Турція, Урагвай, Финляндія, Франція и Марокко, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія и Югославія.

Цѣна отдѣльн. № во Франціи 18 фр., за-границей — 80 центов (и 70 цент. в странах с понижен. почт. тарифом). Для подписчиков «Посл. Нов.» — 12 фр. во Франціи (с пересыл. — 13 фр. 50 с.), 60 цент. за-гран. (и 50 цент. в странах пониженнаго почтового тарифа).

Деньги, корреспонд. и об'явленія просят направлять по адресу:
«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.
Tél. : ARC. 43-98. Ch. Post. 2221.68 Paris.

М А И
1939

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

Адрес Редакціи и Конторы:
« ANNALES RUSSES », 51, rue de Turbigo, PARIS (3°).
Tél.: Arc. 43-98.

ПАРИЖ